

**Ребекка Кантрелл
Джеймс Роллинс
Ночная охота (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6281856
Роллинс Дж. Ночная охота : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68023-8*

Аннотация

Бывший спецназовец-разведчик Такер Уэйн и его верный боевой товарищ, пес-следопыт Кейн, только что уволились из армии – и теперь наслаждаются заслуженным отдыхом в столице Венгрии Будапеште. Но правду говорят, что нельзя так просто оставить жизнь, полную приключений, рано или поздно приключения сами тебя найдут... Случайно Такер заметил на улице перепуганную девушку, за которой следили три подозрительных типа, явно вооруженные. Такер заговорил с девушкой, и та, почувствовав в Уэйне и Кейне своих защитников, открыла отставному сержанту невероятную древнюю тайну о несметных сокровищах. Долгие годы они считались утерянными; лишь девушке и ее отцу известно, что это не так, и они знают, где их искать. И обладание этой тайной грозит ей неминуемой и мучительной смертью. А теперь – и двум бывшим армейским «волкодавам»...

Впервые на русском языке! Новое произведение Джеймса Роллинса, являющееся предысторией романа «Линия крови»!

Содержание

Джеймс Роллинс	5
4 марта, 5:32 вечера Будапешт, Венгрия	5
Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл	28
23 октября, 14 часов 09 минут	28
23 октября, 16 часов 31 минута	31
17 часов 18 минут	43
Весна 73 года нашей эры Масада, Израиль	49
26 октября, 10 часов 33 минуты по местному времени	54
26 октября, 13 часов 03 минуты по местному времени Масада, Израиль	59
Джеймс Роллинс	66
Замечания исторического характера	66
Замечание научного характера	67
Пролог	68
Весна 1086 года. Англия	68
Настоящее время. 8 октября, 23 часа 55 минут. Ватикан	73
Часть первая	76
Вторник, 9 мая. Для немедленной публикации	76
1	77
9 октября, 4 часа 55 минут. Мали, Западная Африка	77
2	80
10 октября, 7 часов 04 минуты. Лесной парк Принца Уильяма. Штат Виргиния	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл

Ночная охота (сборник)

James Rollins

TRACER

Tracer © by James Czajkowski

City of Screams © 2012 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

The Doomsday Key © 2009 by James Czajkowski

Джеймс Роллинс

Ночная охота

4 марта, 5:32 вечера Будапешт, Венгрия

Он тотчас понял, что за ней ведется охота.

Сидя за столиком уличного кафе, Такер Уэйн наблюдал за женщиной, торопливо переходившей продуваемую холодным ветром средневековую площадь Шентаромсаг Тёр, или площадь Троицы. Блондинка двадцати с небольшим лет оглядывалась через плечо слишком часто. Она была в темных очках, хотя уже почти вся площадь была накрыта тенью угасавшего дня. Розовый шелковый шарфик натянут почти до самого подбородка явно не потому, что ей холодно. Столь тонкая ткань едва ли защищала от ледяных порывов ветра, гулявшего на площади. Кроме того, она шла слишком быстро по сравнению с другими людьми, находившимися в сердце Королевского замка, главной туристической достопримечательности Будапешта.

Армия научила Такера подмечать подобные мелочи, выделять необычное из массы привычных вещей. Когда он был капитаном армейской разведки, то вместе со своим четвероногим партнером служил следопытом во время двух командировок в Афганистан, занимаясь поисково-спасательными операциями, «извлечением», выслеживанием целей для последующего захвата. В удаленных районах и деревнях Афганистана грань между жизнью и смертью зависела не столько от оружия, кевларовых жилетов и новейших оценок риска, сколько от того, как тонко ты умеешь чувствовать ритмы окружающего пространства, привычного течения жизни, чтобы вовремя подметить все то, что в это течение не вписывалось.

Как, например, сейчас.

Женщина была здесь явно чужой. Даже расцветка ее одежды была неуместной. Светло-бежевое пальто, довольно длинное, до колен. Красные туфельки в тон шарфику и шляпке. Незнакомка ярким пятном выделялась среди одетой по-зимнему толпы – на фоне оттенков коричневого, черного, серого.

Не очень разумно, когда за тобой охотятся.

Наблюдая за тем, как она нервно идет через площадь, Такер грел руки о чашку кофе. Сам он был в теплой куртке, на руках – перчатки с обрезанными пальцами. Другие посетители кондитерской забрались в помещение, в тепло, где в этот час было многолюдно. Они стояли, прижатые к стойке, или сидели за крошечными столиками возле окна. Такер был единственным, кто сидел снаружи, во внешнем дворике на краю холодной городской площади.

Он и его напарник.

Пес породы, известной как бельгийская овчарка малинуа, лежал у ног Такера, уткнувшись носом в его ботинки, готовый выполнить любую команду. Пса звали Кейн. Они вместе отслужили два срока в Афганистане. Они работали вместе, ели вместе, даже спали вместе. Кейн стал такой же частью его тела, как, допустим, рука или нога.

Уйдя со службы, Такер забрал пса с собой. С тех пор он много скитался по свету, стараясь держаться подальше от людей. Иногда брался за разовую работу, чтобы хватало на кусок хлеба. Выполнив задание, сразу же перебирался на новое место. Ему нравилась такая жизнь. После того, что Такер видел в Афганистане, ему нужны были новые горизонты, новые просторы. Но главным образом им двигала охота к перемене мест.

Родных в Штатах у него не было, и он больше не нуждался в доме. Его это устраивало.

Такер нагнулся и погладил густую шерсть на загривке пса. Кейн поднял голову. В глаза Уэйну заглянули темно-карие с золотистыми крапинками, собачьи глаза. В этом вся неповторимость собак. *Они изучают нас так же пристально, как и мы их.*

Такер ответил на этот взгляд коротким кивком и посмотрел на площадь. Женщина торопливо шагала в сторону кафе и вот-вот пройдет мимо выставленных на улицу столиков. Такер взглядом велел псу приготовиться.

Он внимательно изучил толпу на площади, обтекавшую высокую колонну в самом ее центре. Ее барочный фасад украшали мраморные фигуры. Казалось, они карабкались по ней вверх, к небу, к сверкающей золотой звезде. Колонна символизировала жителей города, сумевших спастись в восемнадцатом веке от Черной Чумы.

Когда женщина подошла ближе, Такер внимательно изучил всех, кто в эти мгновения смотрел в ее сторону. Таких было несколько. Незнакомка относилась к числу женщин, на которых всегда оборачиваются: стройная, с отличными формами, длинные светлые волосы до середины спины.

Наконец Уэйн вычислил на площади ее охотника. Точнее, охотников.

Высокий, похожий на глыбу мужчина, сопровождаемый по бокам двумя рослыми спутниками, вышел с улицы на северной стороне площади. Все трое одеты в плащи. Старший был черноволос, ростом более шести футов. Мускулистый и накачанный и, судя по оспинам на лице, хронический потребитель стероидов-анаболиков.

Под плащами у всех троих что-то бугрилось – явно спрятанное оружие.

Женщина их не заметила. Ее взгляд был устремлен вперед, поверх их голов. Похоже, она знала, что ее могут выслеживать, однако не умела вычислить преследователя. И все же она инстинктивно держалась ближе к людям.

Женщина торопливо прошла мимо Такера, оставив после себя легкий шлейф ароматов жасмина. Кейн повел носом вслед запаху ее духов.

Незнакомка направилась к входу в церковь Святого Матиаша. Это было великолепное сооружение с готическим шпилем, словно сделанным из каменного кружева, и рельефом четырнадцатого века, изображающим смерть Богородицы. Двери были все еще открыты для последних посетителей. Незнакомка шагнула к входу и, незаметно посмотрев по сторонам, вошла внутрь.

Такер допил кофе, оставил на столике чаевые и, поднявшись с места, взялся за поводок Кейна. Он вышел на площадь в тот самый миг, когда трое «охотников» прошагали мимо него. Двинувшись вслед за ними, Уэйн услышал, как самый высокий отдал по-венгерски какой-то приказ.

Местные громилы.

Такер пошел следом за ними прямо к церкви. Один из этой троицы обернулся на него. Уэйн знал, что тот увидит.

Мужчина лет тридцати, выше среднего роста, со светлыми, слегка взлохмаченными волосами, ведет на поводке собаку в коричневом жилете. Свою мускулистую атлетическую фигуру Такер попытался скрыть, опустив плечи и немного ссутулившись. Одежда на нем была крайне неброской и непритязательной: поношенные джинсы, слегка потрепанная куртка цвета хаки, низко надвинутая на лоб вязаная шапочка. Он знал, что избегать визуального контакта не стоит, это скорее вызовет подозрения. Поэтому он доброжелательно кивнул и тут же изобразил полное безразличие.

Как только второй «охотник» отвернулся, Такер потрогал нос и указал пальцем на громилу посередине.

Запомни его запах!

Кейн понимал около тысячи слов и примерно сотню жестов. Он тотчас затрусил вперед и, догнав троицу в плащах, понюхал ноги шагавшего посередине громилы.

Такер же нарочно отвернулся в сторону, сделав вид, будто рассматривает площадь и не обращает внимания на пса.

Выполнив приказание, Кейн вернулся к хозяину и принялся ждать следующую команду: уши по-прежнему стоят торчком, хвост приподнят, выражая готовность к действию.

Трое подошли к церкви, и средний отдал несколько коротких приказов на венгерском. Группа разделилась, каждый из «охотников» должен был прикрывать отдельный выход.

Такер подошел к скамейке, опустился на корточки перед псом и обмотал конец поводка вокруг чугунной ножки. Второй конец он отцепил и просто засунул за ошейник Кейна. Со стороны могло показаться, что собака привязана к скамье.

После этого он сунул руку под коричневый вязаный комбинезон пса, под которым скрывался водонепроницаемый кевларовый жилет, и щелчком привел в действие встроенную миниатюрную видеокамеру. Вытащив проводок с оптико-волоконной линзой, размером меньше карандашной стирашки, Такер спрятал ее в густой шерсти между стоящими торчком ушами.

– Стой! – приказал он.

Кейн уселся в тени, отбрасываемой церковью: обычная собака, дожидается своего хозяина.

Почесав пса за ухом и удостоверившись, что гарнитура «блютус» на месте, Такер нагнулся и приблизил лицо к морде Кейна. Это был их традиционный ритуал.

– Кто у нас хороший мальчик?

Кейн потянулся вперед и коснулся лица человека холодным носом.

– *Правильно. Ты.*

Пес махнул на прощание хвостом. Такер выпрямился, и Кейн проследил взглядом за громилой – тот направлялся к главному входу церкви с уверенностью охотника, чья жертва попала в ловушку.

Вынимая на ходу мобильник, Такер двинулся следом за венгром. Кстати, телефон – так же как и тактический жилет – он «оставил» себе, когда уходил со службы. Впрочем, и Кейна тоже. Но после того, что произошло в деревне неподалеку от Кабула...

Такер попытался отогнать мучительное воспоминание.

Больше никогда...

Все его отделение помогло ему бежать вместе с собакой.

Но это уже другая история.

Он включил телефон и нажал несколько клавиш. На экранчике возникла картинка: его спина, его удаляющаяся фигура. Изображение поступало с видеокамеры Кейна.

Значит, все в порядке.

Сунув телефон в карман, Такер последовал за верзилой внутрь церкви. Внутри, к похожему на огромную пещеру своду, ввысь уходили витые колонны. Стены украшали прекрасные золотые фрески, изображавшие смерть венгерских святых. Картины слегка подрагивали в мерцании свечей, которыми был уставлен весь неф. Дальше по бокам располагалась часовня с гробницами и музей средневековой резьбы. В церкви стоял густой запах ладана и плесени.

Такер легко вычислил цель, которая и здесь выделялась своим светлым пальто. Опустив голову, девушка сидела на скамье примерно в середине нефа.

Высокий громила занял пост у входа: стоял, привалившись к стене, в ожидании того момента, когда девушка поднимется, чтобы уйти. Было ясно, что «охотники» побоятся похищать ее на глазах у многочисленных свидетелей. Впрочем, в этот час, когда солнце уже практически зашло, а церковь пустеет, ждать им осталось недолго.

Теперь все зависит от него.

Проскользнув мимо громилы – взгляд тотчас выхватил в его левом ухе наушник радиотелефона, – Такер прошел в глубь церкви к скамье, на которой сидела женщина, и опустился рядом. Она тотчас отодвинулась от него на несколько дюймов. Впрочем, она даже не посмотрела в его сторону, хотя и сняла, в знак уважения к храму, солнечные очки. Такер поспешил снять с головы вязаную шапку.

В мерцании свечей ее волосы отливали золотом. Она бросила на него быстрый взгляд. Глаза ее были голубыми. В руках незнакомка сжимала сотовый телефон, как будто не знала, кому следует позвонить, или же сама надеялась получить звонок.

– Вы говорите по-английски? – тихо спросил Такер.

Даже его шепот заставил ее вздрогнуть. Впрочем, помолчав, она все-таки вежливо ответила:

– Да, говорю, но предпочитаю, чтобы меня не беспокоили.

Она произнесла эти слова так, будто делала это уже бесчисленное число раз. Ее акцент был явно английским, так же как и ее сдержанность. Она демонстративно отодвинулась от Такера примерно на фут.

В свою очередь тот смиренно опустился на колени и, склонив голову к сложенным в молитвенном жесте ладоням, негромко сказал:

– Я хотел предупредить – вас преследуют три человека.

Незнакомка напряглась, готовая в любое мгновение сорваться с места и броситься прочь.

– Мне кажется, вам следует помолиться, – сказал Такер, жестом приглашая ее последовать его примеру.

– Я еврейка.

– А я здесь единственный, кто способен вам помочь. Если вы не против.

И вновь молчание, но теперь девушка осторожно опустилась на колени.

– Они стоят у каждой двери, – шепнул Такер, не поворачивая головы. Когда же она попыталась бросить взгляд в сторону выхода, твердо добавил: – Не смотрите!

Девушка склонила голову ниже.

– Кто вы?

– Никто. Я заметил, что вооруженные люди идут за вами по пятам. Увидел, что вы напуганы...

– Мне не нужна ваша помощь.

– Хорошо, я просто предложил вам ее, – вздохнул Такер и собрался встать.

Он сделал все, что подсказывала ему совесть. Он не может помогать тем, кому гордость или упрямство не позволяют принять его помощь.

Девушка протянула руку и потянула его за рукав.

– Подождите.

Когда Уэйн вновь опустился на колени рядом с ней, она спросила:

– Откуда мне знать, что вам можно доверять?

– Знать вы, конечно, не можете, – ответил Такер и пожал плечами. – Вы или доверяете мне, или нет.

Незнакомка пристально посмотрела на него, и он выдержал ее взгляд.

– Я помню вас. Вы сидели с собакой во дворике кафе.

– Ага, меня вы запомнили, а вот вооруженных громил, которые вас преследуют, – нет.

Она отвернулась.

– Я люблю собак. Она у вас такая красивая.

Такер тотчас проникся к незнакомке симпатией и даже улыбнулся в сложенные лодочкой ладони.

– *Ego* зовут Кейн.

– Извините. Тогда *он* – красив. – Девушка придвинулась ближе и уже почти спокойно спросила: – Но что *вы* можете сделать?

– Я могу вывести вас отсюда. Увести вас от них. Что вы будете делать после этого – ваше дело.

Это была одна из разновидностей его специализации. «Извлечение».

Незнакомка посмотрела на него. Было видно, что она колеблется.

– Тогда, пожалуйста, помогите мне, – сказала она после короткой паузы.

Уэйн протянул ей руку.

– Тогда пойдете отсюда.

– Как? – удивленно спросила она. – А как же?..

Его пальцы сжали ей ладонь, призывая замолчать. Рука ее была горячей.

– Держитесь ближе ко мне.

Уэйн отпустил руку и, жестом велел держаться как можно ближе к нему, помог ей выйти из прохода между скамьями. В другой руке, которая находилась параллельно бедру, он сжимал черный армейский нож «ка-бар». Обычно Такер тайно носил его на лодыжке и теперь вытащил из ножен, когда опускался на колени. Впрочем, не дай бог пускать его в ход.

Уэйн повел девушку прочь от главного входа к малому выходу на южной стороне храма. Пока они шли, он успел покоситься на верзилу-«охотника». Тот уже отделился от стены. Такер заметил, как он прикоснулся к уху, давая знак своему подручному, охранявшему дверь. Затем верзила двинулся через церковь к дальнему выходу, и его мощная фигура исчезла из вида. Они явно собирались устроить засаду сразу, как только их жертва выйдет наружу.

Когда громила вышел, Такер резко развернулся сам и, схватив незнакомку за талию, развернул и ее тоже.

– В чем дело?..

– Планы меняются, – ответил он. – Мы поступим по-другому.

Не выпуская девушку, Такер торопливо повел ее к северному portalу в надежде на то, что переданный громилой по радиосвязи приказ заставил «охотников» обратить взгляды на юг и теперь они ждут девушку именно возле той двери.

Подойдя к выходу, он на мгновение помедлил. Затем притянул ее к себе и посмотрел на сотовый телефон. Солнце уже село, но изображение, хотя и зернистое, оказалось достаточно светлым. На экране была видна площадь и главный вход в церковь. Такер отыскал взглядом пса. Тот терпеливо его ждал.

Молодчина.

Удовлетворившись увиденным, Такер шагнул к выходу, надеясь, что охранявший его «охотник» ушел к другому краю церкви вместе со своим старшим.

Что ж, его хитрость сработала – правда, к несчастью, против него самого.

Стоило Такеру шагнуть к двери, как та открылась. Вместо того чтобы обходить церковь снаружи, третий «охотник» двинулся внутрь. Он явно пожелал пройти по прямой, а заодно прикрыть жертву сзади.

И Такер, и «охотник» растерялись в равной степени.

Взгляд «охотника» тотчас выхватил женщину в светлом пальто. Было видно, что громила тужится сообразить, как она оказалась здесь.

Такер отреагировал первым. Воспользовавшись секундным замешательством, он плечом вытолкнул противника наружу, в темный узкий переулок, где впечатал его в кирпичную стену, после чего с силой вогнал ему в солнечное сплетение локоть.

«Охотник» ойкнул и начал оседать на мостовую, успев, правда, потянуться к спрятанному оружию. Тогда Такер развернулся и с размаха стукнул рукояткой ножа громилу в висок. Тот мигом опустился на колени, а затем упал лицом вниз на землю.

Такер быстро обыскал его карманы. Девушка тем временем вышла наружу и прикрыла за собой дверь. Вид у нее был испуганный.

Поскольку церковь была почти пуста, никто не заметил этой короткой стычки. Такер забрал полуавтоматический пистолет FEG PA-63, табельное оружие венгерской полиции и военных. Он также обнаружил служебное удостоверение с незнакомым ему значком. Открыв его, Такер узнал лицо на фотографии. По верху «корочки» тянулась надпись «Nemzetbiztonsági Szakszolgálat», внизу были три буквы – «NSZ».

Увидев удостоверение, девушка ахнула. Она поняла, что это такое.

Да, это явно не к добру.

Такер вопросительно посмотрел на нее.

– Он из венгерской службы национальной безопасности, – пояснила она.

Такер глубоко вздохнул и выпрямился. Так вот оно что! Он только что «отключил» сотрудника венгерской внутренней разведки. Во что же он вляпался? В данный момент ответить на этот вопрос могла только стоявшая перед ним незнакомка.

Нет, ему ни к чему быть пойманным рядом с лежащим без сознания телом. Тем более друзьями поверженного «охотника». В этой бывшей стране советского блока, где свирепствовала необузданная коррупция, люди довольно часто исчезали бесследно.

На какой же стороне закона он сейчас находится? На правой или несправедливой?

Уэйн вновь посмотрел в глаза испуганной молодой женщины. Ее страх казался неподдельным, рожденным смятением или паникой. Такер вспомнил, как она переходила площадь, – яркая, легко уязвимая мишень. Кем бы незнакомка ни была, она явно не преступница.

Он должен доверять своим инстинктам. Одной из причин, почему он работал в паре с Кейном, был его высокий уровень эмпатии. У военных кинологов даже была поговорка – *ЭТО передается по поводку*. Считалось, что со временем эмоции человека и животного становятся общими, связывая их воедино крепко, как поводок. Это же умение позволяло ему, как открытую книгу, читать людей. От Такера не ускользали даже малейшие нюансы языка тела, выражения лиц, на что другие люди просто не обращают внимания.

Стоило ему посмотреть на эту юную женщину, как он тотчас понял, что она в настоящей беде.

Что бы ни случилось – это была не ее вина.

Приняв решение, Такер взял ее за руку и быстрым шагом направился в переулок. Его отель, «Будапешт-Хилтон», находится недалеко, прямо за углом. Главное – оказаться в безопасности, тогда он сможет вычислить, что на самом деле происходит и что нужно делать.

Но прежде всего ему нужна информация. Нужны зоркие глаза и чуткие уши, а в его случае и собачий нос.

Такер снова вытащил сотовый телефон, нажал на кнопку и отдал команду.

Кейн слышит его голос и понимает команду.

«СЛЕД!»

Он встает, сбрасывает поводок и, не обращая внимания на клацанье «карабина» по камням мостовой, ныряет под скамью, где его тотчас укрывает тень. Здесь Кейн поднимает нос в ночной воздух. Впитывает запахи окружающего мира, получает информацию о том, чего можно не заметить в темноте, хотя глаз у него зоркий и даже ночью он может увидеть многое.

Тухловатый запах обжаренных из контейнера пищевых отходов...

Застарелый запах мочи от каменной стены...

Дымный бензиновый выхлоп пытается перекрыть все остальные запахи...

Но он продолжает принюхиваться, выискивая тот запах, который ему приказано найти. Это – проторенная дорожка на фоне всех прочих: запах кожи и пота, соль на коже,

мускусная влажность под длинными полами плаща, которую он уловил, когда указанный напарником человек прошел перед ним...

Теперь он идет по этому следу, и след этот светит, подобно зажженному маяку, сквозь облака миазмов.

Кейн ведет охоту за ним, прячась под скамьей, следя за каменным углом, оставаясь в тени. Ждет. Он видит, как добыча выбегает из-за угла.

Он припадает к земле.

Добыча и другой человек пробегают мимо, не замечая его.

Он ждет, ждет, ждет – и только тогда отправляется следом.

Почти прижимаясь брюхом к земле, Кейн передвигается из тени в тень, пока не замечает добычу. Та согнулась над другим человеком. Верзила и его напарник поднимают упавшего, осматриваются, затем уходят.

Он устремляется за ними, призрак, идущий по следу.

Такер торопливо провел незнакомку через главный вход отеля «Будапешт-Хилтон». Историческое здание расположено всего в считанных шагах от церкви Святого Матиаша. На пути к отелю их никто не заметил.

Такер быстро провел ее в вестибюль, в очередной раз удивившись странному смешению старины и современности, столь присущему этому городу. Отель расположился в нескольких зданиях доминиканского монастыря тринадцатого века, включая в себя церковную стрельчатую башню, восстановленное аббатство и погреб в готическом стиле. Не столько отель, сколько музей. Даже дверь, в которую они вошли, была когда-то частью старинного фасада иезуитского колледжа, основанного в 1688 году.

Ему и Кейну предоставили здесь номер благодаря специальному международному военному паспорту, в котором собака значилась армейским рабочим животным. У Кейна даже имелось звание – *майор*, на одну ступеньку выше, чем у Такера. Все военные собаки были рангом выше, чем их напарники-люди. Это позволяло рассматривать случаи жестокого обращения с животными в военно-полевом суде. Приговор обычно гласил: *за рукоприкладство по отношению к старшему по званию*.

Кейн заслужил и свое звание, и особое положение. За время выполнения боевых заданий он спас сотни жизней. Так же, как и его напарник.

И вот теперь на них легла новая обязанность. Защитить эту женщину и выяснить, во что они вляпались.

Такер провел незнакомку через вестибюль в свой гостиничный номер, одноместный, с огромной кроватью. Сама комната была небольшой, однако из ее окна открывался вид на Дунай, рассекавший город на две части – Буду на этом берегу, и Пешт – на другом. Отодвинув от стола стул, Такер предложил гостье сесть. Сам он устроился на краю кровати и посмотрел на экран мобильного: ага, Кейн продолжает слежку. На экране было видно, как двое тащат по узким извилистым улицам третьего, который, похоже, так и не пришел в сознание.

Такер положил телефон на колени и повернулся к девушке.

– Может, вы все-таки расскажете мне, в какой беде оказались, мисс?..

Незнакомка безуспешно попыталась улыбнуться.

– Барта. Алица Барта. – На ее глаза неожиданно накатились слезы, и она поспешила отвернуться. – Я не знаю, что происходит. Я приехала из Лондона, чтобы встретиться с отцом... или, точнее, чтобы *найти его*. Он – профессор гебраистики Будапештского еврейского университета.

Алица вопросительно посмотрела на Такера, пытаясь понять, слышал ли он о таком учебном заведении. Когда тот ответил ей непонимающим взглядом, она заговорила дальше. От Такера не скрылось, как сквозь слезы прорывается семейная гордость.

– Это один из лучших университетов, где изучают еврейскую культуру и религию. Он был основан в середине девятнадцатого века. Это старейшее учебное заведение в мире, где готовят раввинов.

– Так ваш отец раввин?

– Нет. Он историк. Он изучает зверства нацистов, в частности, занимается темой разграбления имущества евреев.

– Я слышал о попытках найти и вернуть награбленное.

– На выполнение этой задачи потребуются десятилетия, – кивнула Алица. – Чтобы вы представили себе масштаб проблемы, скажу следующее: британское министерство, в котором я работаю в Лондоне, оценивает награбленное нацистами в покоренных ими странах в 27 триллионов долларов. Венгрия не была исключением.

– И ваш отец расследует преступления, совершенные нацистами на венгерской земле? – До Такера начал доходить смысл проблемы: пропавший историк, утерянные сокровища, спрятанные нацистами, и каким-то образом причастная к этому венгерская национальная служба безопасности.

Кто-то что-то нашел.

– Последние десять лет он расследовал одно происшествие. Ограбление Венгерского национального банка в конце войны. Немецкий офицер, точнее, оберфюрер СС Эрхард Бок и его подчиненные бежали из страны, прихватив тридцать шесть ящиков с золотом и драгоценными камнями, которые сегодня оцениваются в 92 миллиона долларов. Согласно документам того времени, всё это они погрузили на пароход и отправили по Дунаю в Вену. Однако по пути пароход попал под авианалет. Сокровища выбросили за борт примерно в том месте, где Дунай сливается с Моравой.

– И эти сокровища так и не были найдены?

– Да. Это удивляло моего отца, потому что факт ограбления широко известен, так же как и судьба сокровищ. Дело в том, что устье Моравы сильно мелеет в это время года. А если учесть, что в течение двух лет имела место сильная засуха, то тогда оно было совсем мелким. По мнению отца, кто-то должен был обнаружить эти ящики прежде, чем их засосало речным илом.

– И у вашего отца есть другая теория, верно я понял?

Их взгляды встретились.

– Он считает, что сокровища никуда не увозили, а спрятали где-то в Будапеште. Эрхард Бок наверняка рассчитывал, что сможет вернуться за ними. Конечно, этого не произошло, и на смертном одре Бок намекнул, что сокровища остаются на прежнем месте. Он якобы захоронил их там, *где до них не дотянутся даже когти мертвых евреев*.

Такер вздохнул.

– Как говорится, бывших нацистов не бывает.

– Два дня назад отец оставил на моем автоответчике загадочное послание. Он заявил, что совершил невероятное открытие благодаря важной подсказке, которую отыскал в недавно возвращенном архиве университетской библиотеки. Документ из пражской пещеры.

– Пражской пещеры?

Алица кивнула и поспешила объяснить.

– Библиотека здешнего университета обладает самым богатым после Израиля собранием еврейской теологической и исторической литературы. Когда немецкие войска оккупировали Будапешт, они сразу же закрыли еврейский университет и превратили его в тюрьму. Однако незадолго до этого самые ценные рукописи были спрятаны в подземном хранилище. Однако внушительное количество важных документов – три тысячи книг – немцы перевезли

в Прагу. В еврейском квартале чешской столицы Адольф Эйхман собирался устроить музей исчезнувшей расы.

– Какой славный парень.

– Лишь в 1980-х годах эти книги были обнаружены в пещере под Прагой. А после падения коммунизма в 1989 году они были возвращены в Будапешт.

– И ваш отец нашел нечто важное среди этих возвращенных книг?

Девушка посмотрела ему в глаза.

– Да, в учебнике *по геологии*. Отец оставил сообщение на автоответчике, в котором просил меня, чтобы я, в свою очередь, попросила у британского министерства помощь в получении спутниковой информации. В Венгрии отец так и не смог ничего добиться.

– Что это за информация?

– Информация радара, зондирующего глубины земли с американского геофизического спутника. Ему нужно было глубокое подземное сканирование Пешта на другой стороне Дуная.

Алица посмотрела в окно на реку и сиявший огнями город.

– Получив это сообщение, я попыталась дозвониться до него, чтобы выяснить подробности. Мне это так и не удалось. Прошли сутки, и я начала беспокоиться. Я попросила одну из моих здешних подруг зайти к нему домой. Та сообщила мне по телефону, что квартира разгромлена, все перевернуто и разбито. Отец куда-то исчез. Тогда я села на первый же самолет, летевший рейсом в Будапешт. Весь день я провела в венгерской полиции. Похоже, там практически ничего не хотели делать, лишь пообещали держать меня в курсе розысков. Когда я вернулась к себе в отель, то обнаружила, что в моем номере был обыск. Дверь взломана, мебель перевернута, вещи разбросаны по всей комнате.

Алица выразительно посмотрела на Такера.

– Я не знала, что делать, не знала, кому доверять. Я просто убежала из отеля и оказалась на площади. Я была уверена, что за мной следят, но потом посчитала, что это просто паранойя. Скажите, *что* может быть кому-то от меня нужно? Что ищут эти люди?

– Так вы получили ту самую информацию со спутника, о которой вас просил отец?

Глаза девушки удивленно расширились. Она сунула руку в карман пальто и вытащила небольшую флэшку.

– Так, значит, они ищут вот это?

– Вполне может быть, а также и *вас*. Чтобы использовать как средство давления на вашего отца.

– Но зачем? И где может быть мой отец?

Такер посмотрел на сотовый телефон, лежавший у него на коленях. Люди, за которыми следовал Кейн, подошли к седану, припаркованному за пределами исторической части города. Здесь пес замедлил шаг и юркнул в ближайшую тень. Старшего было легко заметить. Он стоял, прислонившись к капоту машины, и прижимал к уху мобильный телефон.

– Надеюсь, эти парни дадут нам подсказку, – сказал он. – Вы говорите по-венгерски?

– Говорю. Моя семья родом из Венгрии. После отправки венгерских евреев в Освенцим мы потеряли почти всех родственников. Но кое-кто все-таки остался в живых.

Такер похлопал по кровати рядом с собой.

– Тогда послушайте это.

Алица села рядом и взглядела в экран сотового.

– Кто это снимает? – спросила она и наклонилась ниже. – Это те самые люди, что преследовали меня?

– Да, они.

Алица прищурившись посмотрела на Такера.

– Но как?..

– Я послал Кейна следить за ними. Он оснащен полным комплектом видеонаблюдения. Его слова встревожили ее еще больше. Впрочем, Такер не стал вдаваться в подробности, а просто включил громкость. Шум уличного движения и завывание ветра поглощали слова громилы, однако несколько фраз прозвучало довольно отчетливо.

Алица сосредоточенно поджала губы и наклонила набок голову, прислушиваясь. Такер невольно обратил внимание на изящный изгиб длинной шеи.

– О чем они говорят? – спросил он.

Алица, запинаясь, начала переводить.

– Что-то о кладбище. Заброшенном еврейском кладбище.

Наконец громилы закончили говорить по телефону и скрылся в седане. Алица покачала головой

– В конце он упомянул название улицы. *Шальготарьяни*.

Как только машина отъехала, Такер взял телефон и, нажав на кнопку, передал команду Кейну.

– Возвращайся домой. Молодчина, Кейн.

Опустив телефон, он увидел, как пес развернулся и потрусил в сторону отеля. Убедившись, что с Кейном все в порядке, Такер повернулся к Алице.

– Похоже, что эта троица действует на свой страх и риск. Кто-то услышал о расследовании вашего отца. О том, что, возможно, обнаружены потерянные сокровища. Вот они и пытаются украсть награбленное.

– Что же нам делать? Обратиться в полицию?

– Я не уверен, что это будет самое мудрое решение, особенно если вы хотите найти вашего отца живым и здоровым.

Последние слова Такер произнес с особым нажимом. Алица тотчас побледнела. Что ж, это даже неплохо. Пусть знает, каковы ставки в этой игре.

– Теперь, когда эти типы потеряли след, они загнаны в угол. – Это можно было заметить даже на зернистой картинке видеокамеры. – Полиция уже взялась за поиски вашего отца. Теперь эта троица ищет вас, чтобы использовать в качестве инструмента шантажа, из чего следует, что в данный момент ваш отец все еще жив. Но теперь, поскольку вы тоже пропали, а полиция хотя и медленно, но все же делает свое дело, они будут вынуждены спешить. Боюсь, что, если сегодня ночью они не получают то, что им нужно, они убьют вашего отца, чтобы замести следы. Впрочем, даже если они добьются от него нужных сведений, его ждет все тот же печальный конец.

– Значит, нет никакой надежды?

– Надежда есть всегда. Они напуганы и, скорее всего, начнут делать ошибки.

И станут еще более опасными, мысленно добавил он.

– Что же нам тогда делать?

– Мы узнаем, куда они забрали вашего отца. Та улица, которую они называли. Вам известно, где она находится?

– Нет, я не слишком хорошо знаю Будапешт.

– У меня есть карта.

Такер достал карту города и разложил ее на кровати. Касаясь плечом его плеча, девушка склонилась над картой рядом с ним. Аромат жасмина отвлекал.

– Вот она, – произнесла Алица. – Улица *Шальготарьяни*.

Такер провел пальцем по улице, заканчивающейся тупиком.

– Это почти в центре Пешта, и она как будто тянется вдоль... – Такер прочитал название и вопросительно посмотрел на девушку. – С кладбищем Керепеши. Оно может быть тем самым заброшенным еврейским кладбищем, о котором вы слышали из их разговора?

– Нет, вряд ли. Керепеши – старейшее кладбище во всей Венгрии. – Алица провела пальцем ближе к Дунаю. – Еврейский квартал вот здесь. Здесь же и большая часть наших захоронений. Это примерно в трех милях от кладбища Керепеши.

– Значит, мне придется взять Кейна и самому осмотреть эту улицу.

– Но это слишком опасно, – сказала девушка и тронула его за рукав. – Я не смею просить вас об этом.

– Вам не нужно меня просить. Если я не доведу это дело до конца, то они придут и за мной. Тот тип, которого я оглушил в переулке, видел, что вы были не одна. Знаете, я не хотел бы провести остаток жизни, постоянно оглядываясь и проверяя, не преследуют ли меня агенты венгерской охраны.

– Тогда я пойду вместе с вами.

– Извините, но у нас с Кейном такое правило: мы работаем только вдвоем. Вам лучше остаться здесь.

С этими словами он шагнул к двери, но Алица преградила ему дорогу.

– Вы не говорите по-венгерски. Вы не знаете, как выглядит мой отец. И вы совсем ничего не знаете о городе. В опасности жизнь моего отца. Я не собираюсь сидеть сложа руки, надеясь, что все обойдется. Когда-то мои соплеменники тоже на это надеялись. Сами знаете, чем это для них кончилось.

Было видно, что она собралась спорить с ним, но Такер лишь пожал плечами.

– Хорошо, вы убедили меня. Я действительно не знаю языка. Пойдемте.

Такер вместе с Алицей сидел на заднем сиденье такси. Машина катила по великолепному Цепному мосту, соединяющему оба берега Дуная. Девушка сидела посередине, между Кейном и Такером. Пес все это время высовывал нос в приоткрытую щель окна и радостно бил хвостом.

Алица погладила Кейна по холке, что, возможно, усилило радостное настроение четвероногого пассажира. По крайней мере, присутствие собаки успокаивало. Напряжение, которым было сковано все ее тело, слегка ослабло. И все же она крепко сжимала отцовский свитер, лежавший у нее на коленях. Сжимала так, что побелели костяшки пальцев.

Выйдя из отеля, они слегка замешкались, чтобы забрать Кейна, который покорно ожидал их перед входом. Потом по пути в Пешт им пришлось ждать друга ее отца, того самого, кто согласился тайком проникнуть в опечатанную полицией квартиру, чтобы забрать что-нибудь из вещей в шкафу. Им был нужен его запах. Дело было рискованное, но, похоже, за квартирой никто не наблюдал.

И все-таки Такер продолжал следить, нет ли за ними «хвоста» – тот вполне мог увязаться за ними, когда они проехали по мосту и, оставив Буду, покатали по улицам Пешта.

Еще через пятнадцать минут они добрались до центра второй половины города и проехали мимо похожего на огромный парк кладбища Керепеши с его массивными мавзолеями, бесчисленными скульптурами и длинными рядами могильных камней.

Такси остановилось на улице *Шальготарьяни*, на границе кладбища. Сказав несколько слов по-венгерски таксисту, который большую часть пути подозрительно косился на Кейна, Алица расплатилась с ним и даже сунула пару лишних банкнот за доставленные неудобства.

Все вылезли и подождали, пока такси не уедет. Когда машина наконец скрылась из вида, Алица повернулась к Такеру.

– Ну, что теперь?

– С этого места мы отправим Кейна на задание. Но сначала его нужно экипировать.

Такер указал на парковую скамью, почти незаметную в тени старинного дуба. Густо поросшая буками и березами, кустарником и зарослями диких роз, вся улица казалась старой и заброшенной. В темноте мерцали огни нескольких домов. Сама дорога была разбитой,

с многочисленными рытвинами, как будто по ней давно никто не ездил. Такер подвел спутницу к скамье, и они сели.

Кейн присоединился к ним лишь после того, как, задрав ногу над трухлявым пеньком, «пометил» улицу как свою законную территорию.

Ухватив пса за загривок, Такер встряхнул спрятанный под собачьим «комбинезоном» тактический жилет – хотел проверить, что никакая деталь не болтается и не выдаст лязгом его четвероногого напарника. С этого места они должны действовать как можно более незаметно. Такер включил видеокамеру, приподнял объектив и проверил наушник пса.

– Все в полном порядке, дружище, – сказал Такер, пригнувшись к собачьей морде. – Готов к охоте?

Ответом ему стало энергичное помахивание хвостом. Темные глаза Кейна блеснули в темноте.

Алица протянула Такеру шерстяной свитер. Кейн уже хорошенько обнюхал его, но дополнительная порция запаха дела не испортит.

– Цель! – произнес Такер. Пес старательно принялся к свитеру, затем приподнял голову. Такер указал на обсаженную деревьями улицу: – Иди по следу и найди!

Пес вздрогнул и устремился вперед. Еще несколько секунд, и он исчез в темноте, как будто его здесь никогда не было.

Такер встал и вытащил сотовый телефон. Он заранее надел наушник и включил ларингофон, чтобы общаться с Кейном без помощи рук. Вскоре в наушнике послышалось шумное дыхание пса. Чувствительный микрофон многократно усиливал любые звуки. Отлично.

Проверив связь еще разок, Такер повернулся к Алице.

– Вы можете подождать здесь. Если мы что-нибудь найдем...

Она явно была не против остаться, но все-таки встала.

– Я пойду за вами.

Такер кивнул и, проверив отобранный у венгра пистолет, засунул его за ремень.

– Посмотрим, что найдет Кейн.

Они зашагали по улице. Такер шел, стараясь держаться в тени густо заросшей деревьями аллеи, избегая пятен света, отбрасываемых окнами редких домов. Впрочем, в подобной предосторожности особой необходимости не было. В наушник он слышал дыхание пса, а на экране мобильного видел, где тот находился. Собака была продолжением его органов чувств, а не просто напарником по работе.

Вскоре они услышали, как вдалеке залаяли другие собаки, по всей видимости почуявшие появление Кейна. Если люди имеют в носу примерно шесть миллионов обонятельных рецепторов, то поисковые собаки вроде Кейна – триста миллионов, что во много раз увеличивает их способность распознавать запахи. Это позволяет им обнаружить цель на расстоянии, равном длине двух футбольных полей.

Такер не сводил глаз с дороги и постоянно прислушивался, не идет ли кто сзади. Он также отслеживал передвижения Кейна – тот постоянно петлял в поисках следа. Такеру казалось, что его собственное восприятие расширяется. Все его органы чувств были напряжены до предела, сравнившись по остроте восприятия с его четвероногим другом.

Он теперь по-иному, более остро, ощущал близость Алицы: запах ее кожи, звук шагов, учатившееся дыхание. Стоило ей сократить расстояние между ними, как он спиной уловил тепло ее тела.

На экране телефона Кейн еще раз перебежал улицу, двигаясь, судя по всему, в направлении тупика. Домов там не было, заросли как будто стали гуще и выше, а деревья старше. На экране появилась кирпичная арка, наполовину скрытая деревьями. Ее фасад сильно потрескался и был изрядно выщерблен. Вход закрывали заржавленные чугунные ворота.

Интересно, что там, за ними?

Стараясь держаться в тени, Кейн обошел небольшую площадку перед входом. К арке прилепился крошечный домик смотрителя кладбища. В окнах было темно. Кейн подошел к воротам и понюхал их нижний край. Такер заметил, как пес тотчас напрягся: вытянул нос вперед и поджал хвост. Ага, значит, что-то нашел...

Такер обернулся и прикоснулся к плечу девушки.

– Кейн взял след, обнаружил там запах вашего отца.

В глазах Алицы вспыхнула надежда. Девушка торопливо шагнула вперед, но Такер крепко сжал ей руку и удержал на месте.

– Держитесь позади меня, – сказал он. Затем потрогал ларингофон и отдал команду Кейну: – Молодчина. Пригнись. Спрячься!

Он увидел на экране, как пес нырнул в сторону и скользнул в тень справа от арки.

Такер повел Алицу вперед. Вскоре они дошли до конца улицы. Вокруг, похоже, все было спокойно. Уэйн подвел девушку к высокому буку.

– Я проверю ворота, – сказал он. – Посмотрю, заперты они или нет. Вы оставайтесь здесь и ждите, пока я не дам вам знак, что все в порядке.

Алица кивнула и нервным жестом машинально прижала руку к горлу.

После этого Такер последовал примеру Кейна: вместо того, чтобы идти по прямой, обошел стоянку по периметру, стараясь держаться в тени. Луна над головой светила ярко, бросая на землю слишком много света.

Такер пригнулся, чтобы его не заметили из окон пристроенной к арке сторожки. Нет, все тихо. Еще пара шагов, и он оказался возле ворот. На его счастье, те были не заперты. Такер рискнул протянуть руку, чтобы толкнуть одну половинку. Увы, прежде чем он успел это сделать, темноту за воротами прорезали лучи двух мощных фар. Ослепленный, Такер застыл на месте.

Из темноты раздался знакомый грубый голос. К несчастью, человек говорил по-венгерски. Такер решил не обращать на него внимания. Бросившись в сторону, он выхватил отобранный у оглушенного «охотника» пистолет и выстрелил по фарам.

Из-за ворот открыли ответный огонь.

Раздался треск разбитого стекла, и одна фара погасла. Затем машина устремилась вперед.

Черт!

Такер отскочил от арки, чтобы не попасть под колеса летевшего прямо на него седана. Не успел он отскочить в сторону, как у него за спиной с лязгом распахнулись ворота и мимо него на площадку вылетела похожая на огромного черного зверя машина. Раздался треск выстрелов, и Такер поспешил нырнуть в заросли, где спрятался за стволом старого дуба и попытался перевести дыхание. Затем через ларингофон отдал команду Кейну:

– *Спрячься!*

Сам он решил сделать то же самое.

В следующее мгновение до него донесся громкий крик, перекрывший собой даже рев мотора. Кричали по-венгерски. Такер осмелился выглянуть из-за дерева. Дверь заднего пассажирского сиденья машины была приоткрыта. В свете уличного фонаря он увидел, как Алицу затащили в салон автомобиля. По всей видимости, подъехавший сзади седан застал ее врасплох, а включенные фары высветили место, где она пряталась.

Верзила-венгр с рябым лицом держал девушку за горло, приставив к ее виску пистолет. На этот раз он попытался заговорить по-английски:

– Выходи сюда, или я ее пристрелю!

Не имея иного выбора, Такер, подняв руки, вышел из-за дерева. Пистолет он держал за скобу одним пальцем.

– Бросай оружие! – крикнули ему.

Такер бросил пистолет в сторону седана, и тот улетел под днище машины.

– Иди сюда!

Ага, история принимает интересный оборот – явно не к добру. Он приблизился к Алице. Та виновато посмотрела на него, как будто извинялась.

Такер покачал головой.

Ты ни в чем не виновата.

Такера довольно поверхностно обыскали, после чего вместе с Алицей под дулом пистолета повели к воротам, которые теперь болтались на петлях. Седан медленно покатил вслед за ними, подталкивая их вперед.

За кирпичной кладкой арки заросли сделались гуще. Деревья были обвиты плющом, повсюду рос папоротник. Могилы и склепы напоминали разбросанные по земле детские кубики. Многие были взломаны и зияли черными ямами. Ограды были повалены или, словно пьяные, стояли покосившись одна на другую. Белые мраморные плиты и камни поросли мхом и лишайником. Большая часть могил была завалена кучами листьев и мусора.

Такер посмотрел на Алицу. Судя по ее глазам, она узнала это место.

На ближней могильной плите была высечена звезда Давида.

Это было то самое заброшенное еврейское кладбище.

Их подтолкнули к домику смотрителя. В глубине крошечного помещения, просачиваясь через плотные занавески, мерцал свет.

Когда они подошли ближе, дверь открылась, и они на мгновение зажмурились от яркого света.

В дверном проеме стоял мужчина – высокий, похожий на скелет, в очках с толстой роговой оправой. Его взгляд равнодушно скользнул по Такеру и остановился на Алице.

Девушка неуверенно шагнула вперед.

– Профессор Чорба?..

Значит, этот человек ей знаком.

– *Ju estîit*, мисс Барта, – поприветствовал он ее. – Извините, что мы встретились с вами в столь прискорбных обстоятельствах.

Он отошел в сторону, уступая ей дорогу.

– Домонкош, проводи наших гостей. – Глаза профессора наконец остановились на лице Такера. – Вот уже не думал, что наша независимая мисс Барта наймет телохранителя. Это я недоглядел. Впрочем, не такой уж серьезный промах.

Рябой громила по имени Домонкош подтолкнул Такера в спину, и тот шагнул в дверной проем.

Помещение производило довольно странное впечатление: на полу из грубых досок были разбросаны толстые, хотя и изрядно потертые ковры; низкий потолок с деревянными стропилами, в углу небольшой очаг, в котором ярко алели угли.

Домонкош подтолкнул Такера к стене. Второй громила занял пост возле окна. Еще один вышел в прихожую, видимо для того, чтобы посмотреть, нет ли кого на улице, чтобы в случае чего открыть стрельбу.

Прислонившись к стене, Такер уловил знакомый кисловатый запах. Тот доносился откуда-то из соседнего помещения. Все понятно. Где-то там лежит мертвое тело, а может, даже не одно, которое уже начало разлагаться. Скорее всего, хозяин сторожки.

Был и другой запах – запах свежей крови.

К стулу был привязан человек с растрепанными седыми волосами. Все его лицо было в синяках, один глаз распух. Из обеих ноздрей тянулись полоски запекшейся крови. Когда Такер вошел внутрь, единственный целый глаз вспыхнул искоркой надежды, однако эта искорка моментально погасла, стоило ему вновь увидеть своих мучителей.

– Алица! – надсадно прохрипел он.

– Отец! – она бросилась к нему и опустилась на колени рядом со стулом. По ее щекам потекли слезы. Девушка обернулась к человеку, который встретил ее в дверях: – Как вы могли?

– Боюсь, у меня есть на то девятьсто два миллиона причин, моя дорогая.

– Но вы же проработали с моим отцом почти тридцать лет!

– Да, верно, в том числе десять лет при коммунистическом режиме, пока ваш отец находился в Лондоне, наслаждаясь радостями свободного мира. – В голосе профессора Чорбы звучала зависть и еле сдерживаемая ярость. – Вы не понимаете, каково нам было жить здесь. Я потерял мою дорогую Марию лишь потому, что у врачей не нашлось в нужном количестве антибиотиков. Затем я потерял мою маленькую отважную Луизу. Ее застрелили при разгоне демонстрации. Я не позволю, чтобы сокровище вернули нынешнему правительству, потому что оно не намного лучше прежнего. Просто до власти дорвались старые игроки от политики. *Не позволю! Никогда!*

– Так вы решили присвоить сокровище? – с вызовом спросила Алица. Было видно, что его слова не пробудили в ней сочувствия.

– Я использую его на благие цели, мы поможем угнетенным, исцелим страждущих!

– А что будет с моим отцом? – разрыдалась девушка. – Его вы тоже исцелите?

– Его я оставляю в живых – при условии, что он не станет упрямиться и согласится сотрудничать. Так же, как и вы, мисс.

Свежо предание, подумал Такер.

То же недоверие отразилось и на лице Алицы.

Чорба вытянул руку.

– Благодаря моим источникам я знаю, Алица, что вы раздобыли то, о чем просил вас отец. Сведения со спутника, полученные от американцев.

– Не... делай... этого!.. – выдавил привязанный к стулу старик. Каждый звук давался ему с великим трудом.

Алица посмотрела на отца, а затем на Такера.

Выбора у нее не было, Уэйн это понял. Ее обещут, избыют и в любом случае получат то, что им нужно.

Такер опустил голову – не только чтобы шепотом высказать свое мнение, но также спрятать ларингофон. У него отобрали телефон и нож, но не заметили горошину наушника в левом ухе и прилепленный к горлу ларингофон. Тот был довольно чувствительный, чтобы воспринимать даже малейший шепот.

Алица неохотно отдала похитителям флэшку. Чорба и его подручные моментально оживились. Пользуясь моментом, Такер прикрыл рукой рот и прошептал едва слышные команды.

Кейн прячется в тени. Такеру слышно, как стучит его сердце, слышно его негромкое дыхание.

Пес вспоминает грохот выстрелов, скрежет шин, вонючий бензиновый выхлоп. Он хочет броситься к партнеру, залаять, зарычать, впиться зубами в его врагов.

Но он остается в тени, потому что ему так велено.

Теперь в его ухе звучит новая команда.

ПРИНЕСИ МОЙ ПИСТОЛЕТ, СПРЯЧЬСЯ ПОД МАШИНОЙ.

Кейн выглядывает в темноту, на освещенную лунным светом площадку, где лежит пистолет. Он знает, что такое пистолет. Он видел, как тот полетел под машину, куда его бросил напарник. Пистолет лежит там.

Прижимаясь к земле, Кейн выскакивает из темноты и хватает зубами пистолет. Язык тотчас ощущает привкус дыма, пороха и пота напарника. Кейн двигается бесшумно и быстро ныряет обратно в тень. Затем бросается под арку на еле слышимый звук остывающего мотора – туда, откуда доносится вонь горелого масла, – готовый скользнуть под брюхо машины и ждать.

Однако откуда-то слева доносится рычание.

Из зарослей возникает какая-то тень.

Он чувствует других собак, их запах на дороге, на кустах, в воздухе.

Они поместили эту территорию как свою. Кейн опускает пистолет на землю, в грязь. По движениям напряженных лап он узнает вожжака стаи, когда тот выходит ему навстречу в окружении нескольких силуэтов, которым принадлежит это место. Это их земля, и на ней могут находиться только они. Чужакам здесь не место.

Чтобы помочь напарнику, Кейн должен сделать эту землю своей, хотя бы на одну ночь.

Приглушенно рыча, он бросается навстречу самой крупной тени.

Рычание и вой безумной собачьей драки зловещим эхом прокатились по сторожке. Эти звуки чем-то напоминали доисторическую эпоху, где всегда были кровь, злоба и выживание.

Такер услышал эти звуки в наушник.

Кейн.

Его сердце сжалось от страха.

Домонкош улыбнулся. Услышав этот дикий хор, он что-то сказал по-венгерски. Стоявший у окна громила ухмыльнулся в ответ.

В отличие от них Чорба даже не поднял головы от ноутбука, который извлек из «дипломата».

– Бродячие псы, – пояснил он, не сводя глаз с экрана. – Они нашли себе приют на этом заброшенном кладбище.

Неудивительно, что никто не отреагировал на присутствие здесь Кейна. Для них он всего лишь один из многих бродячих псов.

– Псы! – продолжил Чорба. – Вот кому вы хотели отдать сокровища, Якоб!

Отец Алицы поднял голову и посмотрел на бывшего коллегу. Якоб Барта и его дочь крепко сжали друг другу руки. Они не питали никаких иллюзий по поводу своего ближайшего будущего, зная, что живыми их отсюда не выпустят.

– Но те, кто стоит у власти, еще хуже диких псов, – продолжил Чорба. – Если дать им такое количество золота, оно вызовет настоящий огненный смерч коррупции и беззакония. Погибнет много людей. Нет, этому не бывать, им оно не достанется.

Такеру стоило немалых трудов прислушиваться к хору собачьей свары. Прекратилась она столь же внезапно, как и началась. Затаив дыхание, он напряг слух, пытаясь понять исход битвы, но так ничего и не услышал.

Никакого частого дыхания, никого сопения, никакого шороха лап по земле.

Привычное присутствие его Кейна куда-то исчезло, сменившись гнетущей тишиной. Неужели поврежден аудиодатчик? Или он как-то выключился во время драки Кейна с чужими собаками?

Или случилось нечто худшее?

Сердце Такера как будто подкатило к горлу.

Кейн...

Чорба радостно потер руки.

– Наконец-то!

На экране ноутбука появилось изображение старой карты кладбища, начерченной еще от руки. На ней была помечена даже кирпичная арка.

Профессор указал на экран.

– Якоб нашел эту карту среди старых документов, в которых описывалось погребение 1888 года и то, как могильщики пробились в пещеру, расположенную под кладбищем. Венгерский ландшафт изобилует целой системой таких подземных пустот естественного происхождения. Даже здесь, под Будапештом, существует примерно две сотни пещер – больших и малых, – которые тянутся прямо под нашей столицей. В основном это следствие естественной геотермической активности региона.

Алица вздрогнула, в глазах ее застыл ужас.

– Умирая, оберфюрер СС Эрхард Бок сказал, что похищенное золото *спрятано под землей, где до него не дотянутся даже когти мертвых евреев*. Он говорил прямо и недвусмысленно, имея в виду еврейское кладбище. *Под* еврейским кладбищем. Это вполне в духе нацистов – спрятать награбленные сокровища на еврейском кладбище. Должно быть, Эрхард Бок что-то слышал о небольшом захоронении, расположенном на некотором расстоянии от еврейского квартала, в частности о том, что под кладбищем есть пещера. Спрятав там сокровища, он, по всей видимости, ликвидировал всех, кому было о них известно, а также уничтожил все ссылки и сведения о ней в литературе. Тем самым Бок гарантировал, что тайна умрет вместе с ним, если он не сможет позднее забрать эти сокровища.

Якоб Барта поднял голову и повернулся к дочери.

– Откуда ему было знать, что одна из этих старинных книг сохранится до наших дней и вернется в Будапешт. Зло беспечно, оно никогда ни о чем не думает.

Его последние слова были обращены к Чорбе, но не достигли цели.

– Вот оно, нашел, – произнес профессор.

На экране появилась современная фотосъемка, сделанная со спутника и наложенная на старинную карту. Метод подповерхностной геолокации грунта позволял обнаружить подземные пустоты: тайные подвалы, бункеры, пещеры, вернее, целую систему пещер. Топографические линии, появившиеся на экране, очертили контуры кладбища. Темные пятна означали скрытые пустоты. В верхнем левом углу отчетливо виднелось размытое пятно, располагавшееся под одной из отмеченных на карте могил.

Чорба повернулся к ним. Глаза его радостно сверкнули.

– Это она! – Он посмотрел на Домонкоша. – Возьмите двух своих людей. Скажите им, чтобы захватили с собой молотки, ломы и веревки. Если сокровище на месте, то нам хватит всего одной ночи, чтобы погрузить его на грузовик и вывести из Будапешта, прежде чем кто-то заподозрит что-либо.

Верзила указал на Такера и заговорил по-венгерски. Чорба кивнул и что-то ответил тоже по-венгерски.

Такер повернулся к Алице.

– Он говорит, что на вид ты сильный, – с испуганным видом пояснила она. – Им наверняка пригодится лишняя пара рук, когда они станут вскрывать могилу.

Которая вполне может стать его собственной, подумал Такер.

Чорба указал на Алицу.

– Свяжите ее. Как только мы убедимся, что сокровища на месте, мы решим, что нам с ними делать.

Запястья и лодыжки Алицы быстро обмотали веревками. Как только с этим было покончено, Чорба поднял небольшой чемоданчик, поставил его на стол и откинул крышку. Внутри оказались серо-желтые блоки взрывчатки С-4, снабженные детонаторами. Чорба нажал на кнопку, и один за другим зажглись зеленые огоньки.

Тогда он повернулся и заговорил по-английски, главным образом для пленников:

– Этой вещью со мной любезно поделились коллеги Домонкоша из службы национальной безопасности. – С этими словами он поднял радиопередатчик. – Этаким подарок, который поможет стереть наши следы, зато сотворит небольшой хаос, который в свою очередь поможет нам незаметно выскользнуть из Венгрии.

Пристально глядя на Такера, Чорба сунул передатчик в карман.

– А пока, как мне кажется, он послужит нам чем-то вроде страховки на тот случай, если ты задумаешь выкинуть какую-нибудь глупость. Одно нажатие кнопки, и Алица и Якоб навсегда останутся на этом кладбище.

Такера грубо подтолкнули к двери, а из нее – в холодную ночь. После яркого света внутри сторожки кладбище показалось ему еще темнее. Он осмотрелся по сторонам в надежде увидеть верного пса. Вдруг Кейн сумел спрятаться с пистолетом под машиной?

Проверить это можно было, лишь заглянув под брюхо седана. Сделав вид, как будто за что-то зацепился, Такер растянулся плашмя на земле. Домонкош мерзко хохотнул у него за спиной. Лежа на животе, Такер попытался увидеть, есть ли что-то под брюхом седана. Увы, там было темно, и он ничего не заметил.

Но главное, там не было Кейна.

В следующий миг чья-то рука схватила его за воротник и поставила на ноги.

– На этих пятнадцати акрах, – предупредил Чорба, – земля сплошь и рядом усеяна камнями. Этак недолго расшибить голову. Я бы советовал всем внимательно смотреть под ноги.

В его словах Такеру послышалась угроза.

Чорба повел их за собой, держа в одной руке фонарь, в другой – радиопередатчик. Такер шагал следом, за ним – все остальные. Их небольшая колонна медленно двигалась по заросшему плющом кладбищу. Тот буквально душил в своих объятиях любую поверхность, каждый камень. Его спиральные щупальца цеплялись за одежду. Сломанные ветви хрустели под подметками, словно хрупкие кости.

Они шагали вперед, и пляшущие огоньки фонариков выхватывали из темноты вещи пострашнее, нежели старые указатели на земле. Все чаще вокруг черными пастями зияли ямы, наполовину скрытые листьями или плющом, провалившиеся или разграбленные старые могилы.

Угроза это или нет, но Такер решил отнестись к словам Чорбы серьезно и внимательно следил, куда ставит ноги.

Позади него подручные профессора оживленно переговаривались о чем-то по-венгерски. Не иначе как обсуждали вопрос, как им потратить свою долю из 92 миллионов долларов. Профессор шел молча, погрузившись в задумчивость.

Такер воспользовался моментом, чтобы пощупать ларингофон и попытаться связаться с Кейном.

– Эй, приятель, ты слышишь меня?

Кейн притаился посреди притихшей своры.

Он истекает кровью, тяжело дышит, взглядом отпугивает других.

Никто не рискует подойти к нему ближе. Наконец самый первый осмелился подползти к нему на брюхе, негромко скуля в знак того, что признает поражение. На его шее видны следы от клыков Кейна, однако он жив, он научился покоряться противнику, который одержал над ним верх. От него несет мочой и покорностью.

Кейн разрешает ему подползти ближе. Они трутся мордами, и Кейн разрешает ему подняться и занять свое место в стае.

Затем Кейн поворачивается. Схватка увела его от машины, от пистолета. Он смотрит перед собой, размышляя, что ему делать, когда в ухе раздается команда:

– Найди меня. Принеси пистолет. Прячься.

Теперь эта дикая территория принадлежит ему, и Кейн бросается к тому месту, откуда началась схватка. Он молча несется через заросли, неслышно ныряет в кусты, перепрыгивает через темные ямы, обходит камни.

Похоже, теперь ему принадлежит не только эта территория.

Тени неслышно следуют за ним.

Он не один.

Держа радиопередатчик, Чорба что-то выкрикнул по-венгерски. Он остановился рядом с плоским склепом, крыша которого была приподнята над землей не более чем на фут. Собственно говоря, склеп был почти не виден под толстым слоем полусгнивших листьев и перегноя, как будто земля вознамерилась поглотить его целиком.

Такеру протянули молоток и ломик. Он тотчас подумал, как лучше воспользоваться ими к собственной выгоде. Однако теперь у профессора в руках пистолет, причем направлен он в его сторону. Свои руки Чорба явно марать не собирается. Кроме того, в кармане у него радиопередатчик. Такеру вспомнился ужас, застывший на лице Алицы, безысходное горе в глазах ее отца.

Он не имеет права их подвести.

Ему остается одно: беспрекословно выполнять все приказы. И он взялся за работу наравне с остальными. Действуя молотками и ломиками, они оторвали от стен каменную крышу. После чего перешли на одну сторону и, просунув в щель ломики, попытались приподнять мраморную плиту, как если бы это был канализационный люк. Задача казалась почти невыполнимой, однако спустя пару минут плита с хлопком оторвалась от земли. Из образовавшейся щели тотчас пахнуло серой – казалось, это на них из преисподней дохнул сам дьявол.

Один из троицы поспешно перекрестил лоб, как будто отгораживаясь от темных сил. Остальные – правда, не совсем искренне – отпустили в его адрес ехидные шуточки. Затем все с удвоенной энергией вновь принялись толкать и приподнимать крышку, чтобы сдвинуть ее с основания склепа.

Чорба подошел к ним с фонариком в руке и, направив луч вниз, с явным удовольствием выругался по-венгерски. Остальные разразились радостными воплями.

От стены склепа вниз, теряясь в темноте, уходили ступеньки.

Они нашли нужную им могилу!

Негромко прозвучали новые приказы.

Под дулами двух направленных в него пистолетов Такер был вынужден сесть на край соседнего склепа. Домонкош и Чорба, вооружившись фонариками, вместе спустились по ступенькам вниз, чтобы проверить, что там внутри. Вскоре они исчезли в темноте, лишь свет их фонариков жутковато мерцал в глубине разверстой могилы.

Терять Такеру было нечего. Он приготовился действовать и сидел, заведя руки за спину, всем своим видом давая понять, что готов к сотрудничеству. Притворившись, будто что-то бормочет себе под нос или молится, он полупшепотом озвучивал в ларингофон команды.

Кейн, будь осторожен. Держись в тени, принеси пистолет.

Такер держал ладони за спиной открытыми и ждал.

Он глубоко и ритмично дышал, чтобы сохранить спокойствие. И зорко следил за темнотой из-за полуопущенных век.

Давай, Кейн.

Один из венгров неожиданно вскрикнул, и Такер увидел, как он нацелил пистолет на кусты. Из зарослей донеслось приглушенное рычание, слева мелькнула какая-то тень, хруст-

нула ветка. Затем тишину со всех сторон нарушил рык сразу нескольких собачьих глоток. В темноте замелькали какие-то тени.

Оба подручных Чорбы испуганно вытаращили глаза и что-то залопотали по-венгерски. Их взяла в кольцо обитавшая на кладбище свора бездомных собак.

Затем Такер почувствовал, как его пальцев коснулось что-то холодное и влажное. Он испуганно вздрогнул. Но нет, все вокруг тихо. Потрогав у себя за спиной, он нащупал собачью шерсть. В следующую секунду ему в ладони легло что-то тяжелое.

Пистолет.

– *Молодец*, – прошептал он в ларингофон. – *Будь рядом*.

Похоже, Кейн успел обзавестись друзьями.

Такер осторожно положил пистолет на могилу позади себя. Поскольку внимание охранников сейчас было приковано к собакам, он воспользовался этой возможностью, чтобы на ощупь проверить, крепко ли сидит в ухе Кейна приемник. Не хотелось бы в столь критические мгновения вновь лишиться преданного друга.

Нет-нет, только не сейчас.

Сейчас связь с псом – единственная его надежда.

Такер выключил устройство, затем вновь включил. Оставалось только надеяться, что этого окажется достаточно.

Спустя минуту его ухо наполнил треск статических разрядов, это означало, что все в порядке.

– *Спасибо, Кейн, а теперь возвращайся к своим друзьям и жди в темноте*.

Кейн тотчас юркнул в заросли. Его движение выдало лишь еле слышное царапанье когтей по мраморной плите. Еще минута, и стало тихо. Свора растворилась в темноте ночи.

Когда стало окончательно понятно, что опасность миновала, оба охранника стряхнули с себя страх и даже посмеялись, уверенные в том, что это собаки испугались их.

В ухе Такера звучало приглушенное дыхание Кейна. Затем он осторожно сунул пистолет за пояс и прикрыл его полкой куртки.

Надо сказать, что он успел вовремя.

Потому что в следующий миг из склепа раздался крик, а свет фонариков сделался ярче. Затем из-под земли показалось лицо Домонкоша, который, сияя улыбкой от уха до уха, рявкнул, отдавая новые приказы. Такер был готов поклясться, что разглядел в его глазах блеск золота.

Неужели они и впрямь нашли пропавшее сокровище?

Такера заставили подняться на ноги и последовать за Домонкошом в глубь склепа. Из чего он сделал вывод, что для того, чтобы вытащить клад на поверхность, им нужны дополнительные рабочие руки. В сопровождении двух охранников Такер двинулся вниз по ступенькам.

Узкие ступени вели вниз от кирпичных стен, прорубленные в естественном камне. Досчитав до ста, Такер сбился со счета. Умолкли и следовавшие за ним охранники. Казалось, будто каменная толща давила на них тяжким гнетом, так же как и мечты об ожидающих их внизу сокровищах. Вскоре Такер слышал вокруг себя лишь сопение и эхо шагов. Где-то далеко внизу капала вода.

Отлично.

Наконец, освещаемый фонариком Чорбы, замаячил конец лестницы.

Дойдя до пещеры, Домонкош ступил в нее первым и, словно в приветственном жесте, развел руки, как будто приглашал гостей войти к себе в дом. Он вновь обрел голос и теперь весело перебрасывался словами со своими подчиненными.

Такер сделал несколько шагов внутрь. Размеры естественного склепа не могли не впечатлять: с потолка пещеры капала вода, свисали сталактиты, стены сплошь в известковых

потеках. Интересно, подумал Такер, сколько евреев-рабов замучил до смерти оберфюрер СС Эрхард Бок, чтобы пробить тоннель в эту пещеру, и сколько еще людей потом нашли здесь свой конец, чтобы унести его тайну в могилу? И вот теперь, глядя на Чорбу, он подумал о том, как этот ученый, еврей по национальности, смог забыть трагическое прошлое своего народа и участвовать в краже золота, омытого кровью его безвестных соотечественников?

Профессор Чорба стоял рядом со штабелем ящиков, каждый размером примерно в кубический фут. Деревянную поверхность каждого украшала свастика.

Кстати, он уже успел вскрыть один, сняв его с самого верха. По полу были рассыпаны золотые слитки, каждый размером с упаковку масла.

Чорба повернулся к ним. Глаза его горели безумием.

Он заговорил, и все остальные начали что-то радостно выкрикивать.

Затем он снизошел до того, чтобы поделиться своей радостью с Такером.

– Эрхард Бок солгал, – заявил он с благоговейным трепетом в голосе. – Здесь не тридцать шесть ящиков, здесь их более *восемидесяти*!

Такер мысленно произвел подсчет. Находка тянула на двести миллионов долларов.

Что ж, очень даже неплохо, если ради этого вы готовы убить нескольких ни в чем не повинных кладбищенских сторожей, доброго университетского профессора, его дочь – и это не считая моей скромной персоны. И кто поручится, что список жертв будет этим исчерпан?

Всё, он насмотрелся достаточно.

Такер вытащил пистолет и сделал три выстрела.

Три выстрела в голову.

На землю упали три тела. Последним был Домонкош. Этот падал с растерянным выражением на лице, как будто не верил в то, что происходит.

Четверых вывести наверх Уэйн не мог. Слишком рискованно. Но одного – того, кто стоял за всем этим, – вполне.

Чорба споткнулся о ящик и вытащил из кармана детонатор.

– Еще один шаг, и я нажму на кнопку!

Такер нарочно сделал шаг вперед – хотел проверить серьезность его намерений. Дрожащий палец профессора лежал на кнопке.

Затем, поморщившись, Чорба выполнил угрозу.

– Я вас предупреждал!

– Я почему-то не услышал никакого взрыва, – спокойно произнес Такер. – А вы?

Чорба нажал на кнопку еще несколько раз.

Такер шагнул к нему и вырвал из его рук детонатор, отключил и сунул себе в карман. Затем махнул пистолетом в сторону лестницы.

– Я ничего не понимаю, – пробормотал профессор, но спорить не стал.

Такер не стал ему ничего объяснять. Как только Кейн принес пистолет, ему ничего не стоило пристрелить Домонкоша и двух его подручных еще наверху, однако он опасался, что, услышав выстрелы, Чорба может запаниковать и сделает то, что только что попытался сделать сейчас, – нажмет на кнопку.

Так что Такер был вынужден спуститься вниз.

Пройдя примерно четвертую часть ступенек, он потерял радиосвязь с Кейном. Собачье дыхание в ухе стихло. Это вселило в него уверенность, что на такой глубине передатчик Чорбы в равной степени бесполезен. Но, только спустившись вниз, Такер окончательно в этом убедился и, наконец, почувствовал себя в безопасности.

Наконец они вышли из склепа. Чорба попытался было нырнуть в заросли.

– *Кейн, останови его.*

Из зарослей навстречу профессору вышла какая-то тень и перегородила ему дорогу. В темноте сверкнули глаза, раздалось рычание. Затем по обе стороны материализовались другие силуэты. Тишину ночи, подобно далеким раскатам грома, прорезало рычание.

Чорба в ужасе отшатнулся, споткнулся о камень и полетел головой вперед в одну из открытых могил. Затем последовал глухой удар, а за ним – неприятный хруст.

Такер поспешил к открытой могиле и заглянул в зияющую яму. Профессор неподвижно лежал на глубине шести футов. Шея была неестественно вывернута. Судя по всему, местные привидения решили, что будет лучше, если он навсегда останется здесь, на кладбище.

Маячившие рядом с Такером тени, как будто по некоему неслышному сигналу, постепенно растворились в лесу, оставив после себя лишь шорох листьев.

К Такеру с виноватым видом подошел Кейн. Казалось, что пес за что-то стыдится.

Такер наклонился и взял собачью морду в ладони.

– Кто у нас хороший мальчик?

Тогда Кейн вытянул шею и прикоснулся холодным собачьим носом к носу Такера.

– *Правильно. Ты.*

Спустя полчаса Уэйн сидел в седане с разбитыми фарами. Мотор был выключен.

Он уже освободил Алицу и ее отца и поведал им обо всем, что произошло. Теперь они сами, если сочтут нужным, могут рассказать все властям – правда, без упоминания его имени.

Алица наклонилась и заглянула в открытое окно.

– Спасибо вам, – она поцеловала его в щеку. – Вы уверены, что не хотите остаться? Хотя бы на денек?

В ее голосе Такер услышал предложение. Увы, он знал: стоит ему остаться, как это тотчас все усложнит. У него имелось двести миллионов причин, почему он должен уехать.

– А как же вознаграждение? – спросила Алица.

Такер тотчас представил себе Чорбу, лежащего на дне могильной ямы с переломанной шеей.

– На этом золоте слишком много крови, – ответил он. – Если у вас найдется немного лишних денег... Я знаю, что в том лесу живут несколько бездомных собак. Им бы пригодилась еда, теплое место, где они могли бы провести ночь, и любящая семья.

– Я сделаю, чтобы так оно и было, – пообещала Алица. – Тем более разве не того же самого хочется всем нам?

Такер посмотрел на дорогу, что виднелась за кирпичной аркой.

Когда-нибудь – да, но не сегодня.

– До свидания, Алица, – сказал он и повернул ключ зажигания.

На сиденье рядом с ним Кейн ударил хвостом и высунул голову в окошко. Заурчал мотор, а в следующий миг пес испустил душераздирающий вой, словно прощался с братьями по крови.

Седан устремился вперед и выехал в арку.

Лес позади машины взорвался десятком собачьих глоток – тут был и лай, и вой. Собачьи голоса эхом перекликались среди деревьев, как будто пытались поскорее прогнать людей с кладбища.

Машина катила вперед, и сквозняк гонял по салону туристические буклеты. Похоже, ее прежний владелец мечтал о далеких путешествиях, на которые в числе прочего и намеревался потратить золото.

Одна листовка криво налипла на ветровое стекло. На ней были изображены пальмы и ослепительно-белый песчаный пляж.

Экзотическое название тотчас заставило вспомнить другое время, другую страну, другие мифы.

Занзибар.

Такер усмехнулся, а Кейн повилял хвостом.

Да, этого достаточно.

* * *

Так заканчивается приключение Такера и Кейна в Будапеште. Впрочем, впереди их ждет еще одно, когда в романе «Линия крови» они доберутся до Занзибара. Судьбоносная встреча с командером Пирсом из отряда «Сигма» сделает их участниками увлекательных событий, происходящих в разных уголках Земли. Новое приключение приведет к страшному научному открытию – *Бессмертные до сих пор живут среди нас*.

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл Город крика

**23 октября, 14 часов 09 минут
Кабул, Афганистан**

Все началось с криков. Сержант Джордан Стоун снова прислушался к обрывку сигнала о помощи, поступившему в управление военного командования в Кабуле в 4:32 утра. Опершись локтями на обшарпанный серый стол и прижав ладонями к ушам огромные наушники, он пытался в очередной раз уловить истинный смысл записи.

Ланч, состоявший из местного лаваша и кебаба из телятины, остался нетронутым, хотя в воздухе по-прежнему стоял густой запах карри и кардамона, усугубляя тошноту, накатившую на него, пока он вслушивался в запись сигнала тревоги. Стоун сидел один в маленькой комнатухе без окон в одноэтажном неприметном здании Афганской академии криминалистической техники, на краю авиабазы Баграм неподалеку от Кабула.

Однако мыслями Джордан Стоун был не здесь, с головой погрузившись в записанные на кассету звуки стрельбы. Он закрыл глаза и весь обратился в слух, в четырнадцатый раз прослушивая запись. Сначала крики, затем лихорадочная скороговорка.

— *Они возвращаются... помогите! помогите! помогите нам!..*

Звук то пропадал, то возвращался, но от этого страх и паника этих простых слов не делались менее явственными.

За криком последовал треск стрельбы – отчаянной, нерегулярной, неконтролируемой, отдававшей эхом, – прерываемый новыми душераздирающими криками. Но более всего – от этого дыбом становились волосы на руках – пугала последовавшая за этим тишина, мертвый эфир, который продолжал транслировать радиопередатчик. Через полные две минуты прозвучала одна-единственная фраза, искаженная, неразборчивая, как будто губы говорящего были прижаты слишком плотно к микрофону. Почему-то именно эта интимность разозлила сержанта больше всего.

Джордан потер глаза и снял наушники. Было ясно, что в эти предутренние часы ситуация там закончилась скверно. Так что никаких сомнений не оставалось – их группе нужно срочно отправляться туда. Сержант Стоун и его люди работали на Объединенную экспедиционную судебно-медицинскую службу, расквартированную за пределами Кабула. Его команда обслуживала военных, занимаясь криминалистическим осмотром мест преступления. Джордан и его товарищи собирали улики на подозреваемых в терроризме, проверяли и обезвреживали самодельные взрывные устройства, уничтожали подозрительные мобильные телефоны, найденные на местах сражений или в засадах.

Если возникала какая-то тайна, то ее разгадку поручали именно им. И его парни отлично выполняли свою работу. Они разгадают и эту загадку.

— У меня есть дополнительные сведения, – сообщил, входя в комнату, специалист Пол Маккей и опустился на металлический стул, который угрожающе скрипнул под его внушительным весом. Маккей был на голову выше Джордана и на целое брюхо толще, но свое дело знал хорошо и был взят в отряд из отдела артиллерийско-технической службы. Умный и хладнокровный. – Запись поступила из лагеря археологической экспедиции, работающей в Бамианской долине. Четверо мужчин и одна женщина. Все американцы. Командование отправило туда отряд рейнджеров для их охраны. У нас есть всего час времени, чтобы решить, что мы можем там сделать, после чего должны отправиться туда.

Джордан кивнул. Он привык к таким событиям, они ему даже нравились. Это заставляло его постоянно быть в форме, не давало излишне углубляться в собственные мысли.

– Хочу еще поработать над этой записью. Вы с Купером собирайте все необходимое и готовьтесь к вылету. Встретимся возле вертолета.

– Будет сделано, сержант, – ответил Маккей и, быстро отдав честь, встал и поспешил к выходу.

Джордан еще раз прослушал загадочную фразу в конце записи, затем позвал переводчиков. Толку от них оказалось никакого. Никто не смог даже определить язык, на котором эта фраза была произнесена. Не признал его и местный, афганец. Один из переводчиков даже заявил, что это вообще не человеческая речь, а звуки, издаваемые каким-то животным.

Кто-то быстро отыскал британского историка и археолога, профессора Томаса Этертона, работавшего с археологической экспедицией в Бамиане, и привез его к Джордану. Крепкий для своих шестидесяти лет, этот ученый приехал в Кабул двумя днями ранее, чтобы ему загипсовали сломанную руку. Прослушав запись с криками, профессор побледнел и провел здоровой рукой по аккуратно подстриженным седым волосам.

– Думаю, что это мои коллеги, но я не уверен до конца. Я никогда не слышал, чтобы они так кричали. – Его передернуло от отвращения. – Что могло заставить их так жутко кричать?

Джордан протянул ему пластиковый стаканчик с водой.

– Наш вертолет, полный рейнджеров, сейчас находится на пути к ним. Они спешат к ним на помощь.

Профессор посмотрел на него с таким видом, как будто точно знал, что помощь непременно опоздает. Он поправил на переносице очки в проволочной оправе и ничего не сказал. Когда же Этертон поднял стаканчик, его пальцы дрожали так, что вода расплескалась на стол. Он поставил его обратно, громко стукнув гипсом о столешницу.

Джордан дал ему минуту, чтобы успокоиться. Известие о смерти коллег сильно ударило по нему, чего, собственно, и следовало ожидать. Ничего удивительного. Естественная реакция.

– Последняя фраза. – Джордан перемотал запись и нашел последнюю, произнесенную шепотом фразу. – Вы узнаете этот язык?

Он воспроизвел ее еще раз.

Мускул под глазом профессора заметно дернулся.

– Быть того не может!

Он схватился за край стола обеими руками, как будто опасаясь, что его унесет порывом ветра. Что бы это ни было, оно явно напугало его сильнее жутких криков.

– Чего не может быть? – уточнил Джордан.

– Бактрийский, – прошептал профессор одно-единственное слово и еще крепче вцепился в стол – так, что костяшки его пальцев побелели.

– Бактрийский? – удивился Джордан. Он слышал о бактрийских верблюдах, но о бактрийском языке – никогда. – Что это, профессор?

– Бактрийский, – подтвердил ученый и с сомнением посмотрел на наушники, как будто они могли ввести его в заблуждение. – Исчезнувший язык Северного Афганистана, один из наименее изученных среднеиранских диалектов. На нем никто не говорит... вот уже несколько столетий.

Странно. Значит, кто-то напал на группу археологов и оставил загадочное послание на древнем языке. Или это было послание, оставленное последним оставшимся в живых человеком? Впрочем, для себя Джордан не видел особой разницы, поскольку это не походило на стандартное нападение террористов.

– Вы можете сказать мне, что это значит?

Не поднимая глаз от столешницы, Этертон ответил:

– Девочка. Это означает: «Девочка наша!»

Вот это уже страннее некуда.

Джордан обеспокоенно поерзал на стуле. Были ли эти последние слова угрозой? Неужели они означают, что один из членов археологической экспедиции – женщина – все еще жива, может быть, захвачена в качестве заложницы и подвергается пыткам? Несколько лет назад он бы удивился тому, кто мог сделать такое, но теперь ответ у него имелся. Когда дело касалось группировок «Талибана» или мятежников из числа местных племен, он уже ничему не удивлялся. Что не могло не беспокоить.

Каким же ветром парнишку с фермы в Айове занесло в Афганистан, где он теперь занимается расследованием убийств? Джордан знал, что внешне он по-прежнему типичный уроженец сельской местности. Светлые волосы, голубые глаза, квадратная челюсть. Не нужно было смотреть на звездно-полосатый флажок эмблемы, пришитой к плечу его камуфляжной формы, чтобы понять: Джордан Стоун – американец. Но если присмотреться ближе к шрамам на теле, если поймать на себе его пристальный взгляд, – нетрудно заметить совершенно иную сторону его натуры. Неизбежно возник бы вопрос: вписался бы он снова в пшеничные поля родной фермы? Если он, разумеется, когда-либо вернется в отчий дом...

– Сколько женщин находилось на археологической площадке? – уточнил Джордан.

Открылась дверь, и в проеме появилась голова Маккея. Он указал пальцем на запястье. Пора. Времени в обрез.

Джордан поднял руку, призывая его пару минут подождать.

– Профессор Этертон, сколько женщин находилось на археологической площадке? – повторил он вопрос.

Профессор довольно долго молча смотрел на него, прежде чем ответить.

– Трое. Шарлотта... то есть я имею в виду доктора Бернстайн из Чикагского университета. Местная женщина, повариха, она готовила для нас пищу. И ее дочь. Маленькая девочка. Если не ошибаюсь, лет десяти.

У Джордана похолодело внутри, стоило ему подумать о том, что маленькая девочка могла попасть в ситуацию, которая, судя по всему, закончилась кровавой резней. По идее, он должен был испытать ярость. Стоун попытался найти в себе это чувство, однако обнаружил лишь разочарование и усталость.

Неужели я стал таким толстокожим?

23 октября, 16 часов 31 минута

Бамианская долина, Афганистан

Джордан выглянул из иллюминатора вертолета на простиравшуюся внизу долину, похожую на дно чаши в окружении горных хребтов с покрытыми снегом вершинами. Долина протянулась на тридцать миль и являла собой оазис пахотных земель и овцеводческих хозяйств, примостившийся среди остроконечных пиков Гиндукуша. Хотя перелет над горами занял совсем немного времени, казалось, будто Кабул остался на расстоянии миллиона миль от этой забытой богом долины.

Они облетели безлюдную деревушку, в которой археологи устроили свой лагерь. Деревушка представляла собой скопление десятка глинобитных строений, часть которых была крыта соломой, часть – листьями ржавого железа. Некоторые зияли голыми крышами. Похоже, что до приезда археологов здесь никто не жил вот уже несколько лет.

Мохнатыми хлопьями падал густой снег, закрывая последние оставшиеся на земле следы и возможные улики. Джордан нетерпеливо поерзал на сиденье. Протяни они еще немного, и делать им здесь будет нечего. Кроме того, примерно через полчаса солнце сядет, лишив их нормального освещения.

Наконец вертолет совершил посадку, и Джордан вместе со своей командой, которая теперь включала в себя профессора Этертона, направились к тому месту, которое рейнджеры определили как место убийства. Ученого Джордан взял с собой на тот случай, если им понадобится переводчик с бактрийского. Или тот, кто опознает тела погибших археологов. Он надеялся, что профессор справится с задачей. Этертон заметно нервничал, причем еще сильнее, чем раньше, и постоянно трогал край своего гипса.

Джордан осторожно обошел по периметру жуткое место преступления. Выставший буквально на глазах слой снега и бесчисленные отпечатки ног, бездумно затоптавших все кругом, уже безвозвратно похоронили детали преступления, однако оказались бессильны скрыть кровь. Ее было слишком много. Брызги крови были видны на полуразрушенных стенах домов по обеим сторонам грязной улицы. Под ногами пятна сливались в рыжевато-красную тропу, уводившую прочь из деревни, – как будто некое божество, обмакнув в кровь палец, прочертило по снегу красный след. Судя по всему, то же самое божество похитило и тела жертв, оставив лишь следы недавнего кровопролития. Но куда же все-таки делись тела убитых? Куда их забрали? И почему? И как?

Джордан смотрел на пушистые хлопья снега, падавшие со стремительно темнеющего неба. Скоро окончательно опустятся сумерки.

– Рассматривайте всю деревню как место преступления, – обратился он к двум своим коллегам. – Даю вам задание полностью ее огородить. Не хочу, чтобы сюда кто-то ступил хотя бы ногой, пока мы с вами все не выясним.

– Закрываем дверь сарая после того, как лошадь сбежала? – пошутил Маккей и, потопав окоченевшими ногами, плотнее натянул на широких плечах пуховик. Затем указал на след башмака, отпечатавшийся в луже крови. – Похоже, тут кто-то забыл разуться.

Джордан узнал отпечаток подошвы ботинка армейского образца. Значит, это постарались свои. Место преступления затоптано рейнджерами, несколько часов назад блокировавшими долину до прибытия команды Джордана.

– Тогда давай извлечем из этого урок и больше не будем здесь ничего затапывать, – предупредил его Джордан.

– Понял. Он легкий, как перышко, – вступил в разговор второй коллега, специалист Мэдисон «Бешеный Пес» Купер. Хлопнув одной огромной черной рукой Маккея по плечу, второй он насмешливо погладил его заметное брюшко. – Но это может стать проблемой для

нашего друга. В Кабуле он больше времени проводит в столовой, в очереди за жаренкой, чем в спортзале.

Маккей оттолкнул его.

– Дело не в весе. Дело в технологии.

– Я возьму на себя северную сторону, – фыркнул Купер. – Ты займешься южной.

Маккей кивнул, закинул повыше на плечо рюкзак и вытащил из чехла цифровой «Никон», чтобы фотографировать место преступления.

– Тот, кто первым откопает стоящую улику, ставит всем по кружке пива, когда мы вернемся в Штаты.

– А не много ли кружек пива в твоём брюхе? – подначил его Купер.

Джордан проследил за тем, как коллеги, согласно процедуре, разошлись в разных направлениях. Им предстояло прошерстить окраину деревушки на предмет возможных улик, будь то следы шин, следы ног, брошенное оружие – короче, все, что позволило бы установить личности нападавших. Каждого его сотрудника сопровождало по офицеру афганской полиции – Азар и Фаршад были практикантами-криминалистами из Афганской полицейской академии.

Джордан прекрасно понимал: за взаимным добродушным подшучиванием обоим его коллег скрывается тревога. Он читал ее в их глазах. Сложившаяся ситуация не нравилась им даже больше, чем ему самому. Забрызганное кровью место преступления, тела убитых, исчезнувшие неизвестно куда, как будто они бесследно испарились...

– Зачем вообще здесь кто-то когда-то поселился? – пробормотал он, не ожидая ответа на свой вопрос.

– По всей видимости, именно изолированность этого места от всего мира в свое время и привлекла сюда буддийских монахов, – произнес стоявший у него за спиной профессор Этертон. Джордан практически забыл о его присутствии.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Стоун, расчехляя свою видеокамеру. Если снег не растает, то отснятые им кадры станут единственным свидетельством разыгравшейся здесь трагедии. Он набросал мысленную сетку и, подойдя к самому краю, снял перчатки, чтобы было удобней вести съемку. – Оставайтесь у меня за спиной, не отходите ни на шаг и, пожалуйста, держитесь в стороне от места преступления.

Этертон с шумом втянул через нос воздух и огляделся по сторонам, как будто опасаясь упустить какую-нибудь деталь. Когда он заговорил снова, его голос, казалось, вот-вот сорвется на фальцет.

– Вся эта долина была для буддистов священной. Они построили здесь огромный монастырский комплекс, вырыли в скалах множество пещер для медитации и целый лабиринт ходов сообщения. Стены этих пещер до сих пор украшают самые ранние из известных науке образцов масляной живописи.

– Ммм, – пробормотал в ответ Джордан и отрегулировал камеру на низкий уровень освещенности – хотелось запечатлеть по возможности все детали.

Профессор же перевел взгляд на скалы и заговорил снова. Казалось, он обращается с лекцией к аудитории. Голос его звучал монотонно, как будто речь была заучена наизусть.

– Много веков назад монахи высекли в скалах гигантские изображения Будды. Если вы приглядитесь внимательнее, то, возможно, заметите ниши, в которых они когда-то располагались.

Джордан посмотрел на далекие желтые скалы, однако сумел разглядеть лишь темные выемки – по всей видимости, тоннели и пещеры, – а также исполинские проходы под арочными сводами, те самые ниши, о которых говорил ученый.

– Статуи Будды, уничтоженные талибами в 2001 году, – продемонстрировал он свою осведомленность, вспомнив вопиющий случай, потрясший своей жестокостью весь мир.

– К сожалению, это так. Талибы явились сюда с танками и бомбами и взорвали знаменитые статуи, объявив их оскорблением ислама. – Этертон, не отрываясь, смотрел на скалы, лишь бы не смотреть на разбрызганную повсюду кровь. Кровь, которая могла быть его кровью. Он заговорил снова, все тем же высоким, монотонным фальцетом. Джордану почему-то слышалось в нем нечто зловещее. – Все, что осталось от бывших колоссов, – эти самые пустые ниши, в которых теперь лежат груды каменных обломков. Такое ощущение, будто над всей долиной нависло проклятие.

Джордан отметил, что взгляд профессора переместился со скал на высокую гору над деревней. Ее темная громада отбрасывала на место преступления зловещую тень. Стоун сумел разглядеть каменные стены, обломки древних парапетов и развалины башен. Все это напомнило ему детский замок из песка, который кто-то задел ногой и разрушил. Поверхность камня была изъедена ветрами, дождем и снегом. Воздействие стихий сделало свое дело: крепость превратилась в собственную бесформенную копию, груды камня и песка, в которых лишь смутно угадывались ее былые очертания.

– Если долина действительно проклята, – продолжал Этертон, – то существует источник проклятия. Мусульмане называли эти руины Мао Балег, что означает Проклятый Город.

Его слова разбудили в Джордане любопытство и, что греха таить, страх. Было что-то в этом месте такое, что лишало его присутствия духа, и это притом, что сержант был далеко не робкого десятка.

– Что случилось с городом? – поинтересовался он у профессора, продолжая вести съемку. Дополнительная фоновая информация не мешает.

– Измена и убийства. Но, как и большинство подобных преданий, все началось с трагической любви двух молодых людей. – Профессор замолчал, как будто рассчитывая услышать ответ Джордана.

Увы, у того не было времени, чтобы поддакивать Этертону. Сержанту нужно было торопиться. Над долиной стремительно сгущались сумерки, а завтра все вокруг скроет выпавший за ночь снег. Ему была ненавистна мысль о том, что придется заканчивать расследование в темноте, ведь они наверняка что-то упустят.

– Когда-то этот город славился как один из богатейших во всем Афганистане. – Законченной в гипс рукой профессор указал на развалины. – Он был не только центром монашества, но и служил важным перевалочным пунктом для торговых караванов, проходивших по Шелковому пути из Центральной Азии в Индию. Чтобы защитить это богатство, царь династии Шансабани по имени Джалалудин возвел эту крепость. Почти целое столетие она считалась неприступной, а в ее стенах проживало до ста тысяч человек. Легенды гласят, что она была вся пронизана потайными подземными ходами, благодаря которым защитники цитадели могли бы наносить удары по неприятелю. Имелся даже подземный источник, запасы воды из которого позволяли выдержать продолжительную осаду.

– Почему же все так плачевно закончилось? – задал вопрос Джордан. Похоже, эти стены пали довольно давно. Он навел фокус на кровавую кляксу, в скверном освещении пытаясь выжать из снимка максимум.

– Чингисхан. Монгол по происхождению, он хотел подчинить себе эту долину. Поэтому он отправил на переговоры к защитникам крепости своего внука, чтобы тот договорился с ними о ее мирной сдаче. Однако молодого человека убили. После этого Чингисхан повел свои войска на захват долины, поклявшись вырезать всех до единого обитателей крепости за их неповиновение. Однако когда он вошел в долину, то захватить цитадель все равно не смог.

Продолжая вести видеосъемку, Джордан осторожно шагнул вперед.

– Должно быть, он все-таки нашел какой-то способ. Вы что-то сказали об измене...

Бесстрастный голос ученого зазвучал дальше.

– Это была история любви. Дочь местного царя за несколько месяцев до начала осады влюбилась в некоего юношу. Однако отец отказался дать согласие на их брак, не одобрив ее избранника, и даже велел отрубить ему голову, когда влюбленные попытались тайно сбежать. Разъяренная и безутешная в своем горе, девушка покинула цитадель и под покровом тьмы пришла в стан Чингисхана. Желая отомстить за смерть любимого, она показала монголам тайные ходы в крепость и выдала Чингисхану, где находится подземный источник воды.

Джордан слушал рассказ Этертона, что называется, вполуха, пытаясь заснять как можно больше деталей. Его усилия были не столь скрупулезны, как ему самому хотелось бы, однако видимость стремительно ухудшалась с каждой минутой. Закончив съемку одной стороны улицы, он перешел на другую, вытер снежинки с объектива и принялся делать новые кадры. Этертон с минуту постоял молча, а затем заговорил снова, как будто не останавливался вовсе.

– И после того, как Чингисхан пробил эти стены, он сделал то, что обещал. Он убил всех жителей города, более ста тысяч человек. Но на этом он не остановился. Говорят, он уничтожил даже всех животных на полях. Именно эти черные дела и снискали городу его нынешнее название. – Профессора невольно передернуло. – Шар-э-Голгола. Город Криков.

– А что случилось с дочерью здешнего царя? – спросил Джордан. Было видно, что ученый – нервный рассказчик. Древняя легенда понадобилась ему лишь затем, чтобы отвлечься от суровой реальности того ужаса, что случился с его коллегами.

– Чингисхан зарубил девушку мечом за то, что она предала родного отца. Существует поверье, будто ее останки, вместе с останками других обитателей крепости и животных, до сих пор погребены под тем холмом. Но до сегодняшних дней они так и не были обнаружены. – Профессор посмотрел на кровавый след, протянувшийся к расщелине горы в нескольких сотнях ярдов от них, и растерянно заморгал. Его нервный фальцет перешел в умоляющий шепот. – Но мы были близки к находке. Предполагалось, что до наступления зимы мы сделаем большую работу. Иного выхода у нас не было. Нужно было отыскать какие-нибудь древние артефакты, извлечь их из земли и переправить в безопасное место, прежде чем их постигла бы участь статуй Будды. Мы должны были работать как можно быстрее, чтобы откопать их. Чтобы спасти их.

– Скажите, на ваших коллег могли напасть по той причине, что они что-то отыскивали за те последние две недели, когда вы отсутствовали? Может быть, они нашли какое-нибудь сокровище? Древний клад?

– Это невозможно, – решительно отмахнулся это предположение профессор. – Если легенды об этом месте соответствуют действительности, то Чингисхан дочиста разграбил крепость, прежде чем ее разрушить. Мы не нашли здесь ничего ценного, за что можно было бы убить моих коллег. Однако суеверные местные племена не хотели, чтобы мы тревожили огромный курган, в котором были захоронены их далекие предки. Здесь в ходу всевозможные истории о призраках, джиннах, проклятиях, и они боялись, что мы разбудим дремлющее здесь зло. Возможно, это мы нечаянно и сделали.

– Меня больше тревожат наши живые, чем трупы наших врагов, – раздраженно фыркнул Джордан.

Слава богу, что их охраняют рейнджеры. Стоун не доверял ни профессору, ни местным жителям; не доверял даже своим подопечным, практикантам-афганцам. В этих краях лояльность понятие непостоянное, и все может измениться в считанные секунды. Доверия нет никому. Черт побери, царь Шансабани лишился царства из-за предательства собственной дочери!

Сержант отвернулся от развалин и посмотрел на пару вертолетов «Чинук СН-47», стоявших примерно в километре от них, на краю соседнего городка Бамиан. На лопастях про-

пеллера уже лежал снег. Вместе с рейнджерами была группа дознавателей, которые опрашивали местных жителей. Этой ночью, похоже, отдыхать не придется никому.

Джордан выключил видеокамеру. Отснятые кадры он изучит завтра; сейчас же ему хотелось поразмышлять, как говорится, прочувствовать это место. Что он мог бы сказать о нем? Кто-то напал на археологов и убил с невиданной, звериной жестокостью. Повсюду кровь. Похоже, что убийцы пустили в ход ножи, а не огнестрельное оружие. Кровь расплескалась дугой брызг, как будто фонтаном била из колотых ран, а не вытекала отдельными крупными каплями, как это бывает при пулевых ранениях. Впрочем, количество крови мало что объясняло.

Кто это сделал? И почему?

Неужели талибы оскорбились в своих лучших религиозных чувствах из-за ведущихся здесь раскопок? Или это какие-нибудь негодяи из города захватили археологов в плен, рассчитывая получить за них выкуп? Или, может, профессор все-таки прав и суеверные местные жители убили ученых из опасений, что те могли потревожить дремлющие под землей силы зла? Джордан надеялся, что рейнджерам повезло больше, чем его группе. Он продолжал задавать себе вопросы, ответы на которые ему совсем не нравились.

Холодный туман становился все гуще, а снегопад – сильнее, медленно покрывая белым покрывалом окружающее пространство. Джордан уже не мог разглядеть ни вертолеты, ни очертания домов далекого Бамина. Даже соседние руины Шар-э-Голголы почти полностью скрылись в туманной мгле, превратившись в неясные очертания гор битого камня. Казалось, будто весь мир сжался до размеров этой крошечной деревушки. И ее жутких тайн.

Профессор Этертон снял перчатку и наклонился, чтобы поднять что-то с земли.

– Стойте! – крикнул Джордан. – Это все еще место преступления!

Ученый указал на клочок зеленой ткани, примерзший к луже крови.

– Это куртка Шарлотты, – произнес он дрожащим голосом. – Ее куртка.

Джордан поморщился. О господи, как же много бессмысленных, варварских способов отнять человеческую жизнь!

– Извините, профессор Этертон.

Джордан перевел взгляд с испуганного лица ученого на свои собственные руки. Его правая машинально покручивала на пальце золотое обручальное кольцо. Дурная привычка. Он всегда крутит его, когда сильно нервничает. Джордан оставил кольцо в покое.

Откуда-то слева донеслись тяжелые шаги, быстрые и решительные. Выхватив оружие, пистолет-пулемет «Хеклер и Кох МП7», Джордан обернулся. Из тумана вынырнула фигура Пола Маккея, следом за ним появился практикант-афганец Азар.

– Сержант, посмотри на это!

Джордан сунул «Хеклер» в наплечную кобуру и жестом подозвал к себе Маккея.

Прикрывая массивным телом дорогой фотоаппарат, чтобы на него не попал снег, капрал подошел ближе.

– Я щелкнул вот эти следы.

– Следы ног?

– Нет. Вот, посмотри!

Сержант наклонился и посмотрел на крошечный цифровой экран видеокамеры. На свежеевыпавшем снегу были отчетливо видны кровавые следы.

– Это чьи-то лапы?

Маккей показал еще несколько снимков и даже увеличил один из них.

– Явно какого-то животного. Может, это волк?

– Не волк, – влез в разговор Азар на плохом английском. – Снежный барс.

– Снежный барс? – переспросил Маккей.

Азар подошел ближе и кивнул.

– Снежные барсы живут здесь тысячи лет. Когда-то давно они были даже на гербе местного царя. Теперь их осталось совсем мало. Может, всего несколько сотен. Они нападают на овец и коз здешних крестьян. Но на людей – никогда. – Афганец почесал бороду. – Мало дождей в этом году, ранняя зима. Наверно, они спустились сюда с гор за едой.

Что ж, это была не такая уж большая угроза, в отличие от прочих, которые до этого приходили на ум Джордану. Он испытал некоторое облегчение при мысли о том, что на археологов могли напасть дикие звери. Справиться с животными будет проще, чем с людьми. У снежных барсов нет оружия, их не станут укрывать местные жители. Такая версия также легко объясняла жесткость нападения, обилие крови и отсутствие стрельбы. Неужели это действительно были хищники?

Джордан выпрямился и покачал головой.

– Мы не знаем, кто именно убил археологов, дикие кошки или же люди. Барсы могли появиться здесь позже, чтобы полакомиться свежатиной. Может, именно поэтому мы и не нашли тел. Они утащили их туда, где обитает их прайд...

– Стая снежных барсов, – поправил его Маккей, даже больший сторонник точности, чем Джордан. – Прайды бывают только у львов.

Этертон слегка поежился.

– Если дикие кошки утащили тела, то они наверняка бродят где-то недалеко. – Он указал закованной в гипс рукой в сторону развалин. – Там имеется множество тайников. А еще земля там буквально нашпигована противопехотными минами – наследие нескольких десятилетий войны. Если будете ходить среди развалин, советую вам проявлять осторожность.

– Замечательно, – сыронизировал Маккей. – Мало нам проблем с барсами-людоедами. Нам только противопехотных мин не хватает.

У Джордана имелись карты местности, на которой были отмечены заминированные участки. Впрочем, в данный момент он не горел желанием отправляться на поиски тел в этот жуткий лабиринт – особенно в темноте, – хотя и понимал, что этим рано или поздно придется заняться. Любые улики, способные помочь им в разгадке гибели археологов, по всей видимости, кроются в самих мертвых телах. Но только это не барсы. Барсы не шепчут на древних языках. Так что эти слова были произнесены либо жертвой, либо убийцей. Нужно срочно уходить. Чем дольше они будут ждать, тем меньше проживут те, кто остался в живых, и тем скорее они смогут поймать тех, на чьей совести это кровавое преступление.

– Какого размера эти кошки? – уточнил Стоун.

Азар пожал плечами.

– Большие. Я слышал, самцы весят до восьмидесяти килограммов.

Джордан мысленно перевел килограммы в фунты.

– Это примерно сто семьдесят пять фунтов.

Жутковато, но бывает и хуже.

Маккей хмыкнул в знак несогласия.

– Тогда лучше посмотри на это, – произнес он и показал Джордану еще один снимок с изображением отпечатка лапы, рядом с которым он для сравнения положил «четвертак» – монетку в двадцать пять центов. Джордану впервые стало по-настоящему страшно. Наверно, точно в таком же страхе когда-то прятались от ночных хищников в пещерах их далекие предки. Он прикинул – отпечаток лапы никак не менее восьми дюймов в ширину, то есть размером с небольшую обеденную тарелку.

– Я нашел целую цепочку следов, – сообщил Маккей, указывая на цифровой дисплей.

Показ снимков он завершил изображением еще одного следа лапы. Опять-таки рядом был положен «четвертак». Этот след был размером поменьше, хотя и не намного. Однако он точно принадлежал второй особи.

– Значит, там, по меньшей мере, бродят две дикие кошки, – подытожил Джордан.

– И обе будут весом побольше ста семидесяти пяти фунтов, – добавил Маккей. – По моим прикидкам, как минимум раза в два. Размером с африканского льва.

Джордан посмотрел на окутанные туманом развалины, и ему на ум пришла история про двух африканских львов по кличке Призрак и Ночка, которые на стыке столетий терроризировали Кению. Считается, что эти два хищника убили более сотни людей. Действуя, как правило, глубокой ночью, они вытаскивали своих жертв из палаток.

– Нам понадобится больше огневых средств, – произнес Маккей, как будто прочитав мысли Джордана.

К несчастью, их группа прибыла сюда налегке, имея всего по одной единице оружия на человека. Они рассчитывали прилететь в деревушку и вернуться обратно на базу еще засветло; кроме того, полагались на занявших позиции по периметру долины рейнджеров, видя в них надежную защиту. Увы, так было до того момента, как они прибыли сюда...

Треск радиопомех в передатчике заставил Джордана и Маккея встрепенуться. Поморщившись, словно от зубной боли, они схватились за наушники. Это был Купер.

– Заметил какое-то движение, – доложил он. – В деревне. Засек шевеление в одном из окон.

– Оставайся на связи! – приказал сержант. – Мы идем к тебе. И остерегайся снежных барсов. Возможно, мы тут не единственные.

– Вас понял. – Голос Купера прозвучал скорее раздраженно, чем испуганно. Но ведь он не видел следов лап. Затем Купер уточнил свое местонахождение, и Джордан повел группу на дальний край деревни.

Он нашел Купера и Фаршада возле груды камней, где те сидели, пригнувшись, чтобы не открывать себя вероятному противнику. За ними возвышались развалины Шар-э-Голголы. При мысли о том, что придется занять позицию спиной к этому древнему горному некрополю, Джордану стало слегка неуютно.

– Вот здесь, – произнес Купер и указал на небольшую глинобитную хижину под соломенной крышей, припорошенной снегом. Дверь была закрыта, но окно располагалось как раз напротив них. – Там точно кто-то есть.

– Может, ты просто испугался теней? – предположил Маккей. – Рейнджеры прочесали здесь каждый дом и ничего не нашли.

– Это вовсе не значит, что никто не мог прокрасться сюда после того, как они пошли дальше, – возразил Купер и повернулся к Джордану. – Клянусь, что видел, как в окне мелькнуло что-то белое. Но это был не снег и не клочья тумана. Что-то плотное. Точно тебе говорю.

Маккей показал ему фотоснимки с отпечатками гигантских лап. Купер пригнулся еще ниже и выругался.

– Я не вызывался на роль охотника на сафари. Говорю на тот случай, если тут бродит огромный лев...

– Барс, – поправил его Маккей.

– Да плевать мне на то, кто он такой, если у него есть зубы и он обожает человечину. Пусть начнет со сладкой задницы Маккея.

– Что же, пускай с нее, – согласился Маккей, – тем более что теперь нам доподлинно известно, что здесь бродят, по меньшей мере, две такие киски, а профессор считает, что они залегли вон на той горке позади тебя.

Купер посмотрел через плечо и снова выругался.

Джордан поспешил успокоить подчиненных.

– Купер и Фаршад, оставайтесь здесь с профессором. Мы с Маккеем и Азаром проверим этот дом.

Двигаясь практически бесшумно по свежевыпавшему снегу, Джордан, держа в руке «Хеклер», повел своих людей к указанному дому. Он был уверен в том, что огневой мощи

его оружия будет достаточно против любого, кто может прятаться в доме. И все-таки внимательно оглядывался по сторонам, сожалея о том, что у них мало боеприпасов.

Азар взял под прицел окно, а Джордан с Маккеем подошли к двери. Они скользнули на другую сторону и приготовились ворваться в дом. Джордан оглянулся на товарища. Капрал молчаливым кивком подтвердил готовность.

По сигналу сержанта Маккей шагнул вперед и пинком распахнул дверь. Та с громким скрипом распахнулась. Пригнувшись, Джордан вбежал внутрь, держа оружие на уровне плеча. Маккей, подстраховывая его, взял помещение под прицел. Дом являл собой однуединственную комнату, все убранство которой составляли небольшой стол, сложенная из камней печька в углу и два лежака из соломы – один большой, а второй поменьше. Пусто. Как и сообщили прочесавшие деревню рейнджеры. Купер ошибся, подумал Джордан с досадой и облегчением одновременно. Он должен был это предвидеть...

– Не двигайся, сержант! – произнес стоящий у двери Маккей.

Уловив в голосе капрала тревогу, Джордан застыл на месте.

– Медленно посмотри наверх на точку в восемь часов.

Почти не двигая головой, Джордан поднял глаза. Его взгляд скользнул по глинобитной стене туда, где та смыкалась с соломенной крышей. Наполовину скрытая стропилами, на него сверху сверкнула пара глаз, как будто горящих внутренним огнем. В безмолвной комнате зашуршала солома – это таинственный наблюдатель зарылся еще глубже в своем гнезде. Идеальный тайник. Гниловатый запах соломы маскировал все другие запахи. Разумно.

Джордан сунул «Хеклер» обратно в кобуру и поднял вверх голые руки.

– Все в порядке, – тихо и спокойно произнес он, как будто успокаивая пугливого, норовистого жеребенка. – Тебя никто не обидит. Спускайся.

Сержант не знал, понимают ли его слова, однако надеялся, что тон и миролюбивое поведение делают его намерения доступными для понимания.

– Почему бы тебе не...

Нападение последовало немедленно. Загадочное существо соскользнуло со стропил вниз, обрушив на Маккея облако сухой соломы. Пистолет-пулемет в руке капрала дернулся вверх.

– Не стрелять! – рявкнул Джордан и вовремя подхватил слетевшую вниз фигурку. У себя дома в Айове он вырос вместе с целым выводком сестер и братьев, теперь же у него имелось множество племянников и племянниц. Хотя собственных детей у него не было, он сердцем угадал это простое желание. Оно не ведало ни языковых барьеров, ни государственных границ. Ребенок, которому нужны забота и ласка.

Детские ручонки обхватили его за шею, нежная щечка прижалась к его щеке. Тонкие ножки обвили его талию.

– Это девочка, – произнес Маккей.

До смерти напуганная маленькая девочка.

Дрожа от страха, она прижалась к нему.

– Не бойся, тебя никто не обидит, – успокоил ее Джордан, надеясь, что это действительно так. Он повернулся к Маккею. – Позови Купера и остальных, пусть заходят сюда.

Кaprал выскочил из комнаты, оставив Джордана одного с девочкой на руках. По прикидкам сержанта, ей было лет десять, не больше. Он подошел к столу и сел. Затем, расстегнув на куртке «молнию» и укутав девочку, прижал к себе худенькое тельце. Она вся горела, исходящий от нее жар чувствовался даже сквозь похожий на пижаму наряд. В каждом ее пугливом движении и частом дыхании, готовом вот-вот сорваться на рыдание, чувствовался неподдельный страх. Что неудивительно, если учесть, какое потрясение ей пришлось пережить.

Что же она такого видела? Джордану ужасно не хотелось допрашивать маленького ребенка, особенно в ее нынешнем состоянии, однако только эта малышка была способна поведать о том, что здесь произошло.

В маленькую комнату вошли остальные участники их группы. Увидев их, девочка еще сильнее прижалась к Джордану и огромными глазами настороженно посмотрела на вошедших. Сержант, как мог, попытался успокоить ее. На маленьком круглом личике, обрамленном черными волосами, разделенными на прямой пробор, застыл испуг. Малышка не сводила с Джордана глаз, как будто желая убедиться, что он никуда не исчезнет.

– Вокруг дома следы барсов, сержант, – сообщил Купер. – Эти кошки как будто устроили тут вечеринку с танцами.

– Это дочь поварихи, – произнес стоявший возле двери Этертон. – Я не знаю, как ее зовут.

Девочка посмотрела на ученого и, как будто узнав его, еще плотнее прижалась к Джордану.

– Вы можете задать ей несколько вопросов? – спросил Джордан. – Чтобы выяснить, что случилось?

Этертон не стал приближаться к девочке. Он задавал ей вопросы так, как будто старался закончить импровизированный допрос как можно быстрее. Под глазом у него дергалось – нервный тик. Ребенок отвечал коротко, односложно, «да» или «нет», по-прежнему не сводя глаз с Джордана.

Все так же нежно прижимая ее к себе, Стоун обратил внимание на обоих афганцев – те стояли рядом с лежанкой, той, что поменьше размером. Один из них опустился на колени и, подняв с пола щепотку белого порошка, поднес его к губам. Порошок был с виду похож на соль. Судя по тому, что афганец сморщился и сплюнул, так оно и было – соль.

Джордан отметил, что лежанку окружало кольцо белого порошка, а со спинки кровати свисал обрывок веревки. Афганцы, склонив головы, о чем-то посоветовались между собой и перевели взгляды с белого соляного круга на девочку. Как показалось Джордану, с подозрением и изрядной долей страха.

– В чем дело? – шепотом спросил у сержанта Маккей.

– Не знаю.

На его вопрос ответил Этертон:

– Согласно местному фольклору, в этих местах призраки или джинны часто нападают на спящих, и защититься от них можно, лишь окружив себя кольцом из соли. Мать, по всей видимости, решила таким образом защитить свою дочь. Ведь они работали в тени Шар-э-Голголы. Наверно, она так и поступила. Тут в горах творится такое, что в безопасности себя невозможно чувствовать даже в городе.

Джордан с трудом сдержался, чтобы не сделать круглые глаза. С другой стороны, он не горел желанием выслушивать профессорский вздор. Тем более в эти минуты.

– Что тут случилось, по словам девочки?

– Она сказала, что археологи вчера что-то нашли. – Ученый пощелкал по своему гипсу и соорудил гримасу. – Понять трудно, меня-то здесь не было. В любом случае тоннель, который рыли мои коллеги, привел их к тайнику, где оказалась масса костей. И человеческих, и костей животных. В ближайшие дни они собирались выносить их наружу.

– А минувшая ночь? – спросил Джордан.

– Я как раз собирался об этом спросить, – ответил ученый с легким раздражением.

Он продолжил задавать девочке вопросы, и Стоун почувствовал, как напряглось детское тельце. Девочка покачала головой и закрыла лицо, отказываясь говорить дальше. Дыхание ее участилось, а жар ее тела, казалось, вот-вот прожжет ему куртку.

– Не надо больше ни о чем ее спрашивать, – сказал сержант, чувствуя, что ребенку может стать еще хуже.

Но Этертон, не обращая внимания на его слова, бесцеремонно схватил девочку за руку. Джордан заметил, что у нее на запястье намотан обрывок веревки. Неужели ее привязывали к кровати?

Вопросы Этертона звучали резче и настойчивее.

– Профессор, она – несчастный, измученный ребенок, – сказал Джордан, убирая его руку. – Оставьте ее в покое!

Маккей грубо оттолкнул ученого в сторону. Тот попятился назад и вскоре уткнулся спиной в стену. Затем посмотрел на девочку так, будто она внушала ему страх. Но почему? Она всего лишь напуганный маленький ребенок. Девочка посмотрела на Джордана, и тому показалось, что она вот-вот сгорит прямо у него на руках. Глаза ее сверкали непонятным внутренним огнем. Она попробовала что-то сказать ему слабым, умоляющим голосом и тут же сникла, как будто впав в забытие. Когда же она в последний раз что-то пила или ела?

– Хватит на сегодня, – сказала Джордан Маккею. – Ей нужна медицинская помощь.

Вытащив фляжку, он отвинтил крышечку и заставил девочку сделать глоток. Малышка что-то еле слышно прошептала, но так тихо, что Джордан ничего не расслышал, как будто это были не слова, а вздохи.

Профессор Этертон мгновенно побледнел. Он посмотрел на двух афганцев, как будто желая удостовериться в том, что не ослышался. Азар молча попятился к двери. Фаршад приблизился к кровати и шагнул внутрь очерченного солью круга. Там он наклонился, чтобы подсыпать соли туда, где только что брал щепотку, и тем самым замкнуть круг.

– В чем дело? – спросил Джордан.

– Какого дьявола тут происходит? – это подал голос Маккей.

– Последние слова, которые сказала девочка, – наконец заговорил Этертон. – Это не местный диалект. Это бактрийский язык. Тот самый, что был на записи.

Вот как? Джордан не мог с точностью сказать, так ли это. Он был вообще не уверен, что девочка что-то сказала, а если и сказала, то вряд ли профессор мог ее услышать. Тогда в Кабуле он прослушивал запись раз за разом. Слова, прозвучавшие в самом ее конце, не были похожи на то, что только что сказала девочка. Он хорошо помнил те слова. Глубокие, как будто шедшие из самого человеческого нутра, они звучали злобно и яростно: «девочка наша».

Этот голос мог принадлежать лишь тому, кто властно заявлял о своей добыче. Может быть, это был ее отец...

– И все-таки что она сейчас сказала? – уточнил Джордан, чувствуя, как недоверие к профессору берет над ним верх. Как может десятилетний ребенок разговаривать на мертвом языке, на котором никто не говорит вот уже много столетий?

– Она сказала «не отдавайте меня ему».

Где-то снаружи, за стенами дома, пронзив ночной туман, раздался протяжный звериный рык. Через мгновение ему ответил другой.

Снежные барсы. Джордан посмотрел в окно, отметив про себя, что солнце село примерно полчаса назад и, как это бывает в горах, сумерки тут же сменились непроглядной ночью. С заходом солнца барсы снова выйдут на охоту.

Азар в панике бросился к выходу. Фаршад позвал товарища, умоляя вернуться, но тот его как будто не слышал. Еще секунда, и он исчез в темноте. Последовала долгая гнетущая тишина. До слуха сержанта доносилось лишь легкое шуршание падающего снега.

Затем, примерно через минуту, раздался треск автоматной очереди, а за ней жуткий, душераздирающий крик. Он доносился откуда-то издалека и одновременно как будто из-за двери. В этом крике смешались боль, кровь и первобытный ужас. Затем снова стало тихо.

– Маккей, прикрой вход! – рявкнул Джордан.

Капрал бросился вперед и плечом захлопнул открывавшуюся внутрь дверь.

– Купер, попытайся связаться с батальоном рейнджеров, расквартированным в Бамиане. Скажи, что нам срочно нужна помощь. Быстро!

Пока Маккей держал под прицелом дверь, сержант отошел от стола и, не выпуская девочку из рук, опустился на пол. Тяжело дыша, она прижималась к его боку.

Джордан снова вытащил оружие и взял под прицел окно, ожидая, что в него могут запрыгнуть огромные хищные кошки.

– Что будем делать, сержант? – спросил Маккей.

– Будем ждать прибытия небесной кавалерии, – ответил Джордан. – Надеюсь, они смогут быстро поднять своих стальных птичек в воздух.

Купер покачал головой и взял в руки радиопередатчик.

– Нет приема. Мертвый эфир. Нет смысла даже пытаться в такой снегопад.

Этертон посмотрел на девочку так, будто это она сломала их передатчик. Джордан еще крепче прижал ее к себе.

– Кто-то еще, кроме меня, слышит это? – спросил Маккей, немного склонив голову набок.

Джордан напряг слух и знаком велел остальным сохранять тишину. Из темноты, из-за стены падающего снега, до них донесся какой-то еле различимый шепот. Понять слова было невозможно, но этот звук действовал ему на нервы, как плохо настроенный радиопередатчик. Ему вспомнилось, что совсем недавно он подумал, что его уже ничто не способно удивить. Придется пересмотреть эту точку зрения. Ведь то, что происходит с ним сейчас, не укладывается ни в какие рамки.

– Я думаю, что это тоже бактрийский, – произнес профессор с паническими нотками в голосе и сжался, как испуганный кролик, возле каменной печи. – Но я ничего не могу разобрать.

Что касается Джордана, тот вообще не назвал бы это человеческой речью. Возможно, от страха Этертону мерещится бог вести что. Кто знает, вдруг на той записи был вовсе не бактрийский язык?

Фаршад скорчился возле кровати, окруженной кольцом из рассыпанной соли. Он не сводил с девочки злобного взгляда, как будто она была причиной всех обрушившихся на них бедствий.

– Помните ту запись? – Этертон остекленевшим взглядом посмотрел куда-то мимо Джордана. – Как я перевел последние слова? «Девочка наша». Им нужна именно *она*.

Профессор дрожащим пальцем указал на ребенка.

Шепот в ночи сделался чуть громче, превратившись в бессвязное бормотание, едва различимый ухом безумный хор голосов. Казалось, будто слова въедаются, проникают в уши, пытаются впиться прямо в мозг. Но что, если это нормальные звуки, какие обычно издают барсы? Увы. Джордан не имел ни малейшего представления о том, какие звуки издают эти дикие кошки.

Этертон прижал руки к ушам и еще ниже склонился к полу. Фаршад, что-то прорывав на пушту, своем родном языке, навел винтовку сначала на Джордана и девочку, а затем на дверь. Эта пантомима и несколько брошенных слов на пуштунском языке, которые сержант понял, делали намерения афганца предельно прозрачными.

Выгони девочку наружу!

– Ни за что, – спокойно ответил Джордан, не сводя с него тяжелого взгляда. Фаршад побагровел. В его темных глазах вспыхнул свирепый огонь. Он снова что-то крикнул на пушту. Джордан разобрал лишь слова «джинн» и, кажется, «петра». Последнее слово афга-

нец повторял раз за разом, воинственно тыкая при этом оружие в лицо сержанту. Затем грохнул выстрел, и рядом с коленом американца взметнулся фонтанчик земли.

Для товарищей Джордана этого оказалось достаточно. Защищая сержанта, Купер и Маккей одновременно выстрелили в Фаршада.

Афганец упал спиной на соломенный тюфяк детской лежанки.

Девочка вскрикнула и уткнулась лицом Джордану в грудь. Из горла Этертона вырвался стон.

– Что там такое кричал Фаршад? – спросил у профессора Джордан. – Что такое «петра»?

Не поднимая головы, Этертон слегка качнулся вперед.

– Это древнее слово на санскрите. Его употребляют и буддисты, и племена, населяющие эти края. Оно переводится как «ушедшие дальше и пропавшие», но обычно оно относится к демонам, жаждущим пищи; неприкаянным, не нашедшим пристанища духам.

Услышав подобное объяснение, Джордан был готов рассмеяться, но у него не нашлось нужных слов.

– Фаршад был уверен, что девочка одержима вырвавшимся на волю джинном и что призраки тумана хотят, чтобы она вернулась к ним.

– То, что я сфотографировал здесь, – вмешался в разговор Маккей, – похоже на следы *барсов*, но не на следы *призраков*.

– Я... я не знаю, – продолжал раскачиваться Этертон. – Но, кто знает, вдруг он был прав. Быть может, девочку действительно нужно отдать демонам. Тогда они оставят нас в покое. Возможно, им нужна только она.

– Повторите, кому она нужна? – сердито отозвался Джордан. Он не отдаст ребенка на верную гибель.

Как будто в ответ на его вопрос что-то тяжело стукнуло сверху по крыше дома; с потолка посыпался дождь сухой соломы. Джордан вскинул свой «Хеклер» стволом вверх и дал по крыше очередь. Товарищи последовали его примеру. В тесном помещении оглушительно затрещали автоматные очереди. В ответ на стрельбу раздался скрежещущий вой, но не мучительный, а разъяренный. В следующее мгновение незримое существо с грохотом покинуло крышу. Судя по всему, пули не задели его, а лишь привели в еще большую ярость.

Неужели зверь хитроумно пытается заставить их расстрелять весь боезапас?

Джордан проверил пистолет-пулемет. Его товарищи, нахмутив брови, проделали то же самое. Скверно. Так они скоро останутся без боеприпасов. Со стороны двери послышался новый кошачий вопль. Купер и Маккей, как по команде, обернулись и навели оружие на вход. Джордан снова взял под прицел окно и посмотрел на окутанные туманом развалины.

– Если увидите их, стреляйте! Но боеприпасы расходуйте экономно!

– Понял, – отозвался Купер. – Ждать, пока не увидим белки глаз врага.

– Крыша долго не выдержит, – посетовал Маккей. – Еще несколько таких ударов, и она проломится, как картон. И тогда эти чертовы кошки свалятся нам прямо на голову.

Маккей был прав. Джордан понял всю тщетность попыток закрепиться в доме. У них слишком мало оружия, чтобы выдержать нападение пары свирепых кошек весом без малого триста фунтов, особенно в таком тесном пространстве. Они скорее перестреляют друг друга, нежели прикончат этих зверюг.

Все так же не выпуская девочку из рук, Джордан встал.

– У тебя появился план? – поинтересовался Купер.

Джордан посмотрел на дверь.

– Есть у меня один план... правда, не слишком хороший.

– Что ты собрался делать? – с тревогой в голосе спросил Маккей.

– Собираюсь дать им то, чего они хотят.

17 часов 18 минут

Низко пригнувшись, с безмолвной ношей на плечах, Джордан пробежался по снегу. Его щеки коснулся болтающийся рукав. От ткани пахло потом и страхом. Джордан не знал, была ли малышка и в самом деле источником всех бед и пойдут ли барсы по следу ее запаха. Равно как не знал и того, был ли этот шепот в ночи эхом далеких звуков или чем-то другим.

В данный момент это ровным счетом ничего не значило. Если барсам нужна девочка, то пусть они идут по следу, наблюдают за его передвижениями. Джордан уходил все дальше от далеких огней Бамиана, двигаясь к развалинам Шар-э-Голголы. Он следовал указаниям Этертона. Профессор подсказал ему, где находится раскоп археологической экспедиции. Как выяснилось, до него было недалеко, ярдов пятьдесят. Теперь главной надеждой сержанта был некрополь.

К сожалению, у них было мало оружия и ограниченное количество боеприпасов. А эти хищные твари оказались хитрыми и опытными охотниками. Справиться с ними чрезвычайно трудно. Барсы как будто чувствовали, что их противник вооружен, и не спешили показываться на глаза. Джордану оставалось лишь надеяться, что он перехитрит диких кошек, заманит их в ловушку. Как только он разделается с ними, то займется теми, кто что-то там шепчет в тумане. Примерно таким был его план.

Пока он бежал, Маккей следовал за ним по пятам. Купера они оставили в доме – прикрывать их бегство через окно. Не исключено, что барсы попадутся ему в перекрестье прицела. В таком случае Купер их уложит, и все проблемы будут решены. Джордан преодолел последний отрезок пути, пробежав мимо брошенных тачек, куч вырытого песка и щебня, разбросанного инструмента прямо ко входу в раскоп. Морозный воздух пробирал до костей. Эх, как сейчас ему здорово пригодилась бы теплая куртка. Он же был в одной рубашке.

Добравшись до входа в тоннель, Джордан поправил на плече свою ношу и крепче сжал в руке пистолет. Маккей, тяжело дыша, остановился с ним рядом. Впрочем, задыхался капрал не от быстрого бега. Капрал Маккей трусил.

– Ты знаешь, что тебе делать, – произнес Джордан. Его слова прозвучали как приказ.

– Да, пойду-ка гляну, нельзя ли здесь чего откопать. В прямом смысле этого слова.

Сержант усмехнулся его шутке, отлично понимая, что за куражом товарища скрывается страх.

– Если я не вернусь через десять минут...

– Я понял с первого раза. А теперь пошли.

Зловещий вопль оборвал их разговор.

Хлопнув Джордана по плечу, Маккей взял карту и в следующую секунду исчез. Щелкнув ксеноновым фонариком, прикрепленным к пистолету, Джордан навел его луч на тоннель, который вел в самое сердце развалин.

Теперь нужно устроить ловушку...

Он пригнулся, стараясь не зацепиться одеждой девочки о грубую поверхность каменных стен. Нужно заманить сюда барсов, заманить пляшущим светом фонарика, безумным бегством из дома, заманить запахом девочки, исходящим от ее пропитанной потом одежды. Низкий потолок не позволял бежать, выпрямившись в полный рост. Приходилось постоянно нагибаться; плечи то и дело задевали то одну, то другую стену. Джордан посветил лучом фонарика в темные глубины развалин. Откуда-то снизу поднимались волны теплого воздуха. Они как будто стремились вытолкнуть его обратно наружу. Внутри развалин пахло влажным камнем. Впрочем, его нос уловил и какой-то химический запах, вроде горящей нефти. Было приятно вновь оказаться в тепле, однако вскоре глаза начали слезиться, а голова закружилась от нехватки кислорода.

Помнится, он где-то читал, что некоторые пещеры, созданные самой природой, дышат, издают вдохи или выдохи в зависимости от перепадов давления и температуры воздуха на поверхности. Не по этой ли причине археологи догадались, где следует копать? Неужели они заметили, какой именно участок Шар-э-Голголы дышит, открывая свои сокровенные тайны, а значит, копать следует именно там?

Еще несколько ярдов – и вот он, ответ на его вопрос. Вырытый людьми проход сменился тоннелем естественного происхождения с каменными стенами. Джордан нащупал под ногами вырубленные в камне ступеньки. Должно быть, археологи пробивались к участку тайных коридоров, некогда пронизывавших гору под старинной цитаделью.

Что же они здесь нашли?

Неожиданно откуда-то сзади донесся животный вопль, исполненный дикой злобы, за которым эхом прокатился еще один.

Джордан представил себе двух гигантских кошек: вот они притаились у входа, зная, что их жертва загнана в ловушку. Он облегченно вздохнул, успокаивая Маккея.

Они все еще гонятся за мной...

Подстегиваемый этой мыслью, Джордан устремился вперед, так как точно знал, куда ему надо. Это место ему описал Этертон, хотя сам здесь никогда не был. Еще несколько ступенек, и тоннель привел их в тупик, в огромную пещеру. Не глядя под ноги, Джордан поскользнулся на влажном камне и полетел на груды костей, конечностей, черепов, грудных клеток. Этот жуткий урожай смерти устилал пол пещеры, образуя нечто вроде зловещих берегов вокруг лужи черной воды. На ее дне в свете фонарика белели другие кости.

Джордан вспомнил рассказ профессора о подземном источнике, где находился запас воды, и о кровавой резне, устроенной здесь много веков назад.

Однако не все останки были древними. На верху кучи костей и черепов лежали окровавленные тела недавних жертв. Тела были разорваны, растерзаны на куски. Это были останки археологов. Вот, например, что осталось от тела матери маленькой девочки. Это тотчас подсказало Джордану, что он попал в логово снежных барсов. Найдя вход в пещеру, животные быстро превратили ее в свое обиталище. Как будто в ответ на вторжение чужака, где-то рядом прозвучал звериный рык. Хотя, возможно, и не рядом; это страх до предела обострил слух. От наполнявших пещеру миазмов кружилась голова, глаза нещадно слезились, в носоглотке чувствовалось неприятное жжение.

Нужно действовать предельно быстро.

Сержант подошел к краю кладбища костей и забросил свою ношу как можно дальше. Полы детского платица распахнулись. Во все стороны полетела солома из матраца, которой Джордан туго набил приманку. Если звери идут по следу ее запаха, их следовало убедить в том, что жертва все еще с ним. Хотя кто знает... Вдруг это не имеет значения. Вдруг, как и в случае с Азаром, главное – привлечь к себе внимание хищников бегством? Ведь хищники преследуют тех, кто убегает от них.

На тот случай, если они все-таки не бросятся вслед за ним к пещерам, сержант оставил в глинобитной хижине Купера с девочкой и профессором. В сложившихся обстоятельствах это был лучший способ обеспечить их безопасность, поскольку боеприпасов почти не осталось.

Отцепив от пистолета фонарик, Джордан зашвырнул его к противоположной стене. Луч фонарика, вращаясь на лету, чертил дуги света, отчего у Джордана еще сильнее закружилась голова. В конце концов фонарик приземлился на дальнем берегу подземного родника, и теперь его луч пронзал темноту, подобно далекому маяку. Джордан отбежал в сторону, к груде огромных камней, лежавших справа от входа в пещеру. Здесь он опустился на корточки и пригнулся, держа оружие наготове. Ждать пришлось недолго. Muskusный запах барсов ударил ему в ноздри еще до того, как первый хищник вошел в пещеру. Это было силь-

ное животное, настоящий монстр девяти футов в длину, самец с черными пятнами на густом мехе. Мощной мускулистой волной он ворвался в пещеру – безмолвный, целеустремленный, неукротимый. Вслед за ним внутрь скользнул второй зверь, размером поменьше, – самка.

Барсы оглянулись по сторонам, пристально изучая окружающее пространство. Темные глаза хищников как будто горели внутренним огнем. Так же, как и глаза афганской девочки.

Джордан затаил дыхание.

Мир вокруг него сделался водянистым, расплывчатым и нечетким; головокружение усилилось. Любое движение казалось размытым пятном.

Хищник-самец метнулся к набитой соломой приманке, то и дело принохиваясь и дрожа от нетерпения. Самка, припав к земле, двинулась дальше, на свет фонарика.

Внимание Джордана привлекла рябь на поверхности подземного источника. Отражение барса как будто дрогнуло, сделалось нечетким. На долю секунды сержанту показалось, будто вместо барса он видит другое отражение – сгорбленного, мертвенно-бледного, безвольного создания. Впрочем, стоило ему поморгать слезящимися глазами, как оно исчезло. Джордан встряхнул головой и отвел взгляд в сторону. Он не осмеливался больше ждать.

Стараясь двигаться как можно тише, сержант выскользнул из своего потайного места и метнулся к выходу из пещеры, направляясь туда, откуда только что пришел. Ноги подкашивались. Чтобы держаться прямо, он то и дело опирался одной рукой о стену. Увы. В следующее мгновение какое-то неожиданное движение заставило его застыть на месте. Барс-самец, который все еще стоял задом к Джордану, поднял голову от набитой соломой одежды и издал злобный протяжный вопль, как будто понял, что его перехитрили.

Затем кости под его лапами пришли в движение. Одурманенному зловонием Джордану показалось, будто они сами зашевелились, глухо ударяясь одна о другую. Он несколько мгновений изумленно смотрел на них, пытаясь убедить себя, что это барс своим весом сдвинул их с места.

Увы, так и не смог.

Охваченный первобытным ужасом, сержант попятился к выходу из тоннеля. Дрожание горы костей сделалось еще более явственным. Краем глаза Джордан успел заметить, как поднялись растерзанные останки археологов. Он хотел оглянуться назад, но страх сковал его волю.

Прямо у него на глазах на изуродованных конечностях поднялся первый труп и, словно краб, пополз по груде останков: голова вывернута под неестественным углом, рот открыт. Из уродливой глотки донесся невнятный шепот. Он прозвучал на том же древнем языке, который Джордан слышал на записи. Затем зашевелился второй труп, у которого отсутствовала нижняя челюсть; на ее месте зияло разверстое горло. Он тоже присоединился к зловещему хору голосов.

Этого не может быть... У меня галлюцинации.

Ухватившись за эту призрачную надежду, Джордан бросился к выходу из тоннеля, кажде несколько шагов натываясь на стены. Окружающее пространство продолжало раскачиваться, пол ускользал из-под ног. Сержант попытался нащупать в кармане фонарик-карандаш. Ага, вот он. Джордан щелкнул кнопкой. Увы, фонарик выскользнул у него из руки и покотился по каменному полу. Тем не менее даже этот скудный свет освещал ему путь вперед. Тем временем вой за его спиной становится все громче и громче. И Джордан побежал.

Затем он услышал слабый голос, нашептывавший ему прямо в ухо.

...торопись. Все готово.

Маккей.

Подталкиваемый в спину зловонным ветром, Джордан заставил себя рвануть вверх. В спину ему неслись жуткие вопли существ, скребущих по каменным стенам полусгнившими ногтями и костями. Вырастая от пола до потолка, их тени зловеще плясали на стенах тон-

нея, обгоняли его, подстегиваемые языками адского пламени. Внезапно за его спиной, в тоннеле, загрохотали тяжелые шаги.

Вой в тоннеле, как по сигналу, стих. Началась безмолвная охота.

Боясь споткнуться, Джордан на ощупь прокладывал себе путь. При этом он больно ободрал о шершавую стену ладонь, но сделал вид, что не заметил этого. Шероховатость стен означала, что он покинул тоннель природного происхождения с его гладкими стенами и выскочил в проход, вырубленный человеческими руками.

За его спиной эхом отдавалось хриплое, надрывное дыхание. Вскоре свет крошечного фонарика погас, и вокруг Джордана сомкнулось плотное кольцо тьмы. Он побежал еще быстрее, ощущая, как легкие горят огнем. Он бежал, вдыхая запах подземных созданий, их омерзительные миазмы, которыми, волна за волной, обдавала его пещера. Зловоние гниющей плоти, крови и страха.

Вскоре впереди блеснул свет.

Выход.

Сержант со всех ног бросился к нему, устремляясь навстречу свободе. Он выскочил наружу и упал, больно ударившись при приземлении.

Маккей схватил его обеими руками и оттащил в сторону. Из тоннеля донесся вопль злобного разочарования и обещания неминуемой мести. Не успел Джордан отпрянуть в сторону, как из тоннеля вслед за ним выскочил барс-самец... В следующее мгновение окружающий мир взорвался.

Огонь. Дым. Град камней и колючего мелкого гравия.

Джордан высвободился из объятий Маккея, однако остался на четвереньках, жадно хватая ртом воздух, и попытался вновь обрести ясное сознание. Он ожидал, что в любую минуту из клубов дыма выскочат барсы, однако тоннель содрогнулся и исчез под лавиной камней, навсегда запечатавшей в глубинах горы и кладбище костей, и обоих хищников.

– Сколько противопехотных мин ты использовал? – задыхаясь, спросил у товарища Джордан. Грохот взрыва по-прежнему отдавался в ушах звоном.

– Всего одну. Мне не хватило времени выкопать еще пару-тройку штук. Да и этой одной вполне хватило.

Огромная темная масса окутанной дымом Шар-э-Голголы продолжала подрагивать. Джордан представил себе, как обломки камня заваливают подземную пещеру. Среди развалин, поднимая в воздух клубы дыма и фонтаны обломков, прогрохотали еще несколько взрывов.

– Это от первого взрыва сдетонировали остальные мины, – пояснил Маккей. – Сержант, нужно поскорее уносить отсюда ноги.

Джордан не стал спорить, лишь мрачно посмотрел на развалины.

Они вернулись в крытый соломой дом. Им навстречу, прихрамывая, вышел Купер. Половина лица капрала была залита кровью.

– Что случилось? – спросил Джордан. Прежде чем тот успел ответить, он заглянул внутрь дома.

Какого черта?..

Его пронзила тревога за маленькую девочку.

– Как только ты вошел в пещеру, девчонка моментально юркнула в окно и скрылась. Я пытался догнать ее, но этот чертов профессор, как безумный, вцепился в меня и завопил: «Пусть уходит! Пускай демоны заберут ее!» Этот парень с самого начала показался мне чокнутым. Гнилой тип.

– Где они сейчас?

– Не знаю. Я только что пришел в себя.

Джордан пулей вылетел из хижины. Снег уже успел скрыть следы беглецов, но он все-таки сумел разглядеть отпечатки маленьких ног, которые вели куда-то на запад. Профессор, судя по всему, скрылся в восточном направлении. Значит, они разбежались в разные стороны.

Рядом с ним возник Маккей.

В следующий миг откуда-то издалека донесся приглушенный стрекот. Это, сверкая огнями, им на помощь из Бамиана спешил вертолет, напоминая мотылька, храбро устремившегося на пламя свечи. Рейнджеры наверняка услышали грохот взрывов.

– Отлично, – проговорил Маккей. – Вот и кавалерия мчится на подмогу.

– Что будем дальше делать, сержант? – спросил Купер.

– Пусть кто-нибудь другой ищет этого профессора, – ответил Джордан. Внезапно его охватила злость. Но, как ни странно, именно она подсказала, что ему делать дальше; помогла вновь сосредоточиться на главной задаче. – А мы пойдем искать девочку.

Спустя три дня я сидел в своем уютном кабинете в здании Афганской полицейской академии. Все документы были разложены по папкам и подшиты, дело закрыто.

Вина за события той ночи была возложена на одну-единственную находку среди руин Шар-э-Голголы: истекавший откуда-то глубоко из-под земли газ. Газ этот был углеводородным соединением под названием этилен, которое, как известно, способно вызывать галлюцинации и состояния, близкие к трансу.

Мне вспомнилась моя собственная растерянность, то, что, – как мне казалось, – я видел перед собой в эти минуты. То, чего мне совсем не хотелось видеть. Но ведь ничего подобного в реальности не было, да и быть не могло. Все это мне лишь привиделось. Вина во всем этот самый газ.

Научное объяснение меня устраивает. Ну, или, по крайней мере, я ничего не имею против. Кроме того, репортеры объясняли странное, агрессивное поведение барсов тем же самым: мол, животные надыхались дурманящим газом.

Прояснились и другие вещи.

Профессор Этертон был найден в миле от руин Шар-э-Голголы – босиком, с безумными глазами, сильно пострадавший от переохлаждения. Дело кончилось тем, что он потерял практически все пальцы на ногах.

Маккей, Купер и я всю ночь занимались поисками девочки и в конечном итоге нашли ее в неглубокой пещере, целой и невредимой, и, главное, теплой, закутанной в мою куртку. Я был благодарен судьбе за то, что нашел ее, а также самому себе, что мне хватило выдержки довести поиски до конца. Кто знает, вдруг в один прекрасный день я все-таки вернусь на поля родной Айовы.

Девочка ничего не помнила про то, что случилось среди руин. Впрочем, это даже к лучшему. Я отвез ее к врачу, после чего передал родственникам в Бамиане, полагая, что на этой истории можно поставить точку.

Однако пещера, где мы ее обнаружили – недалеко от тех самых руин, – оказалась не чем иным, как входом в небольшую крипту. Внутри покоились останки молодого мужчины, похороненного вместе с оружием и в богатой одежде монгольского воина благородного происхождения. Сейчас полным ходом ведутся генетические исследования, призванные определить, не принадлежат ли эти останки внуку Чингисхана, отправленному с миссией к царю Шар-э-Голголы, который несколько веков назад вероломно убил посланника, что повлекло за собой цепь событий, закончившихся падением цитадели.

То, как умер этот молодой человек, не дает мне этим зимним утром встать из-за рабочего стола, и я сижу, глядя на горы папок с нашими отчетами, и по-прежнему задаюсь тревожными вопросами.

Если верить рассказам Этертона, тот царь династии Шансабани убил жениха своей дочери, отрубив ему голову, после того как узнал, что они задумали бежать. У монгольского тела в гробнице головы не было.

Могли ли посланник и жених быть одним и тем же лицом? Могла ли царская дочь влюбиться во внука Чингисхана? Могла ли трагическая любовь привести к кровопролитию, которое за этим последовало? Почему-то принято думать, что любовь ведет только к хорошему. Неправда, порой она ведет к страшным вещам. При этой мысли я начинаю машинально крутить на пальце обручальное кольцо и, поймав себя на этом, говорю «прекрати!».

Не знаю почему, но, пока я сидел у себя в кабинете, раскладывая по папкам отчеты, мне вспомнились кое-какие новые подробности. Например, Азар сказал мне, что барсы были символом династии Шансабани. Или другое – Фариад крикнул, будто девочка одержима джинном и что ее преследуют демоны.

Что, если он был прав? Что, если что-то вырвалось на свободу из открытой могилы? Что, если в девочку вселился дух давно умершей принцессы, в надежде, что живой человек приведет ее к давно потерянному возлюбленному?

Что, если эти барсы, символы царской власти, принадлежали ее отцу, все еще пылавшему гневом и мщением, и он хотел с их помощью затащить ее в подземелье, чтобы она увидела таящиеся под Шар-э-Голголой ужасы? И в конечном итоге что, если взрывы вновь запечатали пещеру и перезахоронили тело вместе с костями барсов, отчего призрак разъяренного царя вновь пустился преследовать дочь?

Или же это были обыкновенные хищники, которыми двигал самый обыкновенный голод, а ядовитый газ, проникший в их новое логово, лишь подогревал их агрессивность?

А те голоса? Неужели это были кошки? Я так и не смог найти второго бактрийского ученого, поэтому эти странные, потусторонние звуки перевел для меня сам профессор. Кто знает, может, он слегка двинулся рассудком из-за гибели своих коллег или же на него тоже подействовал газ, просачивавшийся из раскопа.

Я покачал головой, тщетно пытаясь остановить выбор на одном из двух. Либо на разумном, логическом объяснении, либо на потустороннем, мистическом. В целом я склонен к первому.

Наверно, все эти мысли были остаточным эффектом воздействия газа, которым я надышался в пещере. Но стоит мне вновь вспомнить слова профессора, как я лишаясь былой уверенности. Там, в горах, происходят диковинные вещи, в которые с трудом верится, когда сидишь в городе.

Поток моих мыслей прерывает стук в дверь, и я мысленно благодарю судьбу.

Входит Маккей и делает шаг к моему столу. В руках у него листок.

– Новое распоряжение, сержант. Похоже, что нас переводят.

– И куда же?

– В Масаду, в Израиль. Там после землетрясения имела место какая-то странная серия смертей.

Я протягиваю руку к папке на столе и закрываю ее. Дело закончено.

– Надеюсь, это задание будет полегче предыдущего.

Маккей хмурит брови.

– Не вижу ничего смешного.

Весна 73 года нашей эры Масада, Израиль

Мертвые продолжали петь.

В трехстах футах над головой Елеазара звучал хор голосов девятисот мятежников-иудеев, бросая вызов римскому легиону по ту сторону городских ворот. Жители города поклялись, что скорее покончат с собой, чем сдадутся врагу. Эти последние молитвы, обращенные к небесам, эхом отдавались в подземных ходах, вырытых в самом сердце горы Масада.

Оставив обреченных стоять под палящим солнцем, Елеазар оторвал взгляд от крыши прохода, вырытого в песчанике. Нет, он с великой радостью молился бы в эти минуты вместе со всеми, прося Господа ниспослать ему мужество для решающей битвы. Увы, его ждала иная судьба.

Иная тропа.

Елеазар взял в руки бесценный камень. Нагретый солнцем, тот был длиной ему от ладони до локтя, то есть размером с новорожденного младенца. Прижимая камень к груди, он заставил себя войти в грубо вырубленный проход, который вел в самое сердце скалы. Каменщики закрыли за ним отверстие, чтобы за ним не мог последовать ни один человек.

Его сопровождали семеро солдат, которые шли впереди с факелами в руках. Их мысли наверняка вместе с их оставшимися наверху собратьями, теми девятью сотнями человек, что собрались сейчас на выжженной солнцем площадке наверху горы. Твердыня находилась в кольце осады вот уже несколько месяцев. Десять тысяч римских солдат разбили вокруг нее свои палаточные городки, зорко следя за тем, чтобы ни одна душа не выскользнула из ворот.

Закончив молитвы, восставшие поклялись, что, прежде чем римляне ворвутся в город, они собственноручно лишат жизни своих жен и детей, а потом и самих себя. Они молились, прося бога даровать им мужество поднять руку на своих близких.

Как должен поступить и я сам...

Задача, которую предстояло выполнить Елеазару, давила на него столь же тяжело, что и камень в его руках. Он мысленно вернулся к тому, что ждало в ближайшие часы евреев. Могила. Он провел немало часов в подземном храме, прижавшись коленями к каменным плитам, так близко подогнанным друг к другу, что в щель между ними не протиснулся бы и муравей. Он изучил гладкие стены и высокие, арочные потолки. И был вынужден признать, что строители, которые готовили это священное пространство, мастерски сделали свое дело.

Но даже тогда он не осмелился поднять глаза на саркофаг в храме.

Этот нечистый гроб сохранит для потомков святое Слово Божие.

Он еще крепче прижал камень к груди.

Прошу тебя, Господи, избавь меня от этой ноши.

Последняя молитва, как и тысячи до нее, осталась без ответа. Жертвам тех, что остались наверху, должны быть возданы почести. Их проклятая кровь должна сослужить более высокой цели.

Вскоре Елеазар дошел до входа в подземный храм, однако не смог заставить себя шагнуть внутрь. Остальные протиснулись мимо него и заняли свои места. Он припал лбом к холодной каменной стене, прося у Бога утешения.

Бог остался глух к его просьбе.

Тогда он посмотрел внутрь. Там уже мерцало пламя факелов, отбрасывая на кирпичный арочный свод потолка причудливые тени. Под потолком, в поисках выхода, собирались клубы дыма, но не находили его.

Выхода не было ни для кого.

Наконец его взгляд упал на маленькую девочку, которую солдаты заставили опуститься на колени и не давали ей встать. При виде ее сердце Елеазара обливалось кровью. Но нет, он не откажется от возложенной на него миссии, он выполнит порученное ему дело. Он лишь надеялся, что она закроет глаза и тем самым избавит его от необходимости заглянуть в них в самые последние мгновения.

Глаза чистые, как вода.

Именно такими словами когда-то описывала его ныне покойная сестра эти невинные глаза – глаза своей дочери, глаза малютки Азувы.

Елеазар посмотрел в глаза своей племяннице.

Они по-прежнему были детскими, эти глаза, хотя ими на него смотрел отнюдь не ребенок. Ибо она увидела нечто такое, чего ни один ребенок не должен видеть. А вскоре не увидит вообще ничего.

Прости меня, Азува.

Прошептав напоследок молитву, он шагнул в освещенную факелами гробницу. Подрагивающее пламя отражалось в хмурых глазах семерых солдат, которые уже ждали его внутри. Они в течение долгих дней сражались с римлянами и отлично знали, что сражение закончится для них смертью. Но только не такой. Елеазар кивнул им и человеку в длинных одеждах, стоявшему среди них. Девять взрослых мужчин собрались, чтобы принести в жертву ребенка.

Мужчины склонили перед Елеазаром головы, будто перед ними был святой. На самом же деле они не догадывались, насколько он нечист. Лишь ему и тому, кому он служил, ведомо об этом.

Каждый из присутствующих имел кровавые раны: одни – полученные от римлян, другие – от девочки, которую они держали.

Пурпурные одежды, в которые ей пришлось облачиться, были ей велики, отчего она казалась еще меньше. Грязными ручонками малышка прижимала к себе старую куклу с одним глазом-пуговицей, сшитую из куска кожи цвета иудейской пустыни.

Как давно он подарил ей эту куклу? Ему вспомнилось, какой радостью при виде подарка осветилось крошечное личико, когда он опустился на колени, чтобы вручить его ей. Помнится, он тогда подумал, как много солнечного света способно вместить в себя крошечное тельце: казалось, оно в буквальном смысле светилось изнутри, переполняемое радостью по поводу простенького подарка из лоскутов кожи и ткани.

И вот теперь Елеазар заглянул ей в лицо в поисках того солнечного света.

Увы, на него смотрела тьма.

Девочка зашипела, обнажив зубы.

– Азува! – с мольбой в голосе обратился он к ней.

Глаза, которые когда-то были такими прекрасными, такими безмятежными, смотрели на него с животной ненавистью. Азува с шумом втянула в себя воздух, а затем плюнула ему в лицо кровавой слюной.

Елеазар пошатнулся, пораженный странным ощущением ее слюны на своей коже, железным привкусом крови. Дрожащей рукой он вытер лицо и, опустившись рядом с девочкой на колени, тряпичей осторожно вытер кровь с ее подбородка, после чего отшвырнул грязную ткань.

А затем он услышал *это*.

Как, впрочем, и она.

Оба тотчас повернули головы. Здесь, в подземелье, только они двое слышали крики, что раздавались на верху горы. Лишь они знали, что римляне прорвались за городские стены.

Наверху началась резня.

Человек в длинных одеждах заметил их движение и понял, что оно значит.

– У нас не осталось времени.

Елеазар посмотрел на старика в пыльной коричневой мантии. Шлемм. Он был среди них главный – это он потребовал, чтобы ребенок был крещен посреди творящегося наверху ужаса. Годы превратили его лицо в резную маску. Он стоял, закрыв темные глаза, и губы его шевелились в беззвучной молитве. Лицо его излучало спокойную радость человека, которому неведомы сомнения в своей правоте.

Наконец эти блаженные глаза открылись снова, и Шлемм пристально посмотрел на Елеазара, как будто выискивал его душу. Елеазару тотчас вспомнился другой взгляд другого человека, который много-много лет назад посмотрел на него точно так же.

И стремительно отвернулся, охваченный стыдом.

Солдаты встали вокруг открытого каменного саркофага в центре гробницы. Тот был высечен из цельного куска песчаника и имел довольно внушительные размеры: в нем без труда поместились бы трое взрослых.

И вот теперь в него ляжет всего одна маленькая девочка.

В каждом углу курились миро и ладан. Впрочем, сквозь их сладкую пелену Елеазар ощущал и другие, более тяжелые запахи: горьких солей и резких пряностей, собранных в соответствии с древним текстом ессеев.

Все было готово к тому, что сейчас свершится.

Елеазар в последний раз склонил голову, моля небеса об ином.

Возьми меня, а не ее.

Но ритуал требовал от каждого, чтобы он сыграл свою роль.

Девственница, утратившая целомудрие.

Рыцарь Христов.

Воин человечества.

Старик в долгополой мантии заговорил. Его суровый голос даже не дрогнул.

– Мы должны выполнить волю Господа. Спасти ее душу. И души всех остальных. Возьми ее.

Увы, не все пришли сюда по своей воле.

Азува вырвалась из рук державших ее солдат и, подобно быстроногой лани, бросилась к двери.

Догнать ее мог лишь Елеазар. Он схватил худенькое запястье. Азува начала вырываться, но его хватка была крепкой. Их со всех сторон обступили солдаты. Прижав к груди куклу, девочка рухнула на колени. О боже, какая же она маленькая!

Старик в мантии подал знак ближайшему солдату.

– Это должно свершиться.

Тот сделал шаг вперед и, схватив Азуву за руку, вырвал у нее куклу и отшвырнул в сторону.

– Нет! – выкрикнула она, все еще по-детски тонко и жалобно.

Гнев как будто придал ей сил. Она подскочила и, запрыгнув на солдата, отнявшего у нее куклу, обхватила его за талию ногами. Солдат пошатнулся и упал на каменный пол. В ход пошли ногти и зубы. Она царапала и кусала ему лицо.

Двое других солдат бросились на помощь товарищу. Они оттащили обезумевшую девочку и прижали ее к каменному полу.

– Отведите ее к саркофагу, – приказал их главный.

Увы, солдаты не торопились исполнять его приказание. Они боялись даже пошевелиться. Девочка тем временем продолжала яростно отбиваться. Елеазар понял, что ужас малышки направлен вовсе не на тех, кто ее держал. Взгляд ее был прикован к предмету, который только что был вырван у нее из рук.

Тогда он поднял с пола куклу и поднес ее к окровавленному лицу Азувы. Помнится, это всегда успокаивало ее, когда она была маленькой. Елеазар попытался выбросить из головы воспоминания о том, как она вместе с сестрами заливалась смехом, играя ясным солнечным днем с этой куклой. Игрушка подрагивала в его руке.

Взгляд ее смягчился, теперь в нем читалась мольба. Девочка постепенно прекратила борьбу. Вырвав у солдат одну руку, она протянула ее за куклой.

Стоило пальцам прикоснуться к игрушке, как тело ее обмякло, как будто она приняла свою участь, смирилась с тем, что ей не уйти от неизбежного. Как когда-то в далеком детстве, кукла стала ее единственным утешением, ее верной наперсницей. Она не желала уходить во тьму одна. Поднеся тряпичную фигурку к лицу, Азува прижалась носом к носу куклы, как будто это могло принести ей облегчение.

Елеазар сделал знак солдатам, чтобы те отошли, а сам поднял девочку с пола. Он прижал ее холодное тельце к своей груди, и она в свою очередь, как когда-то в детстве, доверчиво прильнула к нему. Елеазар мысленно молил Господа даровать ему силы сделать то, что от него требует долг.

Камень, зажатый в свободной руке, напомнил ему о его клятве.

Стоявший чуть в стороне от них старик в мантии принялся нараспев читать древние заклинания, призванные связать небеса со своей жертвой. Произнося священный текст, он шепотка за шепоткой подбрасывал в огонь благовония. Тем временем наверху римляне проломили ворота, и защитники крепости лишили себя жизни.

Сейчас здесь тоже прольется кровь; она искупит ту, что пролилась наверху.

Держа в руке камень, Елеазар отнес девочку на несколько шагов, к открытому саркофагу. Тот уже был наполнен почти до краев – в нем, поблескивая, тихо плескалась жидкость. Он должен был выступить в роли *миквы* – ритуальной ванны для тех, кто хочет очиститься.

С той разницей, что вместо освященной воды саркофаг был наполнен вином. Вокруг него на полу стояли пустые глиняные кувшины.

Подойдя к нему почти вплотную, Елеазар заглянул в его глубины. В свете факелов вино казалось кровью. Азува уткнулась лицом ему в грудь. Он сглотнул застрявший в горле комок.

– Давай, – приказал главный.

Елеазар в последний раз прижал к себе детское тельце. Азува всхлипнула. Он посмотрел на темный квадрат двери. Он все еще мог спасти ее тело, но только ценой ее души. И своей тоже. Спасти ее душу могло лишь то, что сейчас произойдет.

Старший по рангу солдат взял у него из рук Азуву и, вознеся над открытым саркофагом, затем начал медленно опускать ее к кроваво-красной поверхности. Глядя глазами, полными ужаса, девочка по-прежнему прижимала к груди куклу.

До поверхности винной купели оставался буквально дюйм. Солдат остановился и посмотрел в глаза Елеазару. Тот протянул было к девочке руку, но затем убрал.

– Благословен будет наш отец небесный, – тем временем произнес старик в мантии.

Наверху, над ними, прекратилось пение. Азува, как будто это услышав, слегка повернула голову. Елеазар представил себе, как песок пропитывается кровью, как та просачивается сюда, в сердце горы. Всё. Довольно тянуть. Сейчас или никогда. Тем, что сейчас свершится, они запечатают эту гробницу.

– Елеазар, – произнес старик-жрец, – пора.

Елеазар протянул вперед руку, в которой был зажат бесценный камень. Его священная тайна – вот то единственное, что было способно подвигнуть Елеазара на исполнение своего долга. Он даже не чувствовал его веса. Если что-то и напоминало о себе болью в груди, так это сердце.

– Это должно свершиться, – произнес старик в мантии, правда, негромко.

Елеазар промолчал. Так было легче. Он шагнул к девочке.

Главный солдат опустил ее в вино. Худенькое тельце какое-то время извивалось в темной жидкости, тонкие пальчики хватались за края саркофага. Красная жидкость перетекла через край и пролилась на пол. Ощущая на себе взгляд ее глаз, полный мольбы и немного укора, Елеазар опустил ей на грудь камень и нажал. Тяжесть камня и сила его руки утопили детское тельце еще глубже.

Азува больше не сопротивлялась, лишь прижимала к груди куклу. А затем и вообще притихла и лежала недвижимо, как будто жизнь уже покинула ее. Но ее немые губы шевелились, произнося слова, которые исчезали вместе с ее лицом, что погружалось все глубже и глубже.

Каковы они были, ее последние слова?

Елеазар знал, что этот вопрос будет преследовать его до конца его дней.

– Прости меня, – выдавил он. – И прости ее.

Рукава его туники пропитались вином, отчего зацепало кожу его рук. Но он продолжал удерживать недвижимое тельце, пока не отзвучали слова молитвы.

Эти минуты показались ему вечностью.

Наконец он убрал руки и выпрямился. Азува осталась лежать на дне саркофага, придавленная тяжестью священного камня. Теперь она навсегда его проклятая хранилище. Елеазар молился, чтобы содеянное им очистило ее душу, даровав прощение за то зло, что в ней поселилось.

Моя маленькая Азува.

Он без сил рухнул рядом с саркофагом.

– Запечатайте его, – приказал старик.

Каменная плита, которую заранее сняли при помощи веревок, снова легла на место. Солдаты намазали края крышки смесью извести и золы, навсегда скрепив ее с саркофагом.

Елеазар прижал ладони к стенке вечной темницы Азувы, как будто надеялся, что тем самым принесет ей утешение. Впрочем, оно ей больше не нужно.

Он прижался лбом к холодному, бездушному камню. Разве был у него выбор? То, что он сделал, послужит высшим целям. Увы, понимание этого не облегчило боль. Ни его, ни ее.

– Пойдем, – окликнул его старик в мантии. – Мы исполнили свой долг.

Елеазар сделал надрывный вдох, набирая полную грудь затхлого воздуха. Солдаты кашлянули и, шаркая ногами по каменному полу, потянулись к выходу. Он же остался стоять рядом с ней посреди сырой пещеры.

– Здесь нельзя оставаться! – крикнул от двери старик. – Ты должен пройти иной тропой.

Елеазар, почти ничего не видя перед собой, ибо глаза ему застилали слезы, спотыкаясь, побрел на звук его голоса.

Как только они уйдут отсюда, вход в пещеру будет замурован. Ни одна живая душа не догадается, где он был. Любой, кто попробует в нее войти, обречен.

Елеазар поймал на себе взгляд старика.

– Ты сожалешь о своем обете? – спросил тот. В голосе его прозвучало сочувствие, но слышались в нем и стальные нотки.

Именно эта твердость и снискала ему его имя. «Петр», иначе «камень», так назвал его сам Христос, сделав апостолом, опорой и фундаментом новой церкви.

– Нет, не сожалею, – ответил Елеазар, встретив его твердокаменный взгляд.

Призывает на землю, и она трясется;

Прикасается к горам, и дымятся.

Псал. 103:32

26 октября, 10 часов 33 минуты по местному времени Кесария, Израиль

Доктор Эрин Грейнджер легонько провела по древнему черепу своей самой мягкой щеточкой, а когда пыль осела, зорким глазом ученого вгляделась в него, подмечая тонкие соединения костей, открытый родничок. Затем ее глаза оценили степень мозолистости. Похоже, что череп принадлежал новорожденному младенцу, и, судя по расположению тазовых костей, – мальчику.

Он умер, прожив всего несколько дней.

Пытаясь извлечь ребенка из грязи и камня, она смотрела на него взглядом женщины, представляя себе новорожденного малыша: вот он лежит на боку, поджав колени и сжав крошечные пальчики в кулачки. Интересно, родители считали его пульс? Целовали нежную кожу? Наблюдали, как постепенно угасает, едва родившись, его крохотное сердечко?

Как когда-то она сама, когда умирала ее младшая сестричка?

Доктор Эрин Грейнджер закрыла глаза. Щетка замерла в воздухе.

Немедленно прекрати.

Она вновь открыла глаза, убрала за ухо прядь светлых волос, которая каким-то образом сумела выбиться из конского хвостика, и вновь сосредоточилась на костях. Она непременно выяснит, что здесь произошло много веков тому назад. Потому что, как и в случае с ее сестрой, этот ребенок умер не просто так. Его смерть была намеренной. С той разницей, что причиной смерти этого малыша был не плохой уход, а насилие.

Доктор Эрин Грейнджер продолжила свою работу. Теперь ее внимание было сосредоточено на крошечных конечностях. Кто-то, перед тем как похоронить мертвое тельце, попытался придать ему первоначальную форму. Увы, никакие усилия не смогли бы восстановить сломанные и отсутствующие кости, верный признак насильственной смерти. Даже две тысячи лет были бессильны скрыть преступление.

Доктор Эрин Грейнджер отложила щетку и сделала еще один фотоснимок. Время окрасило кости в тот же цвет выгоревшей сепии, что и землю, в которой они покоились, однако тщательно проведенные раскопки обнажили их форму. И все-таки понадобится еще не один час, чтобы окончательно извлечь остальные кости.

Чувствуя, как затекло одно колено, Эрин перенесла вес на другое. В тридцать два года ее никак нельзя было назвать старой, но именно такой она ощущала себя в эти минуты. Она провела в раскопе всего час, а колени уже дали о себе знать. Будучи ребенком, Эрин могла проводить так гораздо больше времени, стоя на коленях в молитве на твердом земляном полу местной церкви. Тогда она, если того требовал ее отец, могла провести в такой позе полдня – и даже не пожаловаться. С другой стороны, она долгие годы пыталась забыть свое прошлое, и вот теперь, возможно, память подводила ее.

Поморщившись от боли, Эрин встала и потянулась. Теперь края раскопа доходили ей лишь до талии. Ее разгоряченное лицо тотчас охладил приятный ветерок, разгоняя тягостные воспоминания. Слева от нее на ветру хлопали полы палаток, а по всему лагерю летали облака песка.

Летающая взвесь песка и пыли сначала ослепила ее, и ей пришлось поморгать, чтобы она не мешала смотреть. От песка здесь не было никакого спасения. Каждый день к вечеру ее светлые волосы приобретали серовато-красный оттенок пустыни. Песок набивался в носки, скрипел, как наждак, в кроссовках, мелкие песчинки забивались под ногти, даже во рту ощущался привкус песка.

И все же стоило ей посмотреть за желтую пластиковую ленту, которой был огорожен раскоп, как ее лицо освещала улыбка. Подумать только, ее обутые в кроссовки ноги сту-

пают по древней земле, которая дышит историей. Сам раскоп располагался посреди древнего ипподрома, на котором когда-то проходили гонки колесниц. Сам ипподром раскинулся на берегу моря, этой колыбели цивилизации. Морская гладь сверкала ослепительной лазурью, солнечные лучи придавали ей причудливый металлический блеск. За спиной Эрин протянулись ряды каменных трибун. Их истертые за два тысячелетия ярусы высились своеобразным памятником давно умершему царю, планировщику и строителю города Кесарии, печально знаменитому Ироду. Тому самому, что запятнал себя в веках избиением младенцев.

Где-то неподалеку раздалось лошадиное ржание. Нет, оно донеслось не из прошлого, а из временной конюшни, наскоро построенной на дальнем конце ипподрома. Местные любители скачек готовились к международным соревнованиям. Скоро ипподром вновь оживет, пусть даже всего на несколько дней.

Эрин с нетерпением ждала этого момента.

Правда, до этого ей и ее студентам предстоит сделать ох как много работы!

Упершись ладонями в бедра, Эрин посмотрела на череп убитого мальчика. Может, чуть ближе к вечеру она обернет крошечный скелетик в пластик и начнет трудоемкий процесс извлечения его из земли. Ей не терпелось перенести его в лабораторию, где находку можно изучить под микроскопом. Эти косточки наверняка расскажут ей больше, чем все находки, какие только ей еще предстоит сделать.

Она вновь опустила на колени рядом с детским скелетом. Почему-то ей не давала покоя бедренная кость – по всей ее длине имелись странные вмятины, похожие на отпечатки морских гребешков. Она склонилась ниже, и по спине ее тотчас пробежали мурашки.

Неужели это следы зубов?

– Профессор! – вывел ее из задумчивости гнусавый техасский говорок Нейта Хайсмита.

Эрин Грейнджер вздрогнула от неожиданности, больно ударившись при этом локтем о деревянную опалубку, которая подпирала стены раскопа, спасая его от вторжения песка.

– Простите, – ее студент втянул голову в плечи.

Утром она строго-настрого наказала, чтобы ее никто не беспокоил, и вот нате вам – один уже здесь, как будто ее не слышал... Чтобы не накричать на него, Эрин подняла со дна раскопа свою выдавшую виды фляжку и сделала глоток тепловатой воды с противным, металлическим вкусом.

– Ничего страшного, – довольно неприветливо сказала она и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на него.

Нейт стоял на самом краю раскопа, темный силуэт на фоне палящего солнца. На его голове низко нахлобучена соломенная шляпа. Старые джинсы, выцветшая рубашка в клетку с закатанными рукавами, обнажавшими крепкие молодые мускулы. Эрин подозревала, что он специально закатал их повыше, чтобы произвести на нее впечатление. Разумеется, это не сработало, так что он зря старался. За годы, посвященные раскопкам, Эрин успела убедиться, что ее интересуют исключительно мертвые мужчины, особенно пролежавшие в земле не одно столетие.

Она взглядом указала ему на ничем не примечательный участок песка и камней. Там, брошенный всеми, находился электронный зонд, напоминающий собой скорее газонокосилку, нежели высокотехнологичный прибор, способный заглянуть глубоко под слой камня и песка.

– Почему вы не занимаетесь тем, что вам поручено? Не зондируете тот сектор?

– Не правда, я его прозондировал. – Техасский говорок Нейта сделался еще заметнее. Так бывало всегда, когда он волновался. И еще Хайсмит для пущей убедительности сделал большие глаза.

Он явно что-то нашел.

– Так в чем дело?

– Если я вам скажу, вы мне не поверите. – Юноша покачался на пятках, готовый в любую секунду броситься бегом, чтобы продемонстрировать ей находку.

Эрин Грейнджер улыбнулась. Нейт прав. Она никогда ничему не верит, пока не увидит собственными глазами. Эту простую истину она, словно мантру, вбивала в головы своим студентам. *Пока вы не выкопаете находку из земли и не поддержите в руках, считайте, что вы ее еще не нашли.*

Чтобы защитить свои труды, а также из уважения к детским косточкам, она осторожно накрыла скелет брезентом. После чего Нейт протянул ей руку и помог выбраться из глубокой траншеи. Как ей показалось, его рука сжала ее запястье на миг дольше положенного.

Тем не менее она постаралась не показать вида, что недовольна. Нейт отпустил ее руку, и она отряхнула с джинсов пыль. Хайсмит, в свою очередь, отступил назад и отвернулся, как будто понял, что переступил невидимую грань. Эрин не стала ему выговаривать. Какой от этого толк? Нельзя сказать, что знаки внимания со стороны мужчин оставляли ее равнодушной, но она никогда не давала для них повода, и уж тем более на раскопках. Здесь она ходила под слоем грязи, как некоторые женщины ходят под слоем косметики, и всячески избегала любых романтических приключений. Хотя Эрин была среднего роста, ей частенько говорили, что есть в ее осанке нечто царственное, как будто она на фут выше ростом. Что неудивительно, учитывая ее профессию и возраст.

Дома, в Америке, у нее было немало романов, но ни один из них не вылился в серьезные отношения. В конечном итоге мужчины находили ее чересчур ученой, что отпугивало многих из них, но зато каким-то уму непостижимым образом привлекало других.

Таких, как Нейт.

И все же Эрин не могла не признать, что Нейт отличный товарищ по раскопкам, с потенциалом хорошего геодезиста. Он наверняка перерастет свой интерес к ней. Так что со временем все разрешится само собой.

– Давайте, показывайте, – она зашагала в направлении палатки с оборудованием. Даже если это какая-то ерунда, все равно приятно хоть ненадолго скрыться от палящего солнца.

– Эмми уже внесла информацию в компьютер, – доложил Нейт, шагая через лагерь. – Это находка века, профессор. Тут, похоже, под землей целые горы костей!

Заставив себя сделать скептическое лицо, Эрин ускорила шаг, чтобы не отстать от длинноногого Нейта. Его порывистость не могла не восхищать. Но археология, как и сама жизнь, редко преподносит находки века всего за одно утро работы. А чаще – даже за десятилетия.

Она нырнула в палатку и придержала края, впуская вслед за собой Нейта. Шагнув внутрь, тот снял шляпу. Внутри палатки было сумрачно и на несколько градусов прохладнее, чем снаружи.

Гудел портативный аккумулятор, питая ноутбук и допотопный вентилятор. Последний гнал волны воздуха прямо на Эмми, двадцатитрехлетнюю выпускницу Колумбийского университета. Эта молодая брюнетка больше времени проводила в палатке, чем под солнцем. На ее рабочем столе, вся в капельках влаги, стояла банка диетической кока-колы. Эмми слегка полноватая, рыхлая и нетренированная. У нее за плечами еще не было десятка полевых сезонов, которые закалили бы ее, приучили бы сносить лишения сурового археологического быта. Зато у нее был дар работы с техникой. Не переставая летать одной рукой по клавиатуре компьютера, второй она подозвала к себе Эрин.

– Профессор Грейнджер, вы не поверите!

– Я это уже слышала.

В палатке находился и третий ее студент. Судя по всему, все они, как один, махнув рукой на работу, пришли поглазеть, что там нашел Нейт. Хайнрих застыл, склонившись над плечом Эмми. Это был серьезный двадцатичетырехлетний парень из Берлинского универ-

ситета. Обычно отвлечь его от работы было трудно. И то, что он оставил свой участок, означало одно: это действительно что-то важное.

Темные глаза Эмми были прикованы к экрану компьютера.

– Я все пытаюсь увеличить изображение, но мне казалось, что вам захочется посмотреть и так.

Отстегнув с пояса лоскут ткани, Эрин вытерла со лба пот и грязь.

– Эмми, прежде чем я не забыла. Тот детский скелет, который я откопала. У него на бедренной кости какие-то странные вмятины. Я бы хотела, чтобы ты их сфотографировала.

Эмми кивнула, однако Эрин могла поклясться, что та не слышала ее.

Нейт продолжал крутить в руках свою шляпу.

Что же такое они нашли?

Эрин подошла и встала рядом с Хайнрихом. Эмми откинулась на спинку своего складного стула, давая Эрин возможность лучше разглядеть изображение на экране.

Там виднелись изображения участка, которые Нейт прозондировал сегодня утром. На каждой такой картинке был изображен тот или иной слой восьмого сектора, в зависимости от глубины залегания. Картинки напоминали серые квадратные лужи, прочерченные черными линиями, которые образовывали параболы – словно рябь на поверхности воды. Черные линии обозначали твердые материалы.

Сердце Эрин едва не выскочило из груди. Она наклонилась ниже, отказываясь верить собственным глазам.

У этой грязной лужи было слишком много волн. За десять лет полевых работ такое она видела впервые. Нет, такого не видел никто.

Этого быть не может!

Она проследила пальцем кривую на гладком экране. Эмми тотчас надула губы. Она не любила, когда кто-то водит по экрану грязным пальцем, оставляя следы на чистой поверхности. Но Эрин нужно было доказать, в первую очередь себе самой, что это не наваждение, не обман зрения.

Наконец она справилась с первым шоком и обрела голос.

– Нейт, какую площадь ты прозондировал?

– Десять квадратных метров, – без запинки отчеканил тот.

Эрин посмотрела на него. Лицо Нейта было серьезным.

– Всего десять метров? Ты уверен?

– Но ведь вы сами учили меня пользоваться георадаром! – Он слегка наклонил голову. – Помните?

Эрин рассмеялась.

– И ты добавил данные к этим результатам?

– Да, профессор.

Эрин поняла, что своими расспросами задела самолюбие юноши, поставив под сомнение его профессионализм. Но ей нужно было убедиться, что здесь нет ошибки. Она доверяла технике, но не всегда – людям, которые этой техникой пользовались.

– Я сделал все как надо. – Нейт подался вперед. – И предвещаю ваш вопрос. Да, здесь все совпадает с найденным вами скелетом.

Неужели? Выходит, что слою, в котором он найден, две тысячи лет? Эрин вновь посмотрела на экран. Если данные верны, а ей наверняка нужно будет проверить их самой, но если они верны, то каждая такая парабола означала человеческий череп.

– Я примерно подсчитал, – прервал ее мысли Нейт. – Их тут около пятисот. И все, как один, в диаметре не больше четырех дюймов.

Четырех дюймов.

Не просто черепа – черепа младенцев.

Нескольких сотен младенцев.

Эрин про себя процитировала строчки из Библии. Евангелие от Матфея, глава вторая, стих шестнадцатый.

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал у волхвов.

Избиение младенцев. Согласно преданию, Ирод отдал такой приказ с тем, чтобы быть до конца уверенным в том, что он убил младенца, который в один прекрасный день сменит его на престоле и станет царем иудейским. Но этот младенец бежал в Египет и позднее стал человеком, известным под именем Иисуса Христа.

Неужели она и ее студенты только что обнаружили доказательство того, что история про Ирода верна?

26 октября, 13 часов 03 минуты по местному времени Масада, Израиль

Пот щипал Томми глаза. Да, брови ему сейчас не помешали бы.

«Спасибо» химиотерапии.

Он привалился спиной к очередному желто-коричневому валуну. Все камни на этой крутой тропе были одинаково огромные, и все, как один, раскалены. Чтобы сидеть на них, Томми засунул под ноги ветровку, создавая дополнительный защитный слой между собой и обжигающим камнем. Как обычно, он задерживал группу. И как обычно, был не в силах двигаться дальше, не сделав остановку для отдыха.

Томми пытался отдышаться. Обжигающий воздух был разреженным и на вкус сухим, как бумага. Интересно, сколько в нем кислорода? Правда, другие члены их группы, похоже, не жаловались. Они едва ли не бегом взбежали наверх, словно им было по четырнадцать лет. Он же ощущал себя древним стариком. Они ушли далеко, он даже не слышал их голоса.

Каменистая тропа – ее еще называли Змеиной – извивалась вдоль отвесных склонов знаменитой горы Масада. До вершины оставалась лишь сотня ярдов, и он сможет укрыться от солнца среди руин древней еврейской крепости. С того места, где сидел Томми, ему открывался вид на запекающуюся, порывавшуюся от зноя долину реки Иордан.

Томми вновь вытер со лба пот. Будучи родом из округа Ориндж¹, он был уверен, что жара для него – дело привычное. Нет, здесь он как будто оказался в раскаленной печи.

Он понурил голову, чувствуя, что его вновь потянуло в сон. Хотелось вновь оказаться в гостиничном номере с гудящим кондиционером, растянуться на прохладных простынях и, закрыв глаза, подремать. После чего, отдохнув и взбодрившись, поиграть в видеоигры.

Томми усилием воли стряхнул с себя сон. Сейчас не место и не время для отдыха. Но он так устал, а пустыня была такой притихшей от зноя... В отличие от людей, животным и насекомым хватало ума проводить дневную жару в дремоте. Со всех сторон Томми укутывала всеобъемлющая тишина. Интересно, после смерти будет примерно так же?

– С тобой все в порядке, дорогой? – раздался рядом с ним голос матери.

Томми вздрогнул. Как это он не услышал ее шагов? Неужели все-таки уснул?

– Да, – с трудом выдохнул он.

Мать прикусила губу. Они все знали, что с ним не все в порядке. Томми рывком натянул на левое запястье рукав, пряча уродливое коричневое пятно.

– Мы можем подождать. Отдыхай, сколько тебе надо, – сказала мать, садясь с ним рядом. – Интересно, почему эту тропу называют Змеиной? Лично я не видела на ней ни одной змеи.

Она обращалась к подбородку сына. В последнее время родители избегали смотреть ему в глаза. Потому что когда они это делали, то начинали плакать. Так было последние два года, когда Томми то попадал на операцию, то проходил курс химиотерапии, то – облучения. И вот сейчас у него временный отдых от всего этого.

Может, они посмотрят ему в лицо, лишь когда он будет лежать в гробу?

– Для змей здесь слишком жарко, – произнес Томми, ненавидя себя за то, что вынужден буквально выдавливать каждое слово.

– Тогда бы это были змеиные бифштексы, – пошутила мать, делая долгий глоток воды из своей бутылки. – Поджаренные на солнцепеке и готовые к употреблению в пищу. Как и мы.

¹ Ориндж – один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии между побережьем Тихого океана и Национальным Кливлендским лесным заповедником.

В следующую минуту к ним присоединился отец.

– Ну как, все в порядке?

– Я решила, что мне тоже пора отдохнуть, – солгала мать и, намочив платок, протянула его Томми. – Я тоже устала.

Томми хотел было ее поправить, сказать отцу правду, но не нашел в себе сил. Вместо этого он влажным платком протер лицо.

Отец начал что-то говорить, как с ним было всегда, когда он нервничал.

– Мы уже почти дошли. Еще несколько ярдов, и мы увидим крепость. Настоящую крепость Масады. Ты только представь себе!

Томми послушно закрыл глаза и представил себе бассейн. Голубой, прохладный, слегка папахивающий хлоркой.

– Десять тысяч римских солдат разбили лагерь вокруг этой горы. Десять тысяч солдат, с мечами и щитами, ждут под солнцем. Они перекрыли все пути к бегству и пытаются взять измором девятьсот мужчин, женщин и детей, которые спрятались на вершине плоской горы, – отец заговорил быстрее, взволнованнее. – Но мятежники готовы стоять до конца. И даже после смерти. Они никогда не сдадутся.

Томми пониже надвинул кепку на своей лысой голове и, прищурившись, посмотрел на отца.

– В конце концов они сдались, папа.

– Неправда, – возразил отец с удвоенной страстью. – Евреи решили умереть свободными, не пожелав сдаться на милость победителю. Они убили себя не от бессилия. Они сами выбрали свою судьбу. Такого рода выбор многое говорит о людях, о силе их духа.

Томми поднял плоский камешек и бросил им вдоль тропы. Тот, подпрыгнув, свалился вниз. Что бы сделал отец, будь у его сына возможность выбрать свою судьбу? Предпочел бы он сам уйти из жизни, вместо того чтобы стать жертвой рака? Вряд ли бы отец стал говорить об этом с такой гордостью.

Томми улыбнулся отцу. Люди часто говорили, что они с ним очень похожи: те же самые темные волосы, одинаковая улыбка. После того как химиотерапия отняла у него волосы, никто больше не заикнулся, что он-де копия отца. Интересно, подумал Томми, буду ли я когда-нибудь снова на него похож?

– Ну как, готов идти дальше? – спросил отец, поправляя на плечах рюкзак.

Мать сердито посмотрела на него.

– Мы еще можем подождать.

– Я же не сказал «вставай и иди», – обиделся отец. – Я лишь спросил.

– Готов, – сказал Томми. Ему было неприятно, что родители ссорятся.

Глядя на свои коричневые ботинки, он заставил себя сдвинуться с места. Один ботинок вперед, затем другой. Если переставлять ноги, он доберется до вершины, и родители будут рады, что он вместе с ними преодолел путь к древней крепости. Собственно, ради этого Томми и согласился на эту поездку, на это долгое восхождение – чтобы им было что вспомнить. Даже если они и отказывались это признать, вскоре воспоминания иссякнут. Так пусть останется побольше приятных.

Он начал считать шаги. Так легче преодолевать трудности. Вы идете и считаете. Потому что стоит сказать «раз», как потом следует «два», потом «три» и так далее. К тому моменту, как тропа привела его к плоской вершине, Томми досчитал до двадцати восьми.

Он дошел! Конечно, легкие горели огнем, но он преодолел себя и дошел!

На вершине стоял деревянный павильон. Впрочем, нет. «Павильон» – это громко сказано. Скорее, это были четыре тонких бревнышка, на которые для защиты от солнца криво положили еще несколько тонких бревнышек, отбрасывающих «ажурную» тень. И все же это лучше, чем стоять под палящим солнцем.

Внизу, под отвесным склоном горы, простиралась пустыня, прекрасная в своем иссушенном солнцем однообразии. Покуда хватало глаз, раскинулись рыжеватые песчаные волны, то там, то здесь накатываясь на камни. Тысячелетия выветривания выклевывали у этих камней зернышко по зернышку, придавая им причудливые формы. И ни души: ни людей, ни животных. Интересно, до того, как под стены крепости пришли римляне, взору ее защитников представал тот же самый вид?

Неужели лишь эта убийственная пустыня?

Томми поднял глаза на плато, туда, где две тысячи лет назад разыгралась кровавая драма. Вершина горы представляла собой плоское пространство длиной примерно пять футбольных полей и три в ширину, на котором высилось с полдюжины каменных руин.

И ради этого я приполз сюда?

Похоже, мать была тоже разочарована. Лицо пунцовое, не то от солнца, не то от напряжения, темные кудрявые волосы прилипли ко лбу.

– Похоже скорее на тюрьму, чем на крепость, – сказала она, смахивая от лица непослушные пряди.

– Так это и есть тюрьма, – возразил отец. – Тюрьма, где привели в исполнение смертный приговор. Живым отсюда никто не вышел.

– Никто вообще не выходит живым, – бросил ему Томми и тотчас же пожалел о своих словах, заметив, как мать отвернулась и засунула палец под солнечные очки – не иначе как смахнуть слезу. И все же он был по-своему рад, что ей по-настоящему больно. Это куда лучше, чем все время лгать.

В следующий момент к ним подскочила гид и своим появлением спасла ситуацию. Длинноногая, в шортах цвета хаки, с длинными черными волосами, которые по-прежнему лежали волосок к волоску, несмотря на долгое восхождение.

– Как хорошо, что вы, наконец, добрались! – воскликнула она с милым еврейским акцентом.

Томми улыбнулся ей, благодарный за то, что она отвлекла его от тяжелых мыслей.

– Спасибо.

– Как я уже сказала всем минуту назад, название Масада происходит от слова «мецуда», что значит крепость, и вы сами видите почему, – с этими словами гид загорелой рукой обвела плато. – Собственно говоря, здесь было два ряда стен – одна внутри другой, – между которыми располагались жилые кварталы обитателей Масады. Перед нами Западный дворец, самое большое здание цитадели.

Томми оторвал глаза от ее губ и посмотрел, куда она указывала. Массивное здание меньше всего походило на дворец. Скорее, на его руины. В старых каменных стенах зияли огромные провалы, а те, что оставались, были все в строительных лесах. Создавалось впечатление, будто кто-то готовился здесь к съемкам очередной серии фильма про приключения Индианы Джонса.

За этими строительными лесами наверняка скрывались тайны древности. Увы, Томми ее не чувствовал, при всем своем огромном желании. Его отец любил историю, и, по идее, ее полагалось любить и ему, но с тех пор, как у него диагностировали рак, он оказался как бы вне времени, вне истории. В его голове просто не оставалось места для трагедий других людей, тем более тех, что мертвы вот уже две тысячи лет.

– Сооружение рядом с дворцом, по всей видимости, было частной баней, – продолжала щебетать гид, указывая на здание слева. – Внутри него были найдены три скелета с отрубленными головами.

Томми наострил уши. Наконец-то что-то интересное!

– С отрубленными головами? – недоверчиво переспросил он, подходя ближе. – То есть они покончили жизнь самоубийством, отрубая самим себе головы?

Губы гида скривились в усмешке.

– Собственно говоря, защитники крепости тянули жребий, кому выпадет очередь убить других. Самоубийство совершил лишь последний из них.

Томми покосился на руины. Поняв, что обречены, они убили своих детей. Почему-то он испытал нечто вроде зависти. Не лучше ли принять быструю смерть от рук того, кого ты любишь, чем медленно погибать от рака? В следующий миг он устыдился этой мысли и посмотрел на родителей. Мать улыбнулась ему, обмахиваясь путеводителем; отец сделал его снимок.

Нет, у него язык не повернулся бы просить их о чем-то подобном.

Вздыхнув, Томми вновь переключил внимание на бани.

– Те скелеты, они по-прежнему там? – Он сделал шаг вперед, чтобы заглянуть сквозь металлические ворота.

Гид поспешила грудью загородить ему путь.

– Извините, молодой человек, но внутрь нельзя.

Томми пытался заставить себя отвести глаза от ее пышного бюста, но не смог. Впрочем, прежде, чем он сделал хотя бы шаг, заговорила мать:

– Как ты себя чувствуешь, Томми?

Неужели она заметила, как он смотрел на гида?

– Нормально, мама, – ответил Томми и покраснел.

– Хочешь пить? У меня есть немного воды, – с этими словами она протянула ему пластиковую бутылку.

– Нет, спасибо, мам.

– Давай я намажу тебе кремом лицо, чтобы оно не сгорело, – мать потянулась к сумочке.

В другой ситуации Томми молча снес бы такое унижение, но гидесса улыбнулась ему красивой, ослепительной улыбкой, и внезапно ему стало неприятно, что с ним обращаются как с малым ребенком.

– Все в порядке, мам, – бросил он матери гораздо резче, чем предполагал.

Мать обиженно втянула голову в плечи. Гид отошла в сторону.

– Извини, – сказал Томми. – Я не нарочно.

– Ничего страшного, – ответила мать. – Я пойду вперед вместе с отцом. Можешь не торопиться.

И она ушла прочь. Он остался стоять, чувствуя себя последним мерзавцем.

Злясь на себя, он подошел к развалинам бань и прильнул к металлическим воротам, желая разглядеть, что там внутри. Под его весом ворота со скрипом распахнулись, и Томми едва не упал внутрь. Он тотчас отпрянул назад, однако краем глаза успел заметить в одном углу нечто странное.

Нечто светлое, трепещущее, словно смятый лист бумаги.

Любопытство взяло верх. Томми огляделся по сторонам. На него никто не смотрел. К тому же чем ему грозит вторжение за ворота? Что произойдет в худшем случае? То, что хорошенькая гидесса за шкурку вытащит его оттуда? Что ж, он не против.

Томми сунул голову внутрь, глядя за подрагивающее нечто.

Небольшой белый голубь, хромая, заковылял по мозаичному полу, таща за собой левое крыло. Казалось, кончики перьев оставляют после себя в пыли какие-то загадочные письмена.

Бедняжка.

Голубя следовало вызволить. Иначе он умрет от обезвоживания или его кто-нибудь съест. Гиду наверняка известен какой-нибудь приют для птиц, куда его можно отнести. Дома, в Калифорнии, мать Томми помогала точно в таком приюте – до того, как у него обнаружился рак и для всей их семьи кончилась прежняя жизнь.

Томми проскользнул в ворота. Внутри помещение оказалось меньше, чем отцовский сарай с инструментами. Четыре гладких каменных стены. Выцветший от времени мозаичный пол, сложенный из малюсеньких плиток. Мозаика изображала восемь пыльных красных сердец, расположенных кругом, словно лепестки цветка, а ряды синих и белых плиток, скорее всего, символизировали волны. По периметру пол опоясывал бордюр цвета терракоты с белыми треугольниками, похожими на зубы. Томми попытался представить, как мастера прошлого, словно разрезную картинку, выкладывают эту мозаику, но почему-то вновь ощутил лишь усталость.

Он перешагнул порог, радуясь тому, что наконец оказался в тени, где его не достанут лучи жгучего солнца. Интересно, сколько людей встретили здесь свой смертный час? При мысли об этом по его спине пробежал холодок, и Томми поежился, представив людей, стоящих на коленях – ведь иначе не могло быть, – над которыми высился человек в грязной полотняной тунике. В его руках занесенный над головой меч. Он начал с самого юного, и, когда все было закончено, у него уже не осталось сил поднять руку. Но он превозмог себя. Затем тоже опустился на колени и ждал, когда меч его друга дарует ему быструю смерть. После этого все кончилось. По крошечным плиткам бежали ручейки крови, скапливались в тонких пазах, собирались в лужицы на мозаичном полу.

Томми покачал головой, стряхивая наваждение, и огляделся по сторонам.

Никаких скелетов.

Наверняка их уже забрали в музей или же захоронили.

Птица подняла голову и замерла посреди пола, глядя на Томми сначала одним глазом, затем другим, как будто примеривалась. Глаза у нее были ярко-зеленые, словно малахит. Томми никогда раньше не видел птиц с зелеными глазами.

Он опустился на колени и едва слышно прошептал:

– Подойди ко мне, малышка. Не бойся, я тебе ничего не сделаю.

Птица вновь посмотрела на него, затем сделала шаг навстречу.

Осмелев, Томми протянул руку и, осторожно взяв в ладони раненую птицу, выпрямился.

В следующее мгновение земля под ним содрогнулась. Или это от долгого восхождения у него закружилась голова? Томми попытался сохранить равновесие. Но нет, между его подошвами возникла тонкая черная линия, пробежав через мозаичный пол, словно живое существо.

Змея, была его первая мысль.

Сердце тотчас наполнилось страхом.

Однако черная линия стала толще, и Томми понял, что это нечто более страшное. Не змея, а трещина. На одном ее конце наружу вырвался оранжевый дым, как будто кто-то уронил сигарету.

Неожиданно птица вырвалась из его рук, расправила крылья и улетела сквозь дым, словно в открытое окно. По всей видимости, ее ранение было легким. Взбитый птичьими крыльями дым застилал путь Томми. Как ни странно, у дыма оказался довольно приятный запах, чуть терпкий, с легкой ноткой благовоний.

Томми наморщил лоб и, подавшись вперед, подержал над дымом ладонь. Дым просачивался сквозь его пальцы, как ни странно, прохладный на ощупь, как будто поднимался из какого-то холодного места в глубине скалы.

Томми прищурился, чтобы лучше его рассмотреть. Но в следующую секунду мозаика под его ногами треснула, словно стекло. Он испуганно отскочил в сторону. Успел вовремя, потому что плитки стали соскальзывать в трещину. Вниз полетели синие, оранжевые, красные осколки. Трещина пожирала разноцветный рисунок, с каждым мгновением становясь все шире и шире.

Томми попятился к выходу. Из трещины, вместе с мелкими осколками мозаики, вырвались клубы красно-оранжевого дыма. Затем где-то в самом сердце горы как будто раздался стон, и стены содрогнулись.

Землетрясение.

Томми выскочил на улицу и больно упал на пятую точку. Находившееся перед ним здание вздрогнуло, как будто напоследок получив шлепок от рассерженного бога, и с грохотом провалилось в тартарары.

Трещина тем временем стала еще шире, ее край был в считанных футах от Томми. Он отпрянул назад. Казалось, будто трещина гонится за ним. Тогда юноша поднялся на ноги и побежал, но гора содрогнулась вновь, и он снова рухнул на землю.

Боже, помоги мне!

Где-то рядом он услышал голос матери и пополз сквозь дым на ее крик.

– Я здесь! Сюда! – крикнул он и закашлялся.

Тогда к нему бросился отец и рывком поставил его на ноги. Мать подхватила под локти. Вместе они потащили его к Змеиной тропе, как можно дальше от места разрушения.

Томми оглянулся. Трещина зияла еще шире, рассекая вершину горы. Вниз с грохотом падали обломки скалы и скатывались в пустыню. К голубому небу устремился столб черного дыма, как будто унося с собой к солнцу все ужасы, которые когда-то таились среди этих камней.

Томми вместе с родителями осторожно подошел к краю обрыва.

Землетрясение закончилось столь же внезапно, как и началось.

Его родители застыли на месте, боясь пошевелиться, как будто опасаясь, что любое движение способно вновь спровоцировать толчки. Отец обнял за плечи жену и сына. С вершины донеслись крики раненых.

– Томми. – В голосе матери звучал ужас. – Ты ранен.

– Ерунда, я всего лишь поцарапал ладони, – ответил Томми.

Отец убрал руки с плеч жены и сына. Сам он потерял шляпу и поцарапал щеку. Его обычный баритон был готов сорваться на визгливый фальцет.

– Как вы думаете, это были террористы?

– Я не слышала никакого взрыва, – ответила мать, поглаживая Томми по голове, как маленького ребенка.

На этот раз он не имел ничего против.

Облако черно-красного дыма несло на них, как будто хотело столкнуть их с обрыва.

Отец, как будто поняв, чем это может для них кончиться, указал на тропу.

– Пойдемте. Вдруг оно ядовитое.

– Я вдохнул немного, – успокоил его Томми, вставая. – Ничего страшного.

Из облака, схватившись рукой за горло, выбежала какая-то женщина. Она бежала вслепую, ее веки распухли и кровоточили. Сделав еще несколько шагов, она упала и больше не пошевелилась.

– Пойдемте! – крикнул отец, толкая Томми впереди себя. – Быстрее!

Все трое бросились вниз по тропе. Увы, убежать от дыма им не удалось. Тот настигал их с каждым мгновением. Еще миг – и облако накрыло их. Мать закашлялась – это был неестественный, влажный, надрывный звук. Томми протянул к ней руки, не зная, что ему делать.

Родители остановились и рухнули на колени.

Все было кончено.

– Томми, – еле слышно прошептал отец. – Беги!

Но Томми опустился на колени рядом с ними.

Если мне все равно умирать, то уж лучше так. Вместе с родителями.

Ему тотчас стало легко и спокойно на душе.

– Все в порядке, пап.

Он пожал сначала руку матери. Затем отцовскую руку. И когда ему казалось, что он уже никогда не расплачется, из глаз его брызнули слезы.

– Я люблю вас обоих.

И тогда родители посмотрели ему в глаза. Несмотря на весь ужас их положения, он действительно их любил.

Томми крепко обнял обоих и не отпустил рук даже тогда, как их тела обмякли, как будто сдались силе тяжести, а не одной только смерти. Когда же у него больше не было сил обнимать их, он опустился на колени рядом с их телами и стал ждать, когда смерть примет в свои объятия и его самого.

Но минуты шли, а он все еще был жив.

Томми вытер о рукав мокрое от слез лицо и, шатаясь, поднялся на ноги. Он старался не смотреть на тела родителей, на их обожженные веки, на окровавленные лица. Как будто если он не посмотрит на них, то окажется, что они вовсе не умерли. Кто знает, вдруг это всего лишь сон?

Он медленно повернулся, лишь бы не смотреть в их сторону. Ветер уже успел разогнать ядовитый дым. Земля вокруг была усеяна телами. Насколько он мог судить, все эти люди были мертвы.

Значит, это не сон.

– Тогда почему же я жив? – удивился Томми. – Ведь это я должен был умереть, а не мать и отец.

Он вновь посмотрел на бездыханные тела родителей. Его горе было столь глубоким, что не оставляло места слезам. Он переживал их смерть гораздо сильнее, чем свою собственную.

Нет, здесь все не так. Это он был больным, это он должен был умереть. Он уже давно готовился к смерти, зная, что ему никуда от нее не деться. Это его родители должны были сохранить память о нем, навечно застывшем в возрасте четырнадцати лет на тысяче фотографий. Скорбь полагалась им, а не ему.

Он с рыданиями рухнул на колени и воздел руки к солнцу, одновременно умоляя и проклиная Бога.

Но, видимо, Бог еще с ним не покончил.

Томми продолжал тянуть руки вверх. Один рукав соскользнул, обнажая худое запястье, бледное и чистое.

Он опустил руки, широко открытыми глазами глядя на белую кожу.

Меланома исчезла.

Джеймс Роллинс Ключ Судного дня Хранилище Судного дня

Маме, с огромной любовью

Замечания исторического характера

Во второй половине одиннадцатого столетия английский король Вильгельм Завоеватель приказал провести подробное обследование своих новых владений. Результатом этих усилий стал огромный том, получивший название «Земельная опись Англии», – одно из самых подробных описаний средневекового уклада жизни. Большинство историков сходятся в том, что сей титанический труд был проделан для того, чтобы определить точные размеры податей с населения Англии, хотя полной уверенности в этом нет. До сих пор это исследование окутано множеством тайн: например, непонятно, почему работы проводились в такой спешке, а также почему некоторые населенные пункты по совершенно необъяснимой причине помечены одним-единственным латинским словом, означающим «опустошенный». Странные обстоятельства, которые сопровождали составление этой переписи, изобилующей множеством мельчайших подробностей, стали причиной того, что современники наградили книгу весьма нелицеприятным прозвищем. Она вошла в историю под названием «Книга Судного дня».

В двенадцатом веке ирландского католического священника по имени Мэл Мэдок, который впоследствии был провозглашен святым Малахией, во время паломничества в Рим посетило видение. Пока он находился в экстатическом трансе, ему открылись сведения обо всех папах, которым предстояло возглавлять Святой престол до скончания мира. Этот пространственный перечень, своего рода каталог ста двенадцати пап, был записан и помещен на хранение в архивы Ватикана, однако вскоре книга исчезла и таинственным образом явилась миру вновь лишь в конце шестнадцатого века. Некоторые историки считают, что возвращенная книга, скорее всего, является подделкой. Так или иначе, на протяжении последующих столетий выяснялось, что описание каждого очередного папы, как это ни странно, является точным – вплоть до нынешнего главы Римско-католической церкви, папы Бенедикта XVI. В пророчестве святого Малахии нынешний папа описан как «De Gloria Olivae», «торжество олив». А символом ордена бенедиктинцев, в честь которого папа взял себе имя, действительно является оливковая ветвь. Однако больше всего тревожит то, что Бенедикт XVI стал сто одиннадцатым папой. А если верить этому пугающе точному пророчеству, со следующим папой придет конец света.

Замечание научного характера

В течение всего трех лет, с 2006 по 2008 год, бесследно исчезла треть всех домашних пчел в Соединенных Штатах (а также значительная часть пчел в Канаде и Европе). Ульи, в которых еще совсем недавно бурлила жизнь, внезапно опустели. Это явление, названное «катастрофическим разрушением колоний общественных насекомых», породило множество страхов и сенсационных статей. Так что же на самом деле произошло с пчелами?

Ответ содержится на страницах этой книги... И что пугает больше всего, он соответствует действительности.

И в годы последних гонений святую Римско-католическую церковь возглавит Петр из Рима, который среди горя и страданий будет кормить свою паству; после чего город на семи холмах будет уничтожен, и ужасный Судия начнет судить людей.

Пророчество святого Малахии. 1139 год

Сила населения многократно превосходит силу Земли производить необходимое для жизни человека.

Томас Мальтус. Опыт о законе народонаселения. 1798 год

Лучшее время для покупок – это когда по улицам течет кровь.

Барон Натан Ротшильд, самый богатый человек девятнадцатого столетия

Пролог

Весна 1086 года. Англия

Первым признаком беды стали вороны.

Крытая повозка, запряженная одной лошадью, катила по ухабистой дороге, петляющей между бесконечными полями ячменя, и вдруг в небо черной тучей взмыла стая воронов. Они устремились в голубое небо, шумными кругами поднимаясь все выше и выше, однако это была не обычная паника спугнутых птиц. Вороны кружили в вышине и резко падали вниз, кувыркаясь в воздухе и судорожно хлопая крыльями. Птицы сталкивались друг с другом в небе и дождем проливались на землю. Маленькие черные комки с силой ударялись о дорогу, ломая крылья и клювы. Искалеченные птицы трепетали, слабо поднимая перебитые крылья.

Но самым пугающим во всем этом была полная тишина.

Ни карканья, ни криков.

Лишь неистовое хлопанье крыльев – после чего мягкий шлепок пернатого тела об утрамбованную землю и камни.

Возница осенил себя крестным знаменем и остановил повозку. Его глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, не отрывались от неба. Лошадка, встряхивая головой, тяжело дышала, выпуская в прохладный утренний воздух облачка пара.

– Едем дальше, – сказал путник, сидящий в повозке.

Мартин Борр, младший из королевских коронеров, был направлен сюда тайным эдиктом самого короля Вильгельма.

Кутаясь в теплый шерстяной плащ, Мартин думал о грамоте, скрепленной воском с оттиском большой королевской печати. Казна была обременена тяготами войны, и Вильгельм разослал по всей стране десятки королевских комиссаров, чтобы они составили полную опись его земель и владений. Все собранные сведения заносились в громадную книгу под названием «Земельная опись Англии» одним ученым, писавшим на загадочной разновидности латыни. Делалось это все для того, чтобы точно определить размер податей, которые должны были собираться казной.

По крайней мере, так утверждалось.

Были и те, кто подозревал, что столь подробное изучение всех земель было осуществлено с другой целью. Эти люди сравнивали книгу с библейским описанием Судного дня. В Библии говорится, что Бог ведет учет всех человеческих деяний в Книге жизни. И постепенно молва закрепила за плодом этих великих исследований другое название: «Книга Судного дня».

Скептики, сами того не подозревая, были близки к истине.

Мартин прочитал запечатанную воском грамоту. Он видел, как одинокий писец дотошно заносит сведения, полученные от королевских комиссаров, в огромный том, а в конце ученый вывел по-латыни одно-единственное слово, красными чернилами.

Vastare.

«Опустошенный».

Этим словом были отмечены многие области, в том числе земли, разоренные войной и грабежами. Но две записи были полностью сделаны кроваво-красными чернилами. Одна описывала уединенный остров, затерявшийся между побережьями Ирландии и Англии. И вот теперь Мартин приближался ко второму из этих мест, получив королевский приказ провести подробное исследование. Он дал клятву молчать; в помощь ему были выделены три человека. Сейчас они следовали за повозкой верхом.

Возница дернул поводья, побуждая чудовищно огромного гнедого тяжеловоза ускорить шаг. Повозка двинулась вперед, наезжая колесами на трепещущие тела воронов, с хрустом сокрушая кости и разбрызгивая кровь.

Наконец они поднялись на гребень, откуда открылся вид на раскинувшуюся внизу плодородную долину. Вдалеке приютилась деревушка, зажатая с одной стороны каменным особняком, а с другой – церковью со шпилем. Остальными строениями были десятка два бревенчатых домов и россыпь деревянных овчарен и голубятен.

– Милорд, это проклятое место, – пробормотал возница. – Помяните мое слово. И разорила здесь все не чума.

– Мы прибыли сюда как раз для того, чтобы все выяснить.

В лиге позади горная дорога была перекрыта королевским отрядом. Дальше не пропускали никого, и все же это не могло остановить ходившие по окрестным деревням и селам слухи о том, что на долину обрушился какой-то странный мор.

– Проклятое, – повторил возница, направляя повозку вниз по дороге в сторону деревни. – Я слышал рассказы о том, что эти земли когда-то принадлежали безбожникам кельтам. Говорят, для них, язычников, они были священными. По-прежнему в чащах на склонах вон тех холмов можно найти их камни.

Он указал морщинистой рукой на густые леса, которые покрывали вершины высоких холмов, устремленных в небо. Туман, цеплявшийся за верхушки деревьев, превращал зелень крон в грязные оттенки серого и черного.

– Кельты проклинали это место, я вам точно говорю. Принесли гибель тем, кто носит крест.

Мартин Борр не желал слушать эти бредни. Тридцати двух лет от роду, он обрел знания под руководством лучших ученых от Рима до Британии. И сюда вместе со знатоками своего дела явился, чтобы установить истину.

Развернувшись, Мартин махнул рукой, указывая на маленькую деревушку, и трое всадников прищипорили лошадей. Каждый из них знал свою задачу. Мартин последовал за ними, без лишней спешки, изучая и оценивая все, что встречалось на пути. Уединенная деревушка в этой небольшой горной долине, известная под названием Хайглен, славилась в здешних краях своими гончарными изделиями. Глина добывалась из горячих источников, каковыми и объяснялась туманная дымка, затягивающая лес на вершинах. Говорили, что местный способ обжига и состав глины являлись строго оберегаемыми секретами, в которые были посвящены только жители деревни.

И теперь все эти секреты утеряны навсегда.

Повозка, громыхая, катилась по дороге, мимо полей, засаженных рожью, овсом, бобами, мимо грядок овощей. На одних полях, судя по виду, недавно собрали урожай, другие, похоже, были подожжены.

Неужели жители деревни заподозрили правду?

По мере того как повозка спускалась в долину, становились видны ряды овчарен, обрамленных высокими живыми изгородями, которые частично скрывали царящий внутри ужас. Сочные пастбища были испещрены оспинами сотен кучек шерсти, вздутых трупов овец. Ближе к деревне появились также застигнутые смертью свиньи и козы, распростертые на земле, с ввалившимися глазами. В поле валялась пара здоровенных волов, по-прежнему впряженных в плуг.

Повозка подъехала к самой деревушке, спрятанной в зелени деревьев. Вокруг стояла полная тишина. Путников не встретил ни лай собак, ни кудахтанье кур, ни крик осла. Не зазвонил церковный колокол, никто не окликнул чужаков, появившихся в селении.

Тишина была гнетущей.

Как вскоре было установлено, большинство умерших жителей лежали у себя дома, слишком обессиленные перед смертью, чтобы выйти на улицу. Но одно тело застыло на траве, недалеко от каменных ступеней особняка. Мертвый мужчина лежал ничком там, где и упал, возможно свалившись с лестницы и свернув себе шею. Но даже с высоты повозки Мартин обратил внимание на высохшую кожу, обтянувшую кости, на глубоко запавшие глаза, на неестественную худобу.

То же самое истощение наблюдалось и у домашних животных в поле. Казалось, вся деревня долго была в осаде и все живое в ней умерло от голода.

Послышался приближающийся стук копыт. Реджинальд осадил коня рядом с повозкой.

– Все закрома полны, – доложил он, вытирая руки о штаны. – И еще там крысы и мыши.

Мартин вопросительно посмотрел на высокого, покрытого шрамами воина, пришедшего вместе с королем Вильгельмом с севера Франции.

– Дохлые, как и все вокруг. В точности как на том проклятом острове.

– Но теперь мор дошел до наших берегов, – пробормотал Мартин. – Пришел к нам на землю.

Вот почему их послали сюда, вот почему дорога в деревню была перекрыта, вот почему все они дали клятву хранить молчание.

– Жирар подыскал вам хороший труп, – продолжал Реджинальд. – Посвежее остальных. Мальчишку. Жирар оттащил его в кузницу.

Он указал на деревянный сарай с каменной трубой.

Кивнув, Мартин вылез из повозки. Он должен был убедиться наверняка, а для этого существовал только один путь. Его долг как королевского коронера заключался в том, чтобы вывести правду у мертвых. Хотя самую кровавую часть работы Мартин решил оставить французскому мяснику.

Мартин шагнул в открытую дверь кузницы. Жирар уже ждал его там, склонившись перед остывшим горнилом. Француз трудился в войске короля Вильгельма, отпиливая воинам изувеченные члены и тем самым спасая им жизнь.

Жирар освободил стол посреди кузницы и уже снял одежду с тела мальчишки и привязал его к столу. Мартин окинул взглядом бледное, исхудавшее тело. Его собственный сын был приблизительно такого же возраста, но жуткая смерть состарила несчастного паренька, покрыла его морщинами, каких не должно быть в его восемь или девять лет.

Пока Жирар готовил ножи, Мартин осмотрел тело внимательнее. Ущипнув кожу, он отметил полное отсутствие жировой прослойки. Затем изучил растрескавшиеся губы, клочки уцелевших на голове волос, распухшие щиколотки и ступни, но наибольшее внимание уделил выступающим костям, водя по ним руками, словно пытаясь прочитать на ощупь карту: ребра, скулы, глазницы, таз.

Что здесь произошло?

Мартин понимал, что ответ не лежит на поверхности.

Жирар подошел к столу, сжимая в руке длинное серебристое лезвие.

– Ну что, сударь, принимаемся за работу?

Мартин молча кивнул.

Через четверть часа тело мальчика походило на выпотрошенную свинью. Кожа, рассеченная от паха до горла, была содрана и приколотая к доскам стола. Туго переплетенные внутренности лежали в окровавленной брюшной полости, вздутые и розовые. Из-под ребер торчала распухшая желтовато-бурая печень, слишком большая для такого маленького ребенка, иссушенного до костей и хрящей.

Жирар подошел к вскрытому животу. Его руки исчезли в ледяных глубинах.

Мартин, оставаясь в стороне, прикоснулся рукой ко лбу и беззвучно зашевелил губами, моля усопшего простить за это бесцеремонное вторжение. Конечно, сейчас было слишком

поздно ждать от мальчишки прощения. Но его мертвое тело еще могло оказать последнюю услугу – подтвердить худшие опасения.

Жиар вытащил желудок покойного, упругий и белый, от которого свисала распухшая багровая селезенка. Несколькими умелыми движениями ножа француз рассек сплетение кишок и бросил освобожденный желудок на стол. Еще один ловкий разрез – и желудок раскрылся пополам. словно из испорченного рога изобилия, на доски пролилось густое зеленоватое месиво непереваренного хлеба и зерна.

Тотчас же по всей кузнице распространился зловонный запах, сильный и резкий. Мартин прикрыл рукой рот и нос – защищаясь не от смрада, а от жуткой правды.

– Мальчишка умер от голода, это очевидно, – сказал Жиар. – Однако он умер от голода с полным желудком.

Мартин отступил назад, чувствуя, как леденеет все внутри. Вот оно, неопровержимое доказательство. Конечно, для полной уверенности надо будет еще изучить другие трупы. Но и здесь, похоже, причина смерти была той же самой, что и на острове, обозначенном в «Книге наблюдений» словом «опустошенный».

Мартин не мог оторвать взгляд от выпотрошенного детского тела. Теперь понятно, в чем заключалась истинная причина их секретной миссии. Найти язву, поразившую родную землю, и истребить ее, прежде чем она успеет распространиться. Причина смерти всех жителей деревни была той же, что и на затерянном острове. Люди, пораженные странной болезнью, ели и ели, но в конце концов умирали от голода, не получая питательных веществ, полностью истощенные.

Отвернувшись от стола, Мартин вышел из полумрака кузницы на солнечный свет и жадно глотнул свежий воздух. Он устремил взгляд вдаль, на сплошную гряду холмов, покрытых буйной зеленью. Налетевший порыв ветра зашевелил поля ячменя и овса, пшеницы и ржи. Мартин мысленно представил себе человека, плывущего на плоту посреди океана, умирающего от жажды, окруженного со всех сторон водой, пить которую нельзя.

Здесь было то же самое.

Мартин зябко поежился в бледных лучах весеннего солнца. Ему хотелось оказаться как можно дальше от этой долины, но его внимание привлек крик, донесшийся справа, из противоположного конца деревни. Перед распахнутой дверью стояла фигура, облаченная во все черное. На мгновение Мартин испугался, что это сама Смерть, но затем фигура замахала рукой, разрушая образ. Это был аббат Оррен, последний член маленького отряда, настоятель Келлского аббатства в Ирландии. Он стоял у входа в деревенскую церковь.

– Идите взгляните на это! – крикнул аббат.

Мартин поспешил к нему. Это был скорее интуитивный порыв, чем сознательное усилие. Молодому коронеру не хотелось возвращаться в кузницу. Пусть мальчишкой занимается французский мясник. Пройдя через деревню, Мартин поднялся по ступеням и присоединился к католическому монаху.

– В чем дело, аббат Оррен?

Развернувшись, монах направился внутрь церкви.

– Это самое настоящее богохульство! – в негодовании бросил он на ходу. – Взгляните, как эти люди осквернили святое место! Неудивительно, что всех их сразила кара Господня.

Мартин поспешил следом за аббатом. В своем не по размеру большом теплом плаще тощий как скелет монах казался привидением. Из всех них он один побывал на мертвом острове у берегов Ирландии и стал свидетелем тамошнего опустошения.

– Святой отец, вы нашли то, что искали? – спросил Мартин.

Вместо ответа аббат двинулся в глубь церковного зала. Мартину не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Внутри царил угрюмый полумрак. Земляной пол покрывал слой соломы. Скамей не было, за частыми стропилами виднелась низкая крыша. Единствен-

ный свет проникал из пары узких, высоких окон в дальней стене, падая полосами на алтарь – простую каменную плиту. Вероятно, голый камень раньше закрывало алтарное полотно, но сейчас оно было сорвано, отброшено в сторону – по-видимому, это сделал монах, проводивший поиски.

Подойдя к алтарю, аббат Оррен дрожащей рукой указал на каменную глыбу. Его трясло от гнева.

– Это просто богохульство, – повторил он, – вырезать языческие символы в доме Господа.

Мартин подошел ближе и склонился над алтарем. Поверхность плиты была покрыта изображениями солнечных дисков с расходящимися лучами и закрученных спиралей, кругов и странных запутанных узоров, несомненно языческих.

– Почему эти набожные люди совершили подобный грех?

– Я не думаю, что это дело рук жителей Хайглена, – возразил Мартин.

Он провел рукой по алтарю. Его пальцы ощутили древний возраст полустертых изображений. Определенно они были очень старые. Мартин вспомнил слова возницы о том, что это место проклятое, что для древних кельтов эта земля была священна и их огромные камни по-прежнему можно найти в затянутых туманной дымкой лесах на вершинах окрестных холмов.

Мартин выпрямился. Судя по всему, один из этих камней приволокли в Хайглен и превратили в алтарь деревенской церкви.

– Если жители деревни тут ни при чем, то как еще можно объяснить вот это? – спросил аббат.

Подойдя к стене за алтарем, он махнул рукой, указывая на большое изображение на ней. Оно было нарисовано совсем недавно, судя по красновато-бурому цвету, кровью. Рисунок изображал круг, рассеченный на четыре части крестом.

Мартину уже приходилось видеть подобные изображения на надгробиях и древних развалинах. Кельтские жрецы считали этот символ священным.

– Языческий крест, – пробормотал Мартин.

– Такой же мы нашли на том острове, им были помечены все двери.

– Но что это означает?

Аббат прикоснулся к серебряному кресту, висящему на шее.

– Все так, как и опасался король. Змеи, которыми кишела Ирландия, изгнанные с острова святым Патриком, перебрались на наши берега.

Мартин понял, что монах имел в виду не настоящих лесных змей, а языческих жрецов, носящих изогнутые посохи, похожие на змей, на друидов, предводителей древних кельтов. Святой Патрик обратил язычников в истинную веру или изгнал из Ирландии.

Но это было шесть столетий назад.

Обернувшись, Мартин посмотрел сквозь распахнутую дверь церкви на мертвую деревню. У него в голове прозвучали слова Жирара: «Мальчишка умер от голода с полным желудком».

В этом не было никакого смысла.

– Все это нужно сжечь, – пробормотал у него за спиной аббат. – А землю засеять солью.

Мартин молча кивнул, однако у него в груди росла тревога. Сможет ли пламя уничтожить то, что было сотворено здесь? Он не мог ответить на это наверняка, но не вызывало сомнений одно.

До конца было еще очень далеко.

Настоящее время. 8 октября, 23 часа 55 минут. Ватикан

Отец Марко Джованни прятался в темном каменном лесу.

Массивные мраморные колонны, поддерживающие своды собора Святого Петра, разделяли пол на отдельные капеллы, залы, ниши. Священное место украшали работы великих мастеров: «Оплакивание Христа» Микеланджело, балдахин Бернини, бронзовая статуя «Святой Петр на престоле».

Марко знал, что в этом каменном лесу он не один. Где-то здесь, скорее всего в дальней части собора, затаился охотник, выжидая удобного момента.

Три часа назад Джованни получил записку от собрата-археолога, также служителя церкви, своего бывшего наставника во время обучения в Григорианском университете в Риме. Тот пригласил его встретиться здесь в полночь.

Однако, как оказалось, это была западня.

Прислонившись спиной к колонне, Марко зажимал правой рукой левый бок, стараясь хоть как-то остановить кровотечение. Мягкие ткани были разрезаны до самых ребер. Горячая липкая жидкость струилась между пальцами. В левой руке священник держал доказательство, которое было ему так нужно, – древний кожаный мешочек размером не больше кошель для монет. Он сжимал мешочек так крепко, словно от этого зависела его жизнь.

Марко чуть сместился вбок, чтобы осторожно выглянуть из-за колонны и осмотреть неф, и кровотечение усилилось. Тяжелые капли упали на мраморный пол. Ждать дальше было нельзя, иначе он слишком ослабеет. Мысленно прочитав молитву, он оттолкнулся от колонны и побежал по нефу по направлению к папскому алтарю. Каждый гулкий шаг отзывался резкой болью в боку. Но рану эту оставил не нож. Стрела, вспоров Марко бок, глубоко впиалась в спинку деревянной скамьи. Она была короткая, толстая, черная. И выпустили ее из арбалета. Укрываясь за колонной, отец Джованни внимательно изучил стрелу. У нее на конце светился красный светодиод, подобный огненному глазу во мраке.

Не зная, как ему быть, Марко просто бежал, низко пригнувшись. Он сознавал, что, скорее всего, умрет, однако тайна, которую он узнал, была гораздо важнее его жизни. Надо только продержаться еще совсем немного, добраться до дальнего выхода, найти одного из швейцарских гвардейцев, несущих дежурство, и передать известие папе.

Не обращая внимания на боль и ужас, Марко бежал.

Папский алтарь был прямо впереди. Над ним на витых колоннах был установлен бронзовый балдахин работы Бернини. Марко взял чуть левее, стремясь попасть в поперечный неф. Он увидел массивную статую Александра VII и спрятанную под ней дверь.

Эта дверь выходит на площадь Санта-Марта.

Если только...

Тычок в живот лишил Марко последней надежды. Отшатнувшись назад, он опустил взгляд. Этот удар был нанесен не кулаком. Из рубашки торчал короткий стальной стержень с пластмассовым оперением на конце. Боль пришла со следующим вдохом, разливаясь внутрь. Как и первая стрела, эта тоже светилась горящим глазом. Диод располагался на прямоугольном утолщении у основания стрелы.

Марко нетвердой походкой двинулся назад. Зашевелившаяся у двери тень оказалась фигурой в пестром мундире швейцарских гвардейцев – несомненно, это была маскировка. Опустив арбалет, убийца вышел из дверной ниши, где укрылся, подкарауливая свою жертву.

Отступив к алтарю, Марко приготовился бежать обратно в глубь нефа. Но затем он заметил еще одного человека, также в мундире швейцарских гвардейцев. Нагнувшись к скамье, второй убийца выдернул засевшую в дереве стрелу.

Нахлынувшая волна ужаса заставила Марко забыть о боли в животе. Он повернул вправо, к другому поперечному нефу, но обнаружил, что и здесь его уже опередили. Из прячущейся в темноте исповедальни вышла третья фигура, также с арбалетом в руках.

Джованни понял, что он в западне.

Собор имел в плане форму креста, три луча которого были перегорожены убийцами. Бежать оставалось только в одну сторону. В апсиду, к вершине креста. Но это был тупик.

И все же Марко, как мог, поспешил в апсиду.

Впереди возвышался алтарь Святого Петра, массивное позолоченное сооружение, украшенное фигурами святых и ангелов, в котором хранилась кафедра Святого Петра. Над ним – белоснежное овальное окно с изображением Святого Духа в виде голубя.

Но надежды не было и там.

Повернувшись к окну спиной, Марко огляделся вокруг. Слева от него возвышалась гробница папы Урбана VIII. Мраморный саркофаг украшало изваяние Смерти в виде скелета, возвещающее о неизбежной судьбе всех людей... и, вероятно, предсказывающее конец самого Марко.

– *Lilium et rosa*, – прошептал Марко.

Лилия и роза.

В далеком двенадцатом веке одного ирландского священника по имени Малахия, еще при жизни канонизированного в святые, посетило видение: ему явились все папы, начиная от его эпохи и до скончания мира. Согласно видению, всего пап должно быть сто двенадцать. Каждого из них Малахия описал краткой загадочной фразой. Например, Урбан VIII, родившийся через пятьсот лет после смерти Малахии, был определен словами «лилия и роза». И, как и все остальное пророчество, эта характеристика оказалась верной: папа Урбан VIII родился во Флоренции, на гербе которой красуется алая лилия.

Но самым страшным было то, что нынешний папа в списке святого Малахии значился предпоследним. Согласно пророчеству, следующий глава католической церкви увидит конец света.

Прежде Марко не придавал значения подобным фантазиям – но сейчас, когда его пальцы крепко сжимали крошечный кожаный мешочек, он гадал, насколько человечество в действительности близко к Армагеддону.

Марко вздрогнул, услышав шаги. Один из убийц приближался к нему. У него осталось время лишь на одно, последнее действие.

Он не раздумывал ни секунды. Зажав кровоточащую рану, чтобы не оставлять следов, Марко переместился в сторону и спрятал то, что должен был сохранить. Покончив с этим, он вернулся в центр апсиды и, не надеясь на спасение, упал на колени в ожидании смерти. Шаги приблизились к алтарю. Показалась человеческая фигура. Мужчина остановился и взгляделся в темноту.

Это был не убийца.

И этого человека Марко хорошо знал.

Джованни застонал, привлекая внимание новоприбывшего. Тот удивленно застыл, затем поспешил к раненому.

– Марко?

Слишком обессиленный, чтобы подняться на ноги, Марко только смотрел на него, на мгновение поколебавшись между надеждой и подозрением. Но вот мужчина бросился к нему с неподдельной тревогой на лице. Это был бывший наставник Марко, человек, назначивший нынешнюю полуночную встречу.

– Монсиньор Верона... – с трудом выдавил Марко, забывая обо всех подозрениях, чувствуя сердцем, что этот человек его никогда не предаст.

Подняв руку, Марко разжал пустую ладонь. Другая его рука схватилась за оперенный конец стрелы, по-прежнему глубоко воткнутой в живот.

Мигнувший отсвет привлек его внимание вниз. У него на глазах красный огонек светодиода на конце стрелы сменился зеленым.

Нет...

Взрыв швырнул Марко на мраморный пол, оставив след крови, дыма и вывалившихся внутренностей. С зияющей дырой на месте живота отец Джованни повалился на бок у подножия алтаря. Закатившиеся глаза остановились на возвышающемся позолоченном монументе.

В угасающем сознании всплыло имя.

Petrus Romanus.

Петр из Рима.

Это имя было последним в пророческом списке святого Малахии – имя человека, который сменит нынешнего главу католической церкви и станет последним папой на земле.

И поскольку он, Марко, сегодня потерпел неудачу, предотвратить такой исход уже невозможно.

Перед глазами у Марко все померкло. Он потерял слух. У него не осталось сил, чтобы говорить. Лежа на боку, он смотрел через апсиду на гробницу папы Урбана, на бронзовый скелет, выбирающийся из склепа. На костлявом пальце у скелета висел крошечный мешочек, который отец Джованни так оберегал. Марко представил себе древний символ, выжженный на коже.

В нем была единственная надежда для мира.

С последним вздохом Марко помолился, чтобы этого оказалось достаточно.

Часть первая Спираль и крест

Вторник, 9 мая. Для немедленной публикации

«ВИАТУС» БЕРЕТ КУРС НА РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕХВАТКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Осло, Норвегия («Деловые новости»). «Виатус интернэшнл», ведущая на мировом рынке нефтехимическая компания, объявила сегодня о создании нового подразделения, которое будет заниматься биогенетическими исследованиями в области зерновых культур.

«Задача нового подразделения будет заключаться в разработке технологий, которые помогут резко увеличить производительность сельского хозяйства, что позволит удовлетворять растущие мировые потребности в продовольствии и топливе, – сообщил Ивар Карлсен, президент компании «Виатус интернэшнл». – Создав отделение биогенетических исследований зерновых культур, мы намереваемся бросить на борьбу с этой угрозой все наши силы, организовав нечто вроде сельскохозяйственного эквивалента «Манхэттенского проекта»². Ни о какой неудаче речи идти не может – в этом заинтересована как наша компания, так и весь мир».

В последние годы новые методы гибридизации и трансгенных технологий, запатентованные компанией, позволили увеличить урожайность зерновых, кукурузы и риса на тридцать пять процентов. По словам Карлсена, «Виатус» ожидает удвоения этих показателей в ближайшие пять лет.

Карлсен объяснил, чем была вызвана необходимость этого нового подразделения, в своей сегодняшней речи на конференции по проблемам продовольствия, которая проходит сейчас в Буэнос-Айресе. Ссылаясь на данные Всемирной организации здравоохранения, Карлсен напомнил, что около трети населения Земли угрожает голод. «Мы стоим перед лицом глобального продовольственного кризиса, – сказал он. – Большинство тех, кто постоянно недоедает, живет в странах третьего мира. Голодные бунты распространяются по всему земному шару, еще больше накаляя обстановку в регионах, и без того являющихся нестабильными».

Проблема нехватки продовольствия, констатировал Карлсен, в новом тысячелетии выходит на первое место, опережая проблемы нехватки энергетических ресурсов и питьевой воды. «Настоятельно необходимо, как с точки зрения заботы о глобальной безопасности, так и из чисто гуманитарных соображений, значительно увеличить производство продуктов питания за счет новых биотехнологий».

Ведущая роль в сельскохозяйственных нововведениях: компания «Виатус интернэшнл», входящая в список ста крупнейших компаний журнала «Форчун», имеет свою штаб-квартиру в Осло. Основанная в 1802 году, компания поставляет свою продукцию в сто восемьдесят стран мира, повышая продолжительность и качество жизни путем исследований и инноваций. Ее акции продаются на Нью-Йоркской фондовой бирже под символом «ВИ». Название «Виатус» образовано из двух латинских слов: «*via*» – путь и «*vita*» – жизнь.

² «Манхэттенский проект» – кодовое название правительственной научно-промышленной программы создания атомной бомбы, принятой в США в 1942 году. (Здесь и далее примечания переводчика.)

1

9 октября, 4 часа 55 минут. Мали, Западная Африка

Джейсона Гормена разбудила стрельба. Он спал как убитый, и ему потребовалось какое-то мгновение, чтобы вспомнить, где он находится. Ему снилось, что он в гостях в загородном доме своего отца в отдаленной части штата Нью-Йорк, купается в озере. Но противомоскитная сетка, которой, словно коконом, была укутана его койка, и предрассветный холод пустыни быстро вернули его к действительности.

Это, а также крики.

С бешено колотящимся сердцем Джейсон отшвырнул ногами тонкое одеяло и отдернул сеть. Внутри палатки Красного Креста царила крошечная темнота, но сквозь брезент просвечивали дрожащие багровые отблески, говорящие о том, что в восточной части лагеря беженцев начался пожар. Где-то рядом вспыхнуло еще что-то, и языки пламени заплясали за всеми четырьмя стенками палатки.

«О господи...»

Несмотря на панику, Джейсон сразу же понял, что произошло. Его подробно проинструктировали перед отъездом в Африку. На протяжении всего прошлого года повстанческие силы туарегов нападали на лагеря беженцев, охотясь в первую очередь за продовольствием. В столице Республики Мали не прекращались беспорядки, и цена на рис и маис взлетела в три раза. В северных районах продовольствие стало новым золотом. Трем миллионам человек угрожал голод.

Вот почему Джейсон приехал сюда.

Его отец спонсировал обустройство экспериментальной фермы, которая раскинулась на территории в шестьдесят акров к северу от лагеря. Основное финансирование осуществляла корпорация «Виатус», за работами наблюдали биологи и генетики из Корнеллского университета. Здесь проводились испытания новых генетически модифицированных сортов кукурузы, выведенных специально для этих выжженных солнцем, засушливых мест. Урожай с первого поля был собран не далее как на прошлой неделе; кукуруза выросла лишь на трети воды, которая понадобилась бы для орошения в обычных условиях. Судя по всему, кому-то это совсем не нравилось.

Джейсон босиком выскочил из палатки. Он по-прежнему был в шортах и свободной рубашке, в которых и упал в кровать вчера вечером. В предрассветном полумраке единственным источником света было пламя пожаров.

Вероятно, генераторы вышли из строя.

Во мраке гулками отголосками разносились автоматные очереди и крики. Повсюду металась неясная тень: объятые ужасом беженцы пытались спастись бегством. Однако движение это было хаотическим; людской поток устремлялся то в одну сторону, то в другую. Винтовочные выстрелы и частый треск пулеметов доносились отовсюду, и никто не знал, куда бежать.

Один только Джейсон знал, куда ему нужно.

Криста до сих пор находилась в научно-исследовательском центре. Три месяца назад Джейсон познакомился с ней в Штатах, во время инструктажа. Делить с ним его кокон из

противомоскитной сетки она начала лишь в прошлом месяце. Однако вчера вечером Криста осталась в центре. Она собиралась работать всю ночь, заканчивая анализ ДНК кукурузы первого урожая.

Необходимо ее найти.

Проталкиваясь навстречу людскому потоку, Джейсон поспешил к северной оконечности лагеря. Как он и опасался, стрельба и пожары там были самыми сильными. Вероятно, повстанцы решили захватить собранный урожай. До тех пор пока никто не будет им мешать, все останутся живы. Пусть грабители забирают кукурузу. Как только добыча окажется у них в руках, они скроются в ночи так же стремительно, как и появились. Весь урожай кукурузы все равно должны были уничтожить. До проведения всесторонних анализов использовать ее в пищу было нельзя.

Завернув за угол, Джейсон упал, споткнувшись о первого встреченного убитого, подростка лет пятнадцати, распростертого в проходе между убогими лачугами, которые здесь считались домами. Мальчишка погиб от пули, а затем его затоптали. Джейсон отполз в сторону, потом поднялся на ноги и побежал прочь.

Еще через сотню отчаянных ярдов он добрался до северного края лагеря. Здесь трупы уже валялись повсюду, нагроможденные друг на друга, – мужчины, женщины, дети. Тут произошла настоящая бойня. Некоторые тела были буквально разорваны пополам пулеметными очередями. За полем смерти стояли сборные металлические ангара научно-исследовательского центра, подобные черным кораблям, застрявшим в западноафриканской саванне. Там не было ни огонька – лишь пламя пожаров.

«Криста...»

Джейсон застыл на месте. Он хотел идти дальше и проклинал собственную трусость. Но ноги не слушались его. На глаза навернулись слезы отчаяния.

Внезапно позади послышался размеренный гул. Обернувшись, Джейсон увидел пару вертолетов, пролетающих прямо над осажденным лагерем, у самой земли. Несомненно, это вертолеты правительственных войск с расположенной неподалеку базы. Корпорация «Виа-тус» разбрасывала американские доллары мешками, стремясь обеспечить дополнительную безопасность экспериментальной фермы.

У Джейсона из груди вырвался судорожный вздох. Вертолеты без труда прогонят повстанцев. Проникнувшись новой уверенностью, он побежал через поле, все же низко пригибаясь. Он направлялся к ближайшему ангару, до которого было меньше ста ярдов. Там его укроет густая тень, а лаборатория Кристи находится в следующем ангаре. Джейсон молил Бога, чтобы девушка спряталась там.

Когда Джейсон добежал до задней стены ангара, у него за спиной вспыхнул яркий свет. Ослепительный луч прожектора, вырвавшийся из головного вертолета, прошелся по лагерю беженцев. Джейсон хрипло вздохнул.

Это напугает повстанцев, заставит их уйти.

Затем с обеих сторон вертолета застрочили пулеметы, обрушив на лагерь свинцовый дождь. У Джейсона застыла кровь в жилах. Это был не хирургический удар по вторгшимся силам повстанцев. Это было полномасштабное уничтожение.

Второй вертолет зашел с другой стороны, описывая круг над дальней частью лагеря. Из заднего люка вывалились бочки, которые взорвались при ударе о землю, выбросив в небо языки пламени. Крики стали еще громче. Джейсон увидел, как один мужчина убегает в пустыню, полностью голый, с горящей кожей на спине. Град зажигательных бомб приближался к тому месту, где находился Джейсон.

Развернувшись, он бросился вокруг ангара.

Впереди находились поля и элеваторы, но там спасения не будет. Со стороны ровных рядов кукурузы приближались черные фигуры. Джейсон решил рискнуть и пересечь откры-

тое пространство, чтобы добраться до лаборатории Кристи. Окна ангара были темными, а единственная дверь выходила на поле.

Джейсон медлил, собираясь с духом. Один последний рывок – и он окажется внутри ангара. Но прежде чем он успел сделать хоть шаг, новые струи пламени озарили дальнюю часть поля. Цепочка людей с огнеметами шла вдоль рядов кукурузы, сжигая еще не собранный урожай.

«Черт побери, что здесь происходит?»

Вдалеке справа одинокая башня элеватора взорвалась огненным смерчем, взметнувшись высоко в небо. Опомившись от шока, Джейсон бросился к распахнутой двери ангара и нырнул внутрь.

В отвесах пожаров помещение выглядело нетронутым, даже опрятным. Дальняя половина ангара была заставлена всевозможным научным оборудованием, которое использовалось для проведения генетических и биологических исследований: микроскопами, центрифугами, инкубаторами, термостатами, устройствами гель-электрофореза. Справа стояли столы с переносными компьютерами, оборудованием спутниковой связи, аккумуляторами бесперебойного питания.

Экран одного компьютера, работающего на аккумуляторах, светился заставкой. Он стоял на столе Кристи, но самой девушки видно не было.

Подбежав к столу, Джейсон провел большим пальцем по клавиатуре. Заставка исчезла, сменившись открытым окном электронной почты. И снова это была почта Кристи.

Джейсон лихорадочно огляделся вокруг.

Судя по всему, Криста бежала, но куда?

Джейсон быстро вошел в свой ящик электронной почты и набрал служебный адрес отца на Капитолийском холме. Пытаясь отдышаться, он торопливо отстучал несколько кратких предложений, описывающих нападение. Если ему не удастся спастись, пусть о случившемся станет известно. Джейсон уже собирался нажать клавишу «отправить», но тут его осенила одна мысль. На рабочий стол были выложены какие-то файлы Кристи. Джейсон присоединил их к своему сообщению и только после этого отправил его. Наверняка это было что-то важное для Кристи.

Электронное сообщение ушло к адресату не сразу. Присоединенные файлы были огромными; для их перекачки потребуется не меньше минуты. Но Джейсон не мог больше ждать. Оставалось надеяться, что энергии аккумулятора хватит, чтобы полностью передать сообщение.

Боясь задерживаться здесь, Джейсон развернулся к двери. Ему все равно не узнать, куда пропала Криста. Хотелось надеяться, что девушке удалось скрыться в пустыне. И туда сейчас поспешит он сам. Там целый лабиринт оврагов и русел пересохших рек. Если понадобится, можно будет укрываться там несколько дней.

Джейсон бросился к двери, и тут проем загородил черный силуэт. Ахнув, Джейсон попятился назад. Фигура шагнула в ангар и удивленно прошептала:

– Джейс, это ты?

Джейсона захлестнула волна облегчения.

– Криста...

Он бросился к ней, широко раскрывая объятия. Они спасутся вместе.

– О, Джейсон, слава богу!

Его радость была сравнима с той, которую испытывала Криста, – до тех пор, пока она не подняла пистолет и трижды не выстрелила ему в грудь. Пули тяжелыми кулаками сбили Джейсона с ног, отбросив на пол. Затем накатила обжигающая боль, сделавшая ночь еще темнее. Где-то вдалеке продолжали звучать выстрелы, взрывы, новые крики.

Криста склонилась над ним.

– Твоя палатка была пуста. Мы решили, тебе удалось бежать.

Джейсон закашлялся, не в силах ничего ответить, потому что рот его заполнился кровью.

Судя по всему, удовлетворенная его молчанием, Криста развернулась и направилась назад, в кошмар пламени и смерти. На мгновение она задержалась в дверях, вырисовываясь черным силуэтом на фоне пылающих полей, затем исчезла в ночи.

Джейсон тщетно пытался что-либо понять.

«Почему?»

Его заволакивал мрак. Он понял, что так и не узнает ответ на этот вопрос, и все же перед смертью успел кое-что услышать. Компьютер на соседнем столе пискнул. Сообщение было отправлено.

2

10 октября, 7 часов 04 минуты. Лесной парк Принца Уильяма. Штат Виргиния

Ему нужно было прибавить скорость.

Низко пригнувшись к рулю мотоцикла, командер Грейсон Пирс заложил крутой вираж. Наклонив свое шестифутовое тело к центру поворота, он едва не ободрал колено о землю, буквально укладывая мотоцикл горизонтально.

Двигатель взревел, откликаясь на открытую до конца дроссельную заслонку. Мотоцикл выпрямился, устремляясь вперед. Цель мчалась на удалении пятидесяти ярдов на обтекаемой «Хонде». Грей преследовал ее на старой «Ямахе». Оба мотоцикла были оснащены четырехцилиндровыми двигателями, но машина Грея была более тяжелой и громоздкой. Для того чтобы догнать «Хонду», ему придется показать все свое мастерство.

И, возможно, понадобится еще немного везения.

Оба мотоцикла выехали на короткую прямую дорогу, рассекающую лесной массив. По обеим сторонам от нее тянулись густые заросли широколиственных деревьев. Сочетание высоких буков и ясеней создавало впечатляющее зрелище, особенно сейчас, в октябре, когда листва меняла цвет. К сожалению, накануне вечером разразилась сильная гроза, и ветер сорвал листву, покрыв асфальт пятнами скользкой мокрой грязи.

Грей снова дал полный газ. Ускорение буквально толкнуло его в спину. Чуть дернувшись из стороны в сторону, мотоцикл ракетой устремился по прямой. Прерывистая дорожная разметка слилась в сплошную линию.

Но другой мотоциклист также воспользовался тем преимуществом, которое открывал прямой участок. Пока что большая часть шоссе номер 619 представляла собой головокружительные «американские горки» внезапных поворотов, крутых подъемов и смертельных спусков. Продолжающаяся уже час гонка проходила очень жестко, но Грей и не думал о том, чтобы отстать от второго гонщика.

Цель сбросила скорость, входя в следующий поворот, и расстояние между мотоциклами сократилось. Грей же не стал притормаживать. Быть может, это было опрометчиво, но он знал возможности своей «Ямахи». С тех пор как мотоцикл оказался у него, он постоянно обращался к инженерам УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, и те вносили в конструкцию все новые усовершенствования.

Они были перед Греем в долгу.

Отряд «Сигма», в котором он служил, представлял собой силовое подразделение УПНОИР. Этот отряд состоял из бывших бойцов войск специального назначения, которые, помимо опыта оперативной работы, также обладали серьезными познаниями в той или иной области науки.

Одним из усовершенствований мотоцикла был дисплей, встроенный в шлем. На стекле забрала слева высвечивались показания приборов: скорость, частота оборотов, температура масла. В правой части выводилась навигационная карта, а также предложения по оптимальным передаче и скорости, соответствующим данным дорожным условиям.

Краем глаза Грей отметил, что стрелка тахометра зашла в красную зону. Справа тревожно замигала навигационная матрица – он входил в поворот слишком быстро.

Не обращая внимания на эти предупреждения, Грей продолжал выкручивать ручку газа.

Расстояние между двумя мотоциклами сократилось еще больше.

Теперь, когда они оба вошли в поворот, их отделяло друг от друга не больше тридцати ярдов.

Первый гонщик накренил мотоцикл, с ревом выписывая поворот. Через какое-то мгновение следом за ним этот маневр повторил Грей. Стремясь выиграть еще пару ярдов за счет того, чтобы пройти как можно ближе к краю «слепого» поворота, он пересек сплошную линию центральной разметки, выскакивая на встречную полосу. К счастью, в этот ранний час машин на дороге не было.

К сожалению, этого нельзя было сказать про диких зверей.

Как раз за самым поворотом на обочине сидела медведица, а рядом с ней пристроился медвежонок. Оба засунули свои носы в пакет из «Макдоналдса». Первый мотоцикл промчался мимо. Шум и быстро мелькнувшая тень напугали зверей: медведица поднялась на задних лапах, а детеныш, подчиняясь инстинкту, побежал – прямо на дорогу.

У Грея уже не было возможности его объехать. Не имея выбора, он резко нажал на тормоз, пуская мотоцикл юзом. Покрышки заскользили по асфальту, оставляя черные дымящиеся следы. Добравшись до мягкого суглинка на противоположной обочине, Грей отпустил мотоцикл и оттолкнулся от него ногами. Момент инерции протащил его на спине по мокрой палой листве добрых двадцать футов. У него за спиной мотоцикл с громким стуком налетел на дуб.

Наконец остановившись в мокрой канаве, Грей обернулся. Он успел увидеть спину медведицы, убегающей в лес. Следом за ней улепетывал медвежонок. Похоже, на сегодня гамбургеров с них было достаточно.

Послышался новый звук.

Рев мотоцикла, приближающегося на полной скорости.

Грей уселся на земле. Первый гонщик, проехав дальше по дороге, развернулся и теперь направлялся назад.

«О, просто замечательно...»

Расстегнув ремешок, Грей стащил с головы шлем.

Второй мотоцикл подкатил к нему и резко затормозил, приподнимаясь на переднем колесе. Гонщик был невысокого роста, но плотный и мускулистый, словно бультерьер. Как только его мотоцикл остановился, он тоже снял шлем, открывая наголо выбритую голову. Нахмурившись, гонщик посмотрел на Грея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.